

ISSN 0321 — 0561

В МИРЕ КНИГ

2

89

НА СЧЕТ

ПЕРЕЧИСЛЕНО:

Издательствами	1055,5 тыс. руб.
Полиграфическими предприятиями	405,9 тыс. руб.
Организациями ВГО «Союзкнига»	624 тыс. руб.
Госкомиздатами союзных республик	1257 тыс. руб.

**ВСЕГО ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ,
ПОЛИГРАФИСТОВ
И КНИГОРАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ СТРАНЫ
ПОСТУПИЛО СВЫШЕ
ПЯТИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.**

700412

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В МИРЕ КНИГ

Ежемесячный журнал Государственных комитетов СССР и РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Издается с 1936 года

Главный художник
Г. Ю. КОРНЫШЕВ

Художественно-технический редактор
Е. М. Верба
Технический редактор
Н. Н. Козлова
Корректор
М. А. Кронгауз

Москва

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
129272, Москва,
Сущевский вал, 64

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:
281-50-98

Сдано в набор 28.11.88
Подписано в печать 3.02.89
Формат 84×108 1/16
Физ. печ. л. 5,00+0,50+0,25
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42
Уч.-изд. л. 12,93+0,78 вклейка
Усл. кр.-отт. 21,42
Печать глубокая и офсетная.
Тираж 147 000 экз.
Заказ 2770
А03105
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР.
170024, г. Калинин, проспект Ленина, 5

Содержание

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО. ОБЩЕСТВО

ЗА РУБЕЖОМ

НА ОБЛОЖКЕ:
г. Ленинакан, 9 декабря 1988 года. *Фото А. Пескова.*

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться на Калининский полиграфкомбинат по адресу, указанному в выходных сведениях.
Всеми вопросами подписки и доставки занимаются предприятия «Союзпечати».

ПРАВДА ОБ ОПАЛЬНОМ МАРШАЛЕ

Борис ХАВКИН

«Опала национальных героев и наклеивание им различных ярлыков никогда в истории не воспринимались широкими слоями народа, в подавляющем большинстве клеветнические измышления не проникали в его душу. Поэтому вокруг опальных часто создавался ореол непогрешимости, а иногда — мученичества».

Эти слова сказаны о четырежды Герое Советского Союза Маршале Советского Союза Г. К. Жукове.

До сих пор в советской литературе нет обобщающего издания, которое с достаточной полнотой освещало бы жизнь и полководческую деятельность легендарного военачальника.

Сборник «Маршал Жуков: полководец и человек», цитатой из которого мы начали свой рассказ, в какой-то степени восполняет этот пробел. Сборник воспоминаний о полководце, состоящий из двух томов, издан в 1988 году издательством АПН.

Он включает как опубликованные в советской печати, так и специально написанные для этого издания статьи и очерки советских военачальников, писателей, журналистов, историков, людей, близко знавших Г. К. Жукова, его ближайших помощников, земляков, родных, архивные документы.

У сборника «Маршал Жуков: полководец и человек» непростая судьба. Его путь к читателю длится более 10 лет. Он был задуман еще в середине 70-х годов. В то время, несмотря на то, что книга Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» уже вышла в свет, по отношению к маршалу по-прежнему ощущалась определенная настороженность, которая шла сверху. Решение октябрьского Пленума ЦК КПСС 1957 года, когда Г. К. Жуков был выведен из Президиума ЦК и ЦК КПСС и снят с поста министра обороны СССР, отменено не было. 17 лет, до своей кончины в 1974 году, маршал, по существу, находился в опале.

Материалов о маршале Жукове было опубликовано довольно много, но на них лежала печать времени, которое мы теперь называем «застойным». Военные, вынужденные поддерживать дутый авторитет маршала Брежнева, крайне осторожно и зачастую предвзято высказывались о маршале Жукове.

Для того, чтобы отобрать материал для сборника, его составителям А. Д. Миркиной и полковнику В. С. Яровикову, выполнившему военно-научное редактирование, пришлось из 1300 произведений советской военно-мемуарной литературы изучить более 800. Начальник Центрального архива Министерства обороны СССР генерал-майор Н. И. Луцев осуществил подбор и исследование архивных документов.

Для А. Д. Миркиной участие в составлении сборника явилось естественным продолжением ее работы над книгой Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», редактором которой она

была. Мемуары Г. К. Жукова вошли в золотой фонд советской военно-мемуарной литературы.

Эта книга, впервые изданная в СССР двадцать лет назад и ставшая бестселлером мирового масштаба, вновь и вновь привлекает внимание читателей. Поэтому, рассказывая о новом двухтомнике АПН, мы тоже посчитали необходимым вернуться к ней.

А. Д. Миркина рассказывает:

— «Совместная работа издательства АПН с Г. К. Жуковым над двумя первыми изданиями его книги продолжалась девять лет. Это была правдивая и честная книга о войне. Работа над воспоминаниями заставила Георгия Константиновича вновь пережить те годы, когда он был одним из творцов нашей великой Победы.

Автор не был уверен, что книга выйдет в свет при его жизни. Но маршал Жуков работал, так как твердо знал, что ему необходимо выполнить свой долг перед историей. И, как все, что он делал в жизни, над своими мемуарами он работал глубоко и серьезно. Г. К. Жуков не был писателем, но он был яркой, творческой личностью, обладал аналитическим умом и талантом исследователя и поэтому его труд столь значителен. Единственное издательство в СССР, которое осмелилось в 60-е годы взять на себя издание в нашей стране и за рубежом книги нашего национального героя, было издательство АПН. Надо отдать должное гражданскому мужеству тогдашнего председателя Правления АПН Б. С. Буркова и первого директора издательства В. Г. Комолова, которые сумели отстоять книгу. В. Г. Комолов оказал большую творческую и организационную помощь маршалу в подготовке его рукописи.

И вот в 1988 году в издательстве АПН, благодаря энергии его нового главного редактора А. Г. Эйдинова, а также редактора И. Г. Александрова и сотрудников редакции, вышел сборник воспоминаний о маршале Жукове.

О годах работы над мемуарами Г. К. Жукова, трудных и счастливых, я рассказала в статье «Не склонив головы», вошедшей в сборник».

К сказанному А. Д. Миркиной необходимо добавить, что одной из первых статей о мемуарах Г. К. Жукова была ее же публикация в нашем журнале (1978, № 2). Но в то время нельзя было упоминать о том, какой трудный путь прошла книга маршала. Ярым противником издания мемуаров полководца был секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, ведавший идеологией, а «лично» Леонид Ильич Брежнев «разрешил» книгу с условием, что Жуков упомянет в ней его.

Значительным изменениям подверглись высказывания Г. К. Жукова о нашей неподготовленности в 1941 году к войне и оценка Сталина как Верховного Главнокомандующего на протяжении всей войны.

Нельзя было говорить и о том, что маршал Жуков написал главу о репрес-

В день 70-летия Г. К. Жукова. Мундир маршала слишком тяжел для женских рук.

Георгий Жуков — внук маршала, сын его младшей дочери Марии.

На даче в Сосновке.

сиях 1937—1938 гг. по отношению к высшему комсоставу Красной Армии, где дал блестящую характеристику М. Н. Тухачевскому, И. П. Уборевичу, И. Э. Якиру, А. И. Егорову, В. К. Блюхеру и многим другим военачальникам, с которых брал пример и у которых учился. Главу эту, к сожалению, отстоять не удалось. Сразу после смерти маршала Жукова его личный архив был опечатан и вывезен. До сих пор в Центральном архиве Министерства обороны СССР этих документов нет.

Глава о репрессиях считалась утраченной. Но, к счастью, Мария Георгиевна Жукова сумела сохранить записки отца. Глава о 37-м годе войдет в готовящееся в настоящее время 10-е издание «Воспоминаний и размышлений».

«Время все расставит по своим местам, всех рассудит. Историю пытались обмануть и обхитрить, бесполезно...

Надлежащую службу своему народу можно сослужить только правдой и борьбой за нее», — сказал незадолго до кончины маршал Жуков, как бы итожа все сделанное.

Записи бесед маршала с писателем Константином Симоновым и военными историками Н. Г. Павленко и Н. С. Светлишиным, — одни из самых значительных материалов сборника. С большим интересом читаются также воспоминания об отце дочерей Г. К. Жукова Эры и Эллы.

Сборник — «Маршал Жуков: полководец и человек», — удостоенный 1-й премии и золотой медали Агентства печати «Новости» за лучшее издание 1988 года, поможет восстановить историческую правду об опальном маршале.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты статьи доктора исторических наук генерал-лейтенанта Н. Г. Павленко из сборника «Маршал Жуков: полководец и человек».

Маршал Г. К. Жуков в Индии. 1957 год.

Н. Г. ПАВЛЕНКО

В плеяде блистательных военачальников Великой Отечественной войны первое место, конечно, занимает легендарный Георгий Константинович Жуков. Он иногда именуется великим полководцем, его ставят в один ряд с Суворовым и Кутузовым. Это справедливо. Ибо великий полководец отличается от других военачальников не только количеством и масштабом одержанных побед, но и высоким уровнем полководческого мастерства, оказавшего большое влияние на развитие военного искусства.

Если обозревать жизненный путь полководца, то нетрудно заметить большую переменчивость в его судьбе. Вначале она проявляла к нему невероятную скупость, потом — благосклонность, затем — большую щедрость и наконец — величайшую несправедливость.

В годы гражданской войны многие его сверстники и соратники находились во главе полков и дивизий, а Г. К. Жуков выше эскадронного командира не поднимался. Столь большое различие в продвижении по служебной лестнице объяснялось случайностями, которыми изобилует война.

Судьба проявила большую щедрость к Жукову в 30-е годы. Она оберегла его от «ежовых рукавиц» и от бериевских сатрапов в 1937—1939 годах. Спасли вызов в Москву и приказание ехать на Халхин-гол.

В 1939—1941 годах были заметны многие признаки готовящейся агрессии фашистской Германии против СССР. В предвоенные годы нашей страной предпринимались огромные усилия для укрепления армии. Но, к сожалению, эти меры не дали ожидаемых результатов.

Самой большой слабостью, обусловившей наше катастрофическое поражение в начале войны, было то, что мы перед войной не имели хорошо слаженной военной машины. Репрессии против командных кадров в 1937—1939 годах лишили армию нескольких десятков тысяч офицеров, что в очень сильной степени ослабило ее. В количественном отношении убыль в кадрах была восполнена. Этого нельзя сказать о качественном их состоянии. На многих командных и штабных должностях находились малокомпетентные в военном отношении люди. Оказавшись в тяжелом положении, они совершали уйму ошибок.

Наиболее крупные ошибки, носившие часто трагический характер, совершались в стратегическом звене руководства. Многие из этих ошибок были совершены лично Сталиным, который, по оценкам маршала Жукова, перед Великой Отечественной войной и в ее начале имел весьма смутное представление о военном деле.

Хотя Сталин мало понимал в военном деле в начале войны,

он был, по словам маршала Василевского, неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои способности в руководстве войной.

Фашистское руководство Германии, будучи отлично осведомлено о низкой боеспособности Красной Армии в результате массовых репрессий и крупных преимуществах своей военной силы, решило возможно быстрее развязать войну против Советского Союза.

К началу войны против нашего государства Гитлер имел сильный и слаженный инструмент войны.

По словам Жукова, перед войной и в ее начале немецкое командование лучше думало, чем наше, а их генеральный штаб и вообще штабы лучше работали, чем наши. В этих словах он довольно самокритично оценил и свою работу на посту начальника Генерального штаба. Он в то время не обладал еще необходимыми знаниями и опытом, чтобы выполнять многотрудные задачи на этом посту.

Будучи не уверен в своих знаниях и опыте, Жуков, как и многие другие в то время, уповал на Сталина.

К несчастью, слепая вера в мудрость Сталина была присуща и руководителю Наркомата обороны С. К. Тимошенко.

Служба Г. К. Жукова в Генеральном штабе продолжалась всего полгода. Но случилось так, что именно в это время наше стратегическое руководство, к которому принадлежал и Г. К. Жуков, совершило наиболее крупные просчеты и ошибки, которые имели роковые последствия для ведения операций в начальный период войны. Нам представляется, что уроки и выводы из этих ошибок и просчетов имеют важное значение и в наши дни.

Трагическим периодом в жизни Г. К. Жукова была его опала. Она состояла как бы из трех этапов: первый (1946—1953 гг.) — пребывание прославленного полководца во главе второстепенных округов (в Одессе и Свердловске); второй этап (1957—1965 гг.) — полная опала и, наконец, третий этап (1966—1974 гг.) — рецидивы опалы, продолжавшейся до самой смерти полководца. Всего, таким образом, полководец пробыл под всеми видами опалы (ограниченной и полной) почти четверть века.

Освобождение Г. К. Жукова от должности министра обороны в октябре 1957 года, нелепо наклеенный на него ярлык «бонапартиста» — все это отпугивало от его имени многих исследователей, писателей и журналистов. Поэтому в течение двух десятилетий публикации о деятельности полководца можно было пересчитать по пальцам.

Оценивая полководческие качества Г. К. Жукова, надо сказать, что он был ими наделен весьма щедро. Причем его железная воля и могучий ум находились в оптимальных пропорциях, что заметно выделяло его из числа других полководцев.

Железная воля Г. К. Жукова не была скрыта в глубинах его характера. Она находила свое выражение в его суровом взгляде, в выступавшем вперед подбородке, в категоричности суждений, в краткости и сжатости формулировок, в предельной отточенности фраз и в металлическом голосе.

В годы Великой Отечественной войны Г. К. Жуков показал выдающиеся образцы целеустремленности и настойчивости в решении сложных оперативных и стратегических задач. В критических ситуациях он не боялся ответственности за свои решения и действия.

Сопутствующим элементом железной воли у полководца была неоправданная суровость, о которой объективный исследователь не может умалчивать.

С годами некоторые стороны характера Г. К. Жукова изменились. Но немало недостатков у него осталось, что вредило ему. Эти недостатки порождали у некоторой части начальствующего состава антипатию к полководцу. Видимо, по этой причине он в критические моменты своей жизни лишался столь необходимой поддержки со стороны многих своих соратников по войне.

Во второй половине 50-х годов одному из славных ветеранов Красной Армии генерал-лейтенанту А. И. Тодорскому после восемнадцатилетних скитаний по тюрьмам и лагерям довелось возглавить одну из комиссий по реабилитации жертв сталинского произвола. В то время он и составил небольшую справку, которую передал некоторым своим друзьям и знакомым. Один экземпляр ее достался мне как главному редактору «Военно-исторического журнала». Выдержки из этой справки публиковались в журнале «Огонек» в статье В. Д. Поликарпова о Раскольникове.

В справке указывается, что только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года был репрессирован 36761 военачальник, а на флоте — свыше трех тысяч. Следовательно, за небольшой период (менее чем полтора года) подверглись репрессиям около 40 тысяч человек начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Мировая история не знала случаев, чтобы в условиях назревающей войны с таким необычайным неистовством и размахом уничтожались военные кадры в собственной стране.

Преступление по своим масштабам беспрецедентное!

Как-то при встрече с Жуковым, я показал ему справку А. И. Тодорского. Он, конечно, был осведомлен о репрессиях гораздо больше, чем указывалось в справке. Но эта справка послужила поводом для Г. К. Жукова, чтобы рассказать о многих военачальниках, с которыми ему довелось встречаться. Больше всего Жуков рассказывал о своих встречах с Тухачевским и Уборевичем. Он считал их своими учителями. Полководец поведал, что в его личной библиотеке сохранились некоторые номера журналов «Война и революция» и «Военный вестник» со статьями Тухачевского. И уже после трагической гибели Тухачевского он много раз перечитывал его статьи. По словам Жукова, Тухачевский многое предвидел в характере будущей войны. Он великолепно знал германскую армию и видел тенденции ее развития. Гибель Тухачевского явилась невосполнимой утратой для наших вооруженных сил, для всего Советского государства.

Сталин не пощадил и национального героя Маршала Советского Союза В. К. Блюхера, которого заставил быть членом судебного присутствия, приговорившего к расстрелу Тухачевского. 22 октября 1938 года он был арестован. Оказалась в неволе и его жена Глафира Лукинична. Допрос маршала вел сам Берия. Ему было предъявлено обвинение в измене Родине и в намерении сбежать в Японию. Маршал отверг все обвинения. Но непрекращающиеся допросы и издевательства подорвали здоровье этого мужественного бойца, и 9 ноября 1938 года его жизнь трагически оборвалась.

Многие, кому доводилось навещать Г. К. Жукова в Сосновке, интересовались его мнением о сталинских репрессиях. И он, в отличие от других крупных военачальников, не уклонялся от бесед на эту тему. Он часто рассказывал о тех фактах, о которых не принято было говорить во второй половине 60-х годов. Однажды Жуков сказал: «Я принадлежу к тем немногим военачальникам, которые не подвергались арестам, но угроза репрессий в течение полутора десятилетий висела и над моей головой». Перед войной погибли почти все командиры дивизий, под началом которых Жуков командовал полком. Среди них были прославленные герои гражданской войны Н. Каширин, Г. Гай, Д. Шмидт, Д. Сердич. Чудом выжил в тюрьме и освободился лишь К. Рокоссовский, ставший затем прославленным Маршалом Советского Союза. Погибли почти все командиры корпусов и командующие военными округами, в которых проходила служба Г. К. Жукова.

Рассматривая трагедию командных кадров Советских Вооруженных Сил в 1937—1938 годах, нельзя обойти молчанием и роль К. Е. Ворошилова, который в это время был наркомом обороны.

В 20-х годах и в первой половине 30-х годов в Красной Армии сформировалась блестящая плеяда военачальников, знатоков теории и практики военного дела и технического прогресса в области авиации, бронетанковых войск, ракетостроения и т. д. Они по своим знаниям намного превосходили К. Е. Ворошилова. Но нарком, находясь полтора десятилетия во главе вооруженных сил, считал зазорным учиться, прислушиваться к ним. Для него единственным авторитетом был Сталин, которому он всячески угождал.

Все военные деятели, которые могли наблюдать взаимоотношения наркома и его заместителя М. Н. Тухачевского, стоявшего на две головы выше своего начальника, считали их ненормальными. Об этом свидетельствует и Жуков. По его словам, у Тухачевского «бывали стычки с Ворошиловым и вообще существовали неприязненные отношения. Ворошилов очень не любил Тухачевского и, насколько я знаю, когда возник вопрос о подозрениях по отношению к Тухачевскому, а впоследствии и его аресте, Ворошилов палец о палец не ударил для того, чтобы его спасти». А после гибели полководца и его сорат-

Маршал Г. К. Жуков в Индии. 1957 год.

ников Ворошилов был озабочен лишь тем, чтобы вина за это преступление не пала на него одного.

Большой бедой для армии и страны было и то, что Ворошилов просто не понимал нужды обороны. Вот некоторые примеры. Весной 1937 года на одном из заседаний Военного совета начальник Генерального штаба А. И. Егоров поднял вопрос о слабой оборудованности Западного театра военных действий. Для того, чтобы хотя бы частично устранить этот недостаток, он предложил на случай колебания линии фронта в будущей войне подготовить командный пункт для штаба Западного фронта в Могилеве. Ворошилов с грубостью набросился на начальника Генерального штаба, обвинив его в пораженчестве и в попытках извратить доктрину «воевать только на чужой территории».

Чтобы избежать очередных разносов и обвинений в пораженчестве, руководство Генерального штаба пыталось проводить некоторые мероприятия оборонного характера втайне от наркома. Например, заместитель начальника Генерального штаба С. А. Меженинов, обсуждая с заинтересованными людьми возможные варианты эвакуации военно-учебных заведений на восток, крайне опасался, как бы об этом не узнал нарком. Конечно, Ворошилову об этом донесли, и Меженинов в глазах Ворошилова стал «пораженцем». Может быть, приклеенный ему ярлык «пораженца» стал сигналом для Ежова и Берия? Ведь Меженинов, так же, как и его начальник А. И. Егоров, был репрессирован.

Нарком не интересовался судьбами не только М. Н. Тухачевского, но и других своих заместителей (А. И. Егорова, Я. И. Алксниса, И. Ф. Федько и других). И даже тогда, когда записка истерзанного в тюрьме комдива Шмидта попала в руки Ворошилова, нарком не пожелал заняться судьбой этого храброго командира.

Ворошилов был полностью осведомлен о готовящихся арестах высших военачальников. Более того, он вызывал лично или через подчиненных намеченные жертвы на «заседания» и «совещания», а по пути или по приезду в Москву они подвергались арестам. Например, Якир был вызван в Москву лично Ворошиловым и арестован в Брянске, трагическая судьба постигла и Маршала Советского Союза Егорова: после того как Егоров по приказу наркома прибыл в Москву, он был сразу же арестован.

Судя по имеющимся документам, немецко-фашистское командование было в восторге от истребления военных кадров в нашей стране в 1937—1938 годах. Вот одно из свидетельств. Заслушав 5 мая 1941 года доклад полковника Кребса, замещавшего временно германского военного атташе в Москве, начальник немецкого генерального штаба генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня (впечатления Кребса)».

Советскому народу не потребовался столь длительный срок. Нужные офицерские кадры появились уже в первой половине Великой Отечественной войны. Но за истребление опытных военных кадров наш народ заплатил миллионами жизней советских людей и огромными материальными ценностями. К этому следует добавить, что в течение многих месяцев немецкие оккупанты порабощали десятки миллионов советских людей на обширных территориях.

В начале 60-х годов мне неоднократно доводилось встречаться с Ворошиловым. Он охотно рассказывал о своем жизненном пути, не уклонялся даже от того, как он оказался в одной из пещер Кисловодска на совещании участников «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым. Но когда в ходе беседы речь заходила о репрессиях 1937—1938 годов, он как-то сразу тушевался и отвечал на вопросы весьма сдержанно. Однажды я его спросил: сожалел ли когда-либо Сталин о гибели выдающихся полководцев? Вот что он ответил:

— Сталин не столько сожалел об их гибели, сколько стремился возложить ответственность за этот тяжкий грех на одного меня. Конечно, я с этим согласиться не мог и всегда отбивался.

Ворошилов не хотел признавать своей вины в разгуле репрессий. Он пытался переложить ее на других. «Решение о расправе над Тухачевским и другими, — продолжал он, — навязывали нам Сталин, Молотов и Ежов».

Мне довелось беседовать по этому вопросу с П. К. Пономаренко и Г. К. Жуковым. Они говорили о том, что иногда в критических ситуациях на фронтах Сталин вспоминал о некоторых погибших полководцах. По словам Г. К. Жукова, ему неоднократно доводилось быть свидетелем перепалок, возникавших между Сталиным и Ворошиловым по этому вопросу. Сталин пытался всю ответственность за гибель выдающихся полководцев и военачальников возложить на Ворошилова, который, по его словам, слабо знал достоинства подчиненных ему военачальников и вел себя крайне пассивно, когда решалась их судьба. Ворошилов не выдерживал этих упреков, срывался и кричащим голосом пытался оправдаться.

В течение длительного времени репрессии против партийных, советских, военных и научных кадров пытались объяснить и оправдать усилением классовой борьбы в стране. Но этот тезис, выдвинутый Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году был ошибочным. Он не отражал объективную реальность: в стране в это время расширялось и крепло единство советского общества. Тезис Сталина весьма уязвим и с другой точки зрения. Во многовековой истории государств было немало случаев, когда действительно до крайности обострялась классовая борьба, доходившая до восстаний и бунтов, но ни один из правителей не додумывался еще до того, чтобы учинять разгром своих собственных военных кадров.

Другие искали причины гибели перед войной десятков тысяч командиров нашей армии в происках вражеской агентуры. Известно, что во все времена разведки разных государств интересовались сильными и слабыми сторонами руководителей государств — будущих противников. Если взять германскую разведку, то она отлично знала, что на многих важнейших государственных мероприятиях в СССР лежит отпечаток не только сильной воли Сталина, но и особенностей его параноического характера (подозрительность, мстительность, нетерпимость к другим мнениям, наклонности к преступной деятельности, лицемерие, уверенность в своем мессианстве, интриганство, жестокость и т. д.). Поэтому все эти слабости и преступные наклонности «великого» являлись благоприятной почвой для различных провокаций. Но всему есть пределы. Вражеская разведка могла сфабриковать «шпионские дела» на десятки, в крайнем случае, на сотни командиров. Но она не могла спровоцировать арест и гибель десятков тысяч военачальников.

Подлинные причины разбушевавшихся массовых репрессий командных кадров, равно как и партийных, советских, научных и т. д., необходимо искать в тиранических методах руководства государством со стороны Сталина.

Кампания по «ликвидации перекосов» в борьбе с культом личности началась в середине 60-х годов. Именно в ходе этой кампании осуществлялось «переделывание» исторических событий и «укорачивание» биографий жертв сталинских преступлений. Мне довелось быть у Жукова в начале 1968 года, когда полководец под влиянием кампании по «ликвидации перекосов» вынужден был вносить поправки в свои мемуары.

В период застоя ясности в исследованиях причин разгула массовых репрессий в армии не прибавилось. Более того, в некоторых исторических трудах договорились до того, что якобы вообще не было репрессий, а были всего навсего какие-то «обвинения» и неоправданные «увольнения офицеров из армии».

В настоящих записках мы коснулись лишь некоторых сторон жизни и творческой деятельности полководца. Личность Г. К. Жукова противоречива, контрастна и его практическая деятельность. Она характеризовалась ошибками и просчетами в период пребывания его на посту начальника Генерального штаба и триумфальными победами тех оперативно-стратегических объединений, которыми командовал Г. К. Жуков в годы Великой Отечественной войны. Важным достоинством полководца было то, что он открыто признал свою долю вины в этих ошибках.

По-разному оценивалась его деятельность. Были годы, когда Г. К. Жуков возносился на вершину невиданной славы, и были периоды, когда он скатывался в бездну опалы. Находясь в немилости, он испил полную чашу несправедливости. Но мы не разделяем усилий тех авторов, которые в дни юбилея маршала Г. К. Жукова пытались рисовать его многогранный портрет одной розовой краской. Правдивый облик великого полководца может быть воссоздан лишь с помощью всей гаммы красок.

У Михаила Григорьевича Вагина, известного не только своей общественной активностью, но и рекордными результатами труда, председателя колхоза имени Ленина Ковернинского района Горьковской области несколько месяцев назад в режиме «молния» вышла книга «...Увидеть время, в котором живешь» (Агропромиздат, 1988 год). О чем она! Конечно, о проблемах сельской жизни. Диалог нашего корреспондента Аркадия Бедерова с. М. Г. ВАГИНЫМ — своеобразное послесловие к этой книге.

«Я люблю бывать в председательском кабинете. И спозаранку, когда деревня еще только проснулась, люди спешат по работам, а районные конторы еще закрыты и не звонят оттуда, вообще молчит телефон. У председателя именно в эти часы — порой в пять, чаще в шесть утра — происходят самые важные разговоры с помощниками. Люблю председательский кабинет и в вечерние часы, они, часы эти, продолжаются порой до полуночи: опять-таки молчит телефон, а у председателя горит свет, и то ли идет совещание, то ли просто держит он вечерний совет с помощниками, намечает план на завтра».

(Г. Радов «Председательский корпус»)

...Начать разговор мешали телефонные звонки и визитеры.

Но вот, наконец, я включил магнитофон. Давайте вместе «прослушаем запись».

* * *

КОРР: Михаил Григорьевич, можно я немножко покомандую в правлении? (Шум, переставляются стулья).

ВАГИН: Нет-нет, я эти мягкие стулья не люблю. Давно хочу революцию произвести — выбросить их. Люблю на жестком сидеть.

— Михаил Григорьевич, день на удивление?!

— Хороший день, но давайте ближе к делу...

— От погоды разве мало в нашей жизни зависит?! Солнечно. Сухо. Может быть поэтому деревня Сухоноска называется?

— Немного не так. Здесь очень глубокая вода и колодцы очень глубокие рыли давным-давно. И речки не такие полноводные, а ручейки. Нелегко было воду доставать. Исходя из всего этого народ образно и окрестил свое селение — Сухоноска.

— Вам нравится название?

— Мне не нравится, но место само прекрасное, не хуже, а, может быть, даже и лучше многих мест нашей России. Дело-то в конце-концов не в названии! Мы *сейчас строим* центральную усадьбу, и эта Сухоноска будет улицей, просто улицей нашего поселка, и, очевидно, ее мы назовем именем бывшего председателя колхоза Красикова Трофима Васильевича.

Исчезнет скорее всего эта деревня с *географических карт.*

— Мне жалко... Михаил Григорьевич, внешне вас себе хорошо представляют многие. По телеэкрану, по красоч

«ОТКУДА ТАКОЙ ВЗЯЛСЯ? САМИ ВЫРАСТИЛИ»

ным обложкам журналов. Плотный, представительный, в добротном костюме, иногда с геройской звездой, почти всегда со знаком депутата Верховного Совета РСФСР. Как-то не скажешь, что это человек из глубинки. Кстати, вас не оскорбляет такое определение: «из глубинки»?

— Нет, ни в коем разе. Я даже горжусь этим. У меня были возможности уйти из этой глубинки давным-давно, меня выдвигали на «руководящие работы». Однажды согласился и уехал в Москву, в Министерство сельского хозяйства РСФСР. Дали мне там хорошую должность завотделом льна, конопли и других технических культур.

— Хорошая должность, но «за столом»...

— Я там проработал очень немного и не мог никак привыкнуть к порядкам министерским, таким канцелярским, таким бюрократическим.

— Входишь к начальнику со своим мнением, а выходишь — с его?

— Если хочешь идти вверх по служебной лестнице, то надо и в рот смотреть, и предугадывать мысли, и потрафлять. Я не выдержал. Немного поработал и ушел, ушел снова на село.

— Что делает жизнь здесь для вас привлекательной?

— Я родился в этих местах. С детства помогал в хозяйстве родителям. Мне очень нравился сам процесс: посеешь семя — вырастает колос, получается хлеб. Посушат, смелют, и мать испечет настоящий крестьянский душистый каравай.

Знаете, сейчас даже слюнки текут. Давно-давно такого хлеба не приходилось есть. Без всякой химии. Иногда пекут старушки, но и это не то. Нет закваски, тех опар. Бывало идешь по деревне утром — из труб дым стрелой вертикальной идет. Когда потрескивает мороз, запах хлеба потрясающий. Ни с чем не сравнишь.

— Одно время мы с восторгом говорили о том, что стирается грань между городом и деревней. И стирали саму эту грань, не думая, что в общем-то у города и деревни изначально функции разные и образы должны быть разными. Не в том смысле, что один хуже, другой — лучше: один образ беднее, другой — богаче, а изначально разные. Если не секрет, что вас раздражает в современном городе, в его жителях?

— Недавно я прочитал статью Ивана Афанасьевича Васильева «Бумеранг». Очень хорошо он «разложил» и рабочего без пролетарской косточки и раскрестьяненного крестьянина. Действительно, в тяжелые времена, сталинские, люди уходили в город под всякими предлогами, потому что труд в деревне практически ничем не оплачивался. Паспортов не было — все равно уходили.

И сейчас рабочий класс — не тот рабочий класс, который исстари был в городах. Многие — искатели счастья. Другие — по оргнабору.

Те люди, которые вырывались в город, устраивались на работу, получали квартиры, определенные блага и уже смотрели свысока на крестьянина, на колхозника. Это унижает труженика земли. На съезде колхозников выступил представитель Финляндии. Он говорил, что самый уважаемый человек в их стране — это фермер, потому что из его рук хлеб получает и президент, и премьер-министр, все... Ему здорово хлопали, и совершенно справедливо. Вроде так все просто.

— Хлопать — это мало, хлопать мы умеем, привыкли...

«Последний день работы одной из сессий Верховного Совета РСФСР. Председательствующий сообщил, что все, кто хотел выступить, выступили, и предложил прекратить прения. И вдруг в зале поднялся человек: «Прошу слова!» Депутат решительно пошел к трибуне. В зале понятное оживление: такого еще не бывало. Председательствующий пытался остановить шествие незапланированного оратора: «Мы подвели черту, товарищ...» Но человек уже с трибуны обратился к залу: «Даете ли вы мне слово?» Зал слово дал. Человек заговорил о наболевшем, о наказе своих избирателей, о том, что нельзя так заорганизовывать работу сессии и нельзя принимать решение в таком виде, как это изложено в проекте. Свои поправки двадцать шестой — незапланированный — оратор сформулировал ясно и непреклонно. Говорил он недолго, без бумажки, регламента не нарушил. И все-таки за эти считанные минуты депутата трижды прерывал председательствующий:

— Товарищ Вагин!..

— Товарищ Вагин, обсуждение закончено!..

— Товарищ Вагин!..

(Журнал «Огонек», № 24, 1988 г.)

— Михаил Григорьевич, сейчас многие стали смелыми. Как говорится, разрешено. Вы были смелым и в годы застоя и раньше. Неужели вам все сходило с рук?

— Война меня бескомпромиссным воспитала. Она закалила характер, научила идти к цели, несмотря ни на какие препятствия.

— У меня был знакомый председатель колхоза, говоривший, что ему легко пересчитывать свои награды и взыскания, которых поровну: обычно за взысканием следовала награда. А как у вас?

— Да, примерно так. Но дело ведь не в этом. Чтобы выйти на рубежи, когда колхоз стал неуязвимым, непотопляемым, стабильно работающим, надо было выработать линию, сохранить коллектив, сберечь его от всех невзгод, которые проносились над сельским хозяйством со времен Сталина...

— Чем вы сберегли коллектив: «рублем», вниманием?

— Верой в свое дело и твердостью. К примеру, заставляли сеять ту же кукурузу, а мы не сеяли. Заставляли ломать клевера, распахивать их, а мы «шиш». Народ видел, что колхоз ущерба не имеет, хозяйство крепнет, не несет потерь. Гиганты-комплексы животноводческие, мы тоже не строили, хотя нас заставляли и наказывали за непослушание. Чтобы животноводство вести на высшем уровне, пришлось бороться. Нам мешали, с нас требовали, наказывали руководство, но, тем не менее, линия выработанная претворялась в жизнь, планы наши осуществлялись, и у народа появлялась уверенность, что мы неуязвимые.

Помогло нам непослушание, невыполнение указаний начальства. Начальство ведь всякое было, и, конечно, умные были начальники, но были и неумные, мягко говоря. Послушаешь их указания, а делаешь, как запланировано, как задумано, по-своему. Рисковать пришлось, но победителя не судят. Не разбегались наши люди, а, наоборот, сплачивались в коллектив.

Чем богаче колхоз, тем лучше должны жить колхозники. За лучший труд должна быть большая оплата. Люди старались, а мы никогда не считали деньги в кармане колхозников.

Социальная справедливость: кто лучше работает, лучше должен жить. Кто лентяй — не повини, сам виноват.

— Михаил Григорьевич, перед нашей беседой я внимательно перечитал вашу книгу, где есть замечание о том, что высокие доходы при низкой культуре потребления не всегда благо. Вы остаетесь на этой точке зрения?

— Есть деньги, а купить нечего. Тем более — то, что нужно. Где найти сейчас хорошую аппаратуру, автомобиль, мотоцикл? — Большие проблемы. Где взять популярную, или просто нужную книгу? Дефицит книги особенно нетерпим, ведь мы уже имеем несчастье наблюдать его последствия — отсутствие тяги к чтению, «презрение» к сокровищам культуры. Когда есть выбор, тут можно и по вкусу одеться, и в обществе себя показать, и нормально, как говорится, по науке питаться. Туристические поездки за границу и по стране — это большое благо, нам нужно больше разрешать, а мы все запрещаем и запрещаем. Взять сейчас вот закон о том, чтобы не пьянствовали, против алкоголизма. Я считаю, что это неправильный закон, потому что он — запретный. Запрещать — большого ума не надо. А толку что? Запретный плод манок, сладок. Нельзя же так: всех под одну гребенку.

«Весеннее солнце в зените, палит во всю ивановскую, на глазах сохнет земля, просто кожей чувствую, как с каждым часом убывает плодородие, а тракторист, молоденький парнишка, вчера из школы, остановил трактор и стал меня буквально шантажировать. Цену себе набивает, знает, что заменить некем и отказаться от него нельзя. Как же так, говорю я ему, все расценки были заранее согласованы, никто не спорил, с тем и на посевную вышли... А парнишка нахальствует, требует непомерного. Пытался взывать к его совести. Бесполезно. Чихать он хотел на землю, на хлеб. «Деньги на бочку или паши сам». Откуда такой взялся? Сами вырастили».

(М. Вагин «Увидеть время, в котором живешь»)

— Михаил Григорьевич, есть руко-

водители, которые демократии очень боятся, ибо не могут сладить с крикунами. А вы?

— У меня другие жизненные наблюдения. Приходилось разных людей встречать. И тех, кто молчит, вроде и поддерживают, и не жалуются, а дела нет. Есть, действительно, крикуны. Они правильно возмущаются, у них душа уже не терпит бестолковщины нашей, все выплескивает. Я положительно к этим «крикунам» отношусь. Практически у нас нет таких, которые просто покричат — и в кусты. И покричат, и возмутятся, и покритикуют, но и предложат, что дальше-то делать.

Совет с народом, открытость высказываний — это большое дело.

— Михаил Григорьевич, всегда ли вам удается побеждать в споре? Если нет, то как вы поступаете в случае своего поражения?

— Бывают у нас действительно и серьезные споры, и дискуссии, в которых все-таки на первый план сейчас выходит, я считаю, здравый смысл. Если для дела лучше, я мнение свое заберу и скажу оппоненту спасибо.

— Вы в книге своей написали, как вас обидел молодой комбайнер, требовавший в разгар уборки каких-то тройных ставок. Он ведь так и остался на своей позиции?

— Ну и что из того? Пусть остался на своих позициях, но по нему ведь не получилось, потому что он у нас в меньшинстве. Его товарищи же осудили.

— То есть вы не считаете, что в колхозе все на вас держится?

— Нет. Упаси бог, нет! Я очень много езжу и болезни меня преследуют, к сожалению. Коллектив работает без меня нисколько не хуже. Не случайно из нашего колхоза ушло четверо молодых заместителей и главных специалистов председателями соседних колхозов.

— Справляются?

— Взяли тяжелые, как говорится, лежащие колхозы, и прекрасно все справляются.

— Раз мы заговорили о молодежи, тогда такой вопрос: принимаете ли вы нынешнюю молодежную моду? Важно ли для вас, как человек одет, какую музыку слушает?

— Я против моды в одежде ничего не имею. Свобода, простота.

— То есть не по одежке встречаете человека?

— Но вот что касается музыки, то «шум» меня раздражает. Слишком много ансамблей безголосых появилось у нас, и они множатся прямо, как саранча. Отбери у музыкантов микрофоны, что от них останется? Я считаю, что это не совсем искусство или не всегда искусство...

— Михаил Григорьевич, есть ли среди вашего окружения молодые люди, которые вас полностью устраивают?

— Практически почти что все устраивают, за небольшим исключением. Тем он и интересен, человек, что у него есть и положительное, есть и отрицательное, и противоречивое. Пусть он будет со своим мнением, на тебя не похож. Того, который, например, во всем соглашается с председателем, я не совсем уважаю, не совсем...

«Да пока об одном просим, молим: не мешайте нам работать, не мешайте получать прибыль. Был у нас замысел открыть в городе Горьком, неподалеку от речного вокзала, киоск по продаже наших изделий художественного промысла. Поток туристов — а тут сувенир на загляденье. Нет же, не вышло. Утонули в согласованьях. А ведь пустяковое дело — поставить киоск, прибыли же будут многотысячные. Кому он помешал? Или конкуренты перешли дорогу? Да ведь и конкурентов нет. Но есть топкое бюрократическое болото, в котором захлебывается, задыхается инициатива».

(М. Вагин «Увидеть время, в котором живешь»)

— У нас колхоз особенный в том плане, что именно на территории нашего хозяйства зародилась знаменитая «золотая хохлома». Мастера знаменитые — Поговы, Красильниковы — поколениями уходят в далекие прошлые годы. Очень много у нас художников. Как мы возрождали красоту? Сначала отвели ригу, сделали печь, нескольким художникам создали условия для работы. И пошло, поехало. Ту самую технологию, которая была триста лет назад, мы ее всю восстановили. Построили цех, и сейчас у нас уже больше полутора сотен художниц, прекрасные токари, резчики. С помощью художественного промысла мы полностью решили... проблему невест (смеется).

— За счет того, что никто из девушек не уехал из деревни?

— Наоборот, приезжают к нам. Мы их теперь обучаем художественному творчеству; у нас своя школа, своя метода, прекрасные мастера.

— Михаил Григорьевич, не говорили вам в недавние времена, что не тем занимаетесь?

— Как же, очень много говорили. Но мы свое делали и дальше пошли: у нас сейчас неплохое швейное производство, и деревообработка и многие еще другие цеха есть. Народ работает круглый год, и все находят работу по душе.

И когда тяжко нам в период полевых работ, когда пиковое положение с уборкой льна, с кормозаготовкой, с картофелем, с овощами, мы управляемся без помощников из городов. Практически у нас нет дефицита, но, тем не менее, мы можем принять еще людей в колхоз.

— Никаких требований не выставляете?

— Только единственное — жилье за свой счет. Мы сейчас практически прекратили строительство домов за счет колхоза. Строится у нас жилье за счет собственных денег колхозников. Дома усадебного типа. Желающих много. Прекрасные дома выстроили, изумительные дома. Строили бы больше. Много желающих. Но, к сожалению, несмотря на все решения на всех уровнях, вплоть до Москвы, проблема обеспечения строительными материалами плохо решается. И за наличные деньги и по безналичному расчету — очень трудно. Это, я считаю, большое упущение в верхах. Когда колхозник своей семьей построит дом с помощью родичей, товарищей, обласкает каждый кирпичик, в этот момент как раз рождается тот крестьянин, о котором мы сейчас мечтаем. Он же пускает глубокие корни, человек. Разве он уедет, разве эту прелесть бросит? Он говорит: «Давай на вырост лишнюю комнату или две построю. Вот Иван-то женится, сын-то, я ему дам пока пару комнат, пусть он поживет, вместе хозяйство легче вести, а потом посмотрим, сотворим еще дом, его отделим». Какое огромное упущение! Я просто не могу найти концов, почему плохо поддерживают индивидуального застройщика. За свои деньги, в колхозе — свой собственный дом. Не иждивенец, а хозяин!

— И никому совсем казенных квартир не даете?

— Исключение, пожалуй, лишь для работников культуры. Мы им квартиры найдем и неплохой дадим оклад, условия для работы создадим.

У нас немало работников культуры, и мы неплохо им платим, но, я скажу, что-то не совсем у них получается, не совсем. Ссылаются больше всего на то, что у нас нет современного Дворца культуры, большой библиотеки. Нет, якобы, условий. Но Прокошина ведь не во Дворце начинала в совхозе «Искра» Котельнического района Кировской области. Вот бы энтузиастов таких, бессребреников, одержимых таких фанатиков нам найти!

— Михаил Григорьевич, пока вы разговаривали со строителями, я изучал вашу книжную полку, делал это с большим интересом и удивлением. Увидел массу словарей: политический, иностранных слов, словарь словообразования русской речи. Это что, просто увлечение?

— Нет, и необходимость, и увлечение. Как-то еще в школе мне учительница дала словарь Даля, дореволюционное издание. Я от корочки до корочки прочел. Я так считаю, чего нам не хватает в нашем государстве, даже государственным деятелям, — общей культуры, общей культуры! Да! И нам никто ее не прививает. Надо самому доходить до этого. Надо шире границы раздвигать.

— О чем мечтаете, Михаил Григорьевич?

— Дело идет, как говорится, к закату. Шестьдесят пять мне, никуда не денешься, шестьдесят пять!.. По столу постучу, чтобы все было хорошо...

Хочется, если есть земной рай, чтобы вот этот земной рай был именно в Сухоноске. Красотищу, которая нас окружает, должны по-настоящему почувствовать люди. Пусть им наконец будет хорошо!

* * *

...Что впереди у Михаила Григорьевича Вагина? Да все то же. Забота о «хлебе насущном» не только своих односельчан, но и нашем с вами. Нуждается ли он в помощи? Конечно. Но больше в том, чтобы ему не мешали сверху запретами и советами. Такое время еще не наступило, а жаль.

Принято считать, что устаревшая научно-техническая литература появляется у нас оттого, что наука идет вперед семимильными шагами, а издательства за ней не поспевают. Потому, де, мол, и лежат без движения в книжных магазинах невостребованные плоды научных озарений...

Однако, случается, целые коллективы становятся свидетелями удивительной синхронности научной деятельности своих руководителей с маневрами издательских работников.

В 1985 году Б. Н. Мельников работал первым заместителем директора Всероссийского научно-исследовательского и проектно-технологического института химизации сельского хозяйства (ВНИПТИХИМ), в 1987 года уже возглавил управление по научно-организационной работе Госагропрома РСФСР, а в 1988 году получил новое повышение — стал начальником Управления науки Госагропрома по Нечерноземной зоне РСФСР. А что же Агропромиздат? Поспел ли своими допотопными средствами, без помощи компьютеров, за полетом мысли начальника «нечерноземной науки»?

Поспел. В журнале «Химия в сельском хозяйстве» (№ 11 за 1985 год) была опубликована статья «Приготовление и внесение торфокомпостов» за подписью Б. Мельникова и Е. Харламова, который заведует лабораторией названного института. Только, видать, в спешке редакция не заметила, что текст статьи поразительно напоминает официально утвержденное руководство «Операционная технология добычи торфа, приготовления и внесения компостов». Причем напоминает настолько, что трудно различить их тексты. «Соавторы», злоупотребив служебным положением, запросто присвоили труд ученых своего института. Мало того, Руководство — служебный документ, подготовленный в рабочее время, и поэтому оплате не подлежит. Однако и Мельников и Харламов неположенное им вознаграждение благополучно получили.

Возмущен «коллективный автор» — работники института, возмущена общественность, возмущены читатели, которым под видом новинки подсунули не первой новизны документ. Эпически спокойны лишь руководящие работники Госагропрома РСФСР, с которыми автор этих строк в течение двух лет ведет эпистолярный диалог, один за одним получая в ответ «заключения» вроде того, что «...действия тт. Мельникова Б. Н. и Харламова Е. П. ... являются правомерными» (из ответа первого заместителя начальника Главхиммелиорации Госагропрома РСФСР С. Ф. Маслова), и что «...факт использования служебного положения в корыстных целях т. Мельниковым Б. Н. не подтверждается» (из ответа заместителя Председателя Госагропрома РСФСР, президента Всероссийского отделения ВАСХНИЛ И. С. Шатилова). А начальник отдела писем Госагропрома РСФСР М. И. Быстров по телефону заявил, что письма сняты с контроля и никакого ответа больше не будет.

Сотрудники ВО «Агропромиздат», в состав которого входит редакция журнала, дважды приступали к Б. Мельникову и Е. Харламову с требованием вернуть гонорар. Потому что сличили тексты, установили факт плагиата и потребовали от недобросовестных авторов возвращения незаконно полученных денег. Но, наверное, не очень решительно, потому что плагиаторы отмалчиваются до сей поры. К тому же, Н. С. Беспятых, главный редактор журнала «Химия в сельском хозяйстве», безмятежно заявил, что его редакция располагает такими лимитами на оплату авторского гонорара, что деньги вроде бы и девать некуда. А как быть с моральным уроном, нанесенным сельскохозяйственной науке? Неужели он исчисляется несколькими десятками рублей?

Мельников и Харламов расценили ситуацию правильно: вернуть гонорар — сознаться в плагиате, злоупотреблении служебным положением, даже в несоответствии занимаемым должностям. Только кому такие специалисты дороги?..

«Новое в сельском хозяйстве» — под такой многообещающей рубрикой Агропромиздат выпустил в 1987 году книгу В. М. Бельченко, В. А. Светова, Л. И. Перлова и В. П. Солдатова «Комплексное агрохимическое окультуривание полей». Открываем ее и на первых же страницах видим — рис. 1. «Графическое изображение закона минимума (бочка Добенека)». Ничего себе новинка! Ведь эта бочка описана еще несколько десятилетий назад и в учебниках по общему

ЭФФЕКТ БОЧКИ ДОБЕНЕКА

Рис. Д. МАЛАНИЧЕВА

земледелию, и в избранных сочинениях К. А. Тимирязева и Д. Н. Прянишникова, да и сам рисунок а также текст на сс. 6—9 с некоторыми сокращениями заимствован из учебника по земледелию (М.: Колос, 1972, сс. 14—16) без ссылки на первоисточник. Может быть, авторы посчитали, что новое — это хорошо забытое старое. Если бы старое! Чем дальше вчитываешься в текст книги, тем больше убеждаешься, что основная его часть взята из источника не столь давнего. Четверть механически переписана из временных рекомендаций «Технологии комплексного агрохимического окультуривания полей», которые разработаны авторским коллективом ВНИПТИХИМ и в 1984 году переданы по решению Ученого совета института в ВПНО «Россельхозхимия» с просьбой опубликовать. Однако оборотистые администраторы, пользуясь своей властью, (В. М. Бельченко, например, занимает пост заместителя председателя Госагропрома РСФСР), «доработали» рекомендации и, поставив свои фамилии, пристроили в издательство, гонорар, заметьте, получив сполна.

Факт беззастенчивого «умыкания» чужого текста вызвал негодование среди ученых-аграрников. В Госагропром РСФСР, Госкомиздат СССР стали поступать возмущенные письма. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор А. В. Петербургский, в частности, писал, что «...изложенное свидетельствует о живучести плагиата, как явления, даже в наше время гласности... Полагаю, что авторы книги должны понести административное наказание».

«Здесь мы имеем дело с групповым плагиатом. Госагропром РСФСР не может объективно рассмотреть этот вопрос, так как здесь замешана целая группа руководящих работников (химиков), использующих служебное положение для извлечения нетрудовых доходов путем плагиата при круговой поруке, придумываются всякие бюрократические догмы для оправдания столь позорного факта», — негодует доктор экономических наук, профессор Е. Я. Удовенко.

Наличие плагиата в объеме более 20 процентов книги подтвердило Всероссийское отделение ВАСХНИЛ.

Но ученые напали явно не на слабонервных. Росчерком пера В. М. Бельченко поставил их на место, напомнив о месте своем, квалифицировав все претензии как «необоснованные и предвзятые». И как доказательство своей неопровержимой правоты поставил на официальном бланке ответа подпись: «Заместитель председателя Госагропрома РСФСР». Мол, сам себе автор, сам себе издатель, сам себе и начальник. Потому-то, наверное, рецензент книги и получил от главного редактора ВО «Агропромиздат» А. М. Ульянова столь робкий ответ: «Вопрос о плагиате по книге «Комплексное агрохимическое окультуривание полей» был рассмотрен в парткоме, юротделе, главке науки и внедрения Агропромиздата РСФСР и было принято решение об отсутствии такового со стороны авторов книги. Сожалеем, что авторы в ряде таблиц не сделали ссылки на источник, из которого материал заимствован».

Не правда ли, интересно, как издательство расценивает отсутствие ссылки на источник при заимствовании текста, занимающего около четверти книги влиятельного госагропромовского начальства?

Вы не устали, читатель? Ну тогда еще один факт.

В 1988 году вышла книга «Нормы и нормативы для планирования в сельском хозяйстве. Растениеводство». Составители Ю. С. Чамов, В. И. Юркин, А. П. Твердюков. Общую редакцию осуществил первый заместитель председателя Госагропрома СССР А. И. Ивлев. Издание платное. Тираж 32 500 экземпляров.

Вы уже, наверное, догадались, что и эти нормы и нормативы, составляющие содержание книги, разработаны и утверждены много раньше выхода ее в свет. И трудились над ними отнюдь не вышеуказанные соавторы, а целые коллективы вузов, отраслевых и зональных НИИ. Более того, материалы эти уже были безгонорарно изданы в 1983—1986 гг. необходимыми тиражами и разосланы работникам агропрома.

Куда и на этот раз смотрело издательство? Ответ, пожалуй, напрашивается сам собой — на высокое служебное положение ответственного редактора книги.

Так вырисовывается еще один контур проблемы — почему полки магазинов заставлены книгами, а нужные купить так трудно...

Я. ГОРДИНСКИЙ,
агроном

Москва

Андрей ГУСЕВ,
майор, военный летчик 1-го класса

ТРОПОЮ ГРОМА

Десять лет не сходит со страниц нашей печати, с уст солдат, матерей, вдов слова: Афганистан, долг, душманы... Десять лет назад в Афганистан был введен так называемый ограниченный контингент. Сегодня мы вынуждены признать, что это было далеко не лучшее решение региональных проблем. Как отражалось в печати участие советских войск в военных действиях на территории соседней страны, известно. Поначалу — робость, недомолвки. Потом появились бравые репортажи, книжки. Наконец об «Афгане» заговорили правду. В Воениздате готовятся сейчас сборники воспоминаний очевидцев и свидетелей тех событий. Авторы выражают с в о е мнение, не опасаясь, что оно порой отличается от официального. Один из этих очерков предлагаем вниманию читателей.

Недавно у нас были летно-тактические учения. Одни, как принято, представляли красных, другие — синих. Стандартные тона любых учебных баталий. Хотя, известно, в истории нашего Отечества, особенно после революции, каких только окрасок у воюющих-то сторон не было. И белые, и зеленые, и красные, и желто-голубые... И все это — брат на брата, сын на отца, отец на сына... Однако наши схватки — вполне мирные, деловые, и побеждает, как говорится, дружба. Свое профессиональное мастерство по замыслу тех учений нам предстояло демонстрировать за противника, т. е. красные непременно побеждают, а мы, синие, оказываемся как будто ни при чем.

И тем не менее, получаем задачу: нанести удар по аэродрому составом всей эскадрильи. Две других при этом обозначают ложный налет. Их останавливают еще за десятки километров до того аэродрома. Завязывается напряженный бой. Каждая сторона наращивает и наращивает усилия...

— Пойдете в режиме радиомолчания, — дал последние указания командир полка. Я ответил, что понял, в свою очередь настроил на рабочую волну эскадрилью и также спустил последние «цэу»:

— Взлетаем парами. Сбор на догоне. На малой высоте идем в обход той каши — пусть бойцы дерутся, а мы по аэродрому ударим!

Чтоб не слишком заметно было, лететь предложил звеньями, интервал между звеньями определил в три-четыре километра.

— Командир, а как с высотой? Шибко низко получается. Препятствий на такой высоте больше, чем надо... — засомневались мужики.

Однако времени для рассуждений не оставалось, я кратко заметил:

— А что за тревога? Ведь ниже всех мне лететь. Остальные-то с превышением... — и скомандовал: — По самолетам!

Бойцы заняли кабины, запустили движки машин и пошли на взлет.

В полете, замечу, летчик до предела занят работой. Ему не до рефлексий и уж тем более не до воспоминаний. Но то, что было принято решение на такой вариант выхода и удара по аэродрому, имело свои основания.

Так вот, несколько лет назад один истребительный авиаполк, раскинувшийся в затерянном в степях гарнизоне, получил возможность проверить себя во всех отношениях, и, прежде всего, в морально-политическом. Проще говоря, предстояло послужить афганской революции. Выбор пал в числе других и на нашу эскадрилью.

Отец мой тоже летчик-истребитель. Наш полк в то время подчинялся ему по служебной линии, так что перед отправкой в тревожный край кто-то шутливо заметил: «Хорошенькую протекцию тебе составил папаша — прямо к душманам!..»

Признаться, я только что окончил училище, опыт был невелик, и когда решался вопрос о том, кому лететь для выполнения интернационального долга, звучали и голоса сомнения: «Ну а ты, Андрюха, куда? На кой черт тебе это надо! Скажи отцу — и оставит...» Ни у отца, ни у меня по этому поводу никаких сомнений и даже разговоров не было. Я знал одно — мое место со всеми, с эскадрильей.

И вот Афган — чужая, незнакомая земля — притихшая, настороженная до самого горизонта... Не мне передавать ее красоты — и без того много понаписано. Наше-то дело в горах да ущельях Афгана было совсем другим.

Помню так. Пошли мы на задание в район долины Чарикарской. Взлетели тремя звеньями и повел нас комэск наш Владимир Ваганович Веропотвельян. Не успели отойти от аэродрома, как на первом же развороте из ДШК душманы пробили на самолете командира накладной топливный бак — он на истребителе сразу же за кабиной летчика. Саша Самохвалов, ведомый комэска, заметил шлейф выбивающегося из пробоины топлива, тут же доложил о случившемся, но было уже поздно. Двигатель самолета остановился.

А дальше, ну представьте себе: долина, где хозяйничают душманы, возможна — почти наверняка! — встреча с ними. Что делать? Самолет-то падает... Комэск наш осмотрелся вокруг, выбрал холмик высотой метров шестьсот и катапультировался.

Прыжок вроде обошелся благополучно. Владимир Ваганович, как только приземлился, вышел по рации на связь с товарищами, наблюдавшими за ним с воздуха, с вертолетом поисково-спасательной службы и приготовился к бою. Снизу горушки, на которую он приземлился с парашютом, уже лезли к нему душманы.

Ребята, оставшиеся прикрывать командира, тоже не дремали: быстро сориентировались, отыскали окружавшую Владимира Вагановича банду и устроили им «сцену ревности»! Скажу прямо, пара фугасных бомб ФАБ-500 — это с одного только самолета — для выяснения отношений просто незаменима. Так успокоительно действует — куда там аутогенной тренировке!

Словом, ахнули ребята фугасами — душманы попритихли, но лишь на время. Опять окружают нашего комэска со всех сторон. Сатанинские глаза горят — живьем взять приготовились. А Владимир Ваганович отстреливается, уже визуально корректирует наш огонь:

— Вася, бей слева! Еще, братцы, левей!..

Пилоты стараются. На бреющем бы пройтись — сдуть бы «духов» турбинами, да вот местность холмистая, не развернешься.

Вскоре появился наш вертолет. И опять беда — сесть на холм, с которого отстреливался комэск, практически невозможно. Пришлось приземляться чуть ниже. Ну, Владимир Ваганович поначалу бежал к спасательному экипажу как мог (потом выяснилось, что ногу-то после катапультирования он все же повредил). Когда выбился из сил — пешком пошел. Вертолетчики только диву давались:

— Ну силен комэск у истребителей! Вокруг стрельба, пули роями носятся — душманы совсем остервенели, а ему хоть бы хны! Идет себе спокойно...

Владимир Ваганович посмеивался потом, слушая рассказ вертолетчиков, пытался объяснить, что не в его олимпийском спокойствии дело: просто ноги уже не мог передвигать, а боялся при этом основательно — вдруг не успеет до вертолета дойти...

Забегая вперед, скажу: полковник В. В. Веропотвельян сейчас кавалер ордена Красного Знамени, двух орденов «За службу Родине» — I и II степени. Командир нашего полка Виктор Севастьянович Героем Советского Союза стал. Так что долг мы свой солдатский выполнили. У меня вот тоже — 154 боевых вылета на счету. Когда вернулся домой, отчитался отцу «о проделанной работе», кто-то шутливо, помню, заметил, мол, у сыновей-то ордена по-настоящему боевые. Да, так уж получилось — отцы не воевали, а нам вот пришлось...

Можно долго рассказывать, как мы прикрывали вертолетчиков — вот кому трудно было! Мы их очень оберегали. Сейчас, когда собираемся по случаю, непременно вспоминаем боевые вылеты со штурманом полка Александром Михайловичем Ворожбитом. Помню, выведет на цель, обозначит ее светящейся бомбой — и ни горя тебе, ни забот, только работай! А сколько раз наш командир полка безошибочно выводил на душманскую противовоздушную оборону — для подавления ее. Немало можно бы рассказать и о стычках с душманами на земле. Однако не смею утомлять слишком долгими воспоминаниями о былом — памятном, но уже и далеком.

И то сказать, отправляли нас выполнять интернациональный долг — был период «активного застоя». Хлопали деловито в ладоши, все и вся единодушно поддерживали, принимали различные программы. Ну, а вернулись мы — говорят о перестройке.

...Как-то, помню, в «Огоньке» на первой странице был цветной снимок поэтов. Коль печатают в таком журнале на обложке, стало быть, заслуженные товарищи, народ должен знать каждого в лицо. Оно и в самом деле так: поэты — орденоносцы и лауреаты. Но вот невольно у меня возник вопрос — возможно, наивный? — а за что, собственно, и кто поэтам те ордена раздавал? У военных есть медаль за безупречную службу — так и называется. Как же безупречно надо было служить поэту, чтобы не медаль, а целых несколько орденов заработать!

Интересно, на сколько же орденов мог рассчитывать поручик Лермонтов с его «Мцыри», «Парусом»? Или Некрасов. Скажем, поэма «Кому на Руси жить хорошо» потянет на святого Владимира? Или только Георгиевский крест?.. Не лауреат, не орденоносец был Николай Гумилев. В энциклопедиях он записан как контра, стало быть, белый, белого цвета. Сложно у нас с цветами спектра.

Но ближе к Афгану. Писатель А. Проханов в «Литературной газете» от 17 февраля 1988 года пишет по поводу нашего участия в афганских событиях: «Был

неверный прогноз. Ошиблись эксперты, оценивающие ситуацию в стране, были ошибки у специалистов по исламу, дипломатов, у военных... «Специалисты по исламу, возможно, и ошиблись, но, простите, в чем ошибка, скажем, нашего боевого коллектива? Лично моя? Я знаю другое. Товарищ Проханов «Дерево в центре Кабула» якобы посадил. А теперь, выходит, совсем не там да и не вовремя? Хорошо, что книжку эту мы в эскадрилье так и не дочитали — скоро, надо полагать, новый роман об Афгане появится. Более основательный — теперь уже из периода перестройки.

Вот ведь, оказывается, как непросто все с условной-то окраской получается. Это только у нас на полетных картах во время учений: синяя — одна сторона, а красная — другая. Как знать, может оттого и ложатся на душу стихи тех поэтов, которых орденами не жалуют. К примеру, такое четверостишие:

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту!..

Стихи Гумилева. Их любил мой друг Андрей Срыбный. Пишу «любил», потому что однажды Андрея не стало.

Был вылет в Панджерскую долину, в одно из ущелий. Ущелья в афганских горах узкие, глубокие. Нырнешь на одном конце — и никуда уже не отвернуть, не сманеврировать на нашем истребителе. Так и дуй — пока на другом конце не вынырнешь. Когда дымка или облака опустятся в такое ущелье — совсем красота! Тут лететь — словно под куполом цирка на канате с завязанными глазами работать. Видно, оттого и тот стих Гумилева в память врезался: «Свод небесный будет раздвинут...»

Ну вот представьте себе на минутку. На огромной скорости огнедышащая турбина несет вас между мрачных скал. Пилот, если он летит в облаках, управляет машиной по приборам. Только нет такого прибора, который указывал бы на скалы. А они притаились и подкарауливают вас слева и справа, и вверх уходят куда-то под самые облака. И вот летишь меж тех чужих скал и думаешь — да не о том, что крыло истребителя буквально чертит застывшие скалы, думаешь о цели, которую обязан найти и уничтожить. Уничтожить во что бы то ни стало! Ведь в любую минуту ты, возможно, спасаешь своих — ярославских, курских, воронежских — русских парней, которых с тревогой ждут не дождутся на родной сторонушке и матери, и жены, и невесты.

Так вот, выполнишь задание, вернешься на аэродром и не отходишь от боевой машины, пока не приземлятся остальные. Помню, и тогда — сели мы, а капитана Срыбного нет. А вскоре узнали все, что случилось с Андреем, от его ведомого Сергея Якименко.

Андрей, значит, сбросил бомбы, доложили по радио: «Сброс!» — и стал выводить истребитель из атаки — пошел в набор высоты. Якименко говорит, что видел три взрыва. Первый — от бомб Андрея. Второй — от бомб, которые сам бросал. А третий взрыв он заметил на выходе, когда искал самолет ведущего, чтобы пристроиться к нему. Этот взрыв — от руки душмана — произошел в воздухе. Так не стало капитана Срыбного.

В тот день мы сделали еще несколько боевых вылетов в Панджерскую долину.

По возвращении из Афганистана братцы-холостяки начали жениться. Дело, как говорится, житейское. Не задержался и я. И вот у нас в семье растет сын. Назвали его Алешкой. Как-то за стенкой слышу его звонкий голос:

— Дюка-душман! В глаз как дам!..

Гарнизонные мальчишки растут привольно — как ветер. Сам, сколько помню себя, только в военных городках и жил. А Алешке нашему совсем повезло: оба деда — летчики-истребители, отец вот — тоже солдат. Похоже, идти и сынишке тропою грома. Дай бог здоровья да отваги в сердце!

Однако недоброе сердце отважным не станет. А добру, известно, учат с детства. Так что, по-старинному, принялся я тогда за дидактическую беседу:

— Нехорошо, сын, товарища так обзывать.

— А что он девчонок обижает? — запротестовал Алешка.

Ошибаются эксперты, дипломаты, ошибаются военные, как тонко и своевременно заметил писатель Проханов. Поэтому и я решил тогда не спешить с выводами относительно экстремистских замашек «Дюки-душмана». Время покажет...

Да, по поводу тех учений. Мы ведь на них, хоть и синими считались, а шороху наделали. Нарушили общий-то замысел баталий, крепко нарушили! Пока, значит, десятка два машин запутывали друг друга струями от перегрузок, наша эскадрилья интеллигентно так, без единого слова — в режиме радиомолчания — прошла до самой цели — аэродрома, и тут, надо полагать, у нашего условного противника последовала немая сцена. Видим, засуетились внизу дежурные экипажи — на взлетную полосу заторопились. А что торопиться-то? Поздно уж было.

Дружно выполнили мы эскадрильей подскок над тем аэродромом, доложили, что цель поражена — понятно, условно, — и затем, опять со снижением, пошли — на свою территорию. Как бы сказал мой друг Андрей Срыбный, «пронеслись утки с шумом да скрылися»...

За весь полет, таким образом, никто нас не видел, никто ни разу и не атаковал. На земле же пилотов эскадрильи здорово рассмешил посредник учений. Подошел ко мне и спрашивает: «Ну так вы собираетесь удар-то по аэродрому наносить?..»

Видно, верно в народе говорят, что молчание — золото.

Однако что еще привнесли в свою жизнь из тех памятных событий в Афганистане мои товарищи по оружию? Раны, рубцы на сердце и песни. Немудрящие, рожденные в боевой обстановке, под гитару — им чужд казенный, бодряческий дух. Слушаешь — и невольно всплывает что-то тревожащее душу.

Это Афган...

Живет время в письмах

Эти письма написаны на почтовых карточках. На тех самых карточках, какие мы мимоходом покупаем в газетных киосках, посылаем своим родным и знакомым, поздравляя с праздником или информируя о своем здоровье...

Живут эти открытки недолго, чаще всего до первой генеральной уборки в квартире.

Но есть люди, которые относятся к ним с великим тщанием: они неустанно разыскивают их, выпрашивают эти картонные прямоугольники у знакомых и незнакомых, выменивают друг у друга, приносят их к себе домой, бережно вкладывают в прорези альбомов и постепенно страницы альбомов превращаются в страницы удивительной летописи, в которой с точностью документа и с яркой броскостью плаката воскрешаются многие эпизоды славной истории Отечества.

Подумалось обо всем этом, когда была прочитана последняя глава книги «Героика Октября». Написали ее двое — те самые из беспокойного племени собирателей — журналист Я. М. Белицкий и ветеран труда, в недавнем прошлом видный специалист в области автомобилестроения Г. Н. Глезер.

Это не первая их совместная работа — были книги «Рассказы об открытках», «О чем поведала открытка» и другие, но в новом издании особенно рельефно высветились удивительные возможности иллюстрированной почтовой карточки.

«Все изображенное уже история, вернее, остановленное мгновение истории», — писал на страницах «Советской культуры», размышляя о возможностях и проблемах фотографии Чингиз Айтматов. Эта мысль в полной мере относится и к почтовой открытке!

«Остановленное мгновение истории» на карточке, запечатлевшей взятие красногвардейцами московской гостиницы «Метрополь» в октябре 17-го года, и «Красный бронепоезд на восточном фронте», и портрет Юрия Гагарина, выпущенный миллионным тиражом в незабываемом апреле 1961 года... Каждая глава этой книги посвящена разным периодам в жизни нашей страны и открывается рассказом «Открытка-плакат». Да, плакат всегда был первым откликом на любое значительное событие. Так было в годы гражданской войны и в годы Великой Отечественной и в годы нынешние. И очень часто с «Окон РОСТА», со стен домов этот плакат, который побывавший в 1920 году в нашей стране чешский писатель-коммунист Иван Ольбрахт очень точно назвал «Термометром революции», перекочевывал на картон открыток, продолжая тем самым свою важную агитационную работу.

Многие открытки, помещенные в книге «Героика Октября» — уникальны. Можно было бы привести довольно длинный список этих открыток, но ограничимся

лишь несколькими пояснениями под ними: «Издано Самарской Губернской Октябрьской Комиссией», «Выпущено Центральным Комитетом помощи детям при ВЦИК и ВУЦИК», «Напечатано в типографии газеты «Атака» Н-ского Авиасоединения. 1942 год»...

Само время живет в этих подписях!

Каждая из открыток стала отправной точкой для рассказов, в которых есть малоизвестные факты и детали, найденные авторами в архивах и библиотеках, записанные в ходе встреч с людьми необычных, героических судеб. Читается книга с интересом, и, конечно же, она предназначена не только для коллекционеров-филокартистов, как значится в ее аннотации! Не пройдут мимо нее и краеведы и лекторы, да и все, кто интересуется отечественной историей.

Выпустило книгу издательство «Радио и связь». Жаль только, что иллюстрации даны в черно-белом исполнении, открытки много потеряли от этого, да и обложку можно было сделать понаряднее, поизобретательнее.

Г. БЕЛКОВА

А где же новое мышление?

Вспомним отделы политической литературы не столь отдаленных времен застоя. Каждый прилавок, каждый стеллаж встречал нас портретом Л. И. Брежнева на щедро тиражированных книгах, брошюрах, плакатах. А сегодня, по крайней мере у нас, в Кривом Роге, не найдешь ни одного экземпляра книги М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» на русском языке. Все — на украинском. Но ведь в нашем городе много неукраинского населения. О нехватке этой книги говорили и красноярцы во время встречи с М. С. Горбачевым. Поэтому разве не ясно, что если столь нужное издание исчезает с прилавков, то тираж надо допечатывать.

Невозможно также достать «Сборник документов о коренной перестройке управления экономикой». Стала чуть ли не библиографической редкостью брошюра «Закон о совете трудового коллектива».

Издатели нередко говорят о перестройке в своем деле, имея в виду, наверное, прежде всего переход на хозрасчет, какие-то кадровые изменения и повышение цен на книги. Но ведь самое главное другое — чтобы книгу о перестройке мог купить каждый.

Т. МИЛЕНИНА,
постоянная читательница журнала

Кривой Рог

От редакции. Как нам сообщили во Всесоюзной книжной палате, общий тираж 2265 изданий книг Л. И. Брежнева составил 151 миллион 102 тысячи экземпляров. Книга М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» издана 16 раз на 13 языках народов СССР общим тиражом 2 миллиона 451 тысяча экземпляров, в том числе на русском языке тиражом 2 миллиона 8 тысяч экземпляров.

Опять брак!

Похоже, что иные издатели не поспешают искупить прижизненные мытарства Б. Л. Пастернака. Всякий может в этом убедиться, прочитав его сборник «Стихотворения и поэмы», выпущенный издательством «Туркменистан» тиражом 250 тысяч экземпляров (редактор и она же корректор М. Бутузова). Столько брака в среднего объема сборнике (400 стр.) я никогда не встречал.

Так, на странице 106 под названием «Борису Пильняку» продублировано стихотворение «Другу», напечатанное тремя страницами ранее. Стихотворение «Опять Шопен не ищет выгод», прерванное на странице 141, заканчивается на стр. 143 — и наоборот, стихотворение «Вечерело, Повсюду ретиво...», начатое на странице 143, завершается на предыдущей странице. Несогласования в падежах, опечатки и неправильные окончания — вещь обычная в этом издании (примеры их по страницам 21, 155, 170, 272 и другим). Вот такими «открывками» (стр. 335) «дорит» (стр. 269) читателя ашхабадское издательство.

В. ЯЦКЕВИЧ

Минск

Даже ответа не прислали

Читатель «В мире книг» Н. Осокин в прошлом году просил «о бедном враче замолвить слово» — продавать дефицитные книги по медицине только специалистам. На что начальник отдела научно-технической, сельскохозяйственной и медицинской литературы ВГО «Союзкнига» В. С. Кондратьев (№ 8, 1988) сообщил, что слово уже было замолвлено — особо дефицитные медицинские издания распределяются по разнарядке органов здравоохранения.

Теперь понимаю, почему я, врач-психиатр, никак не могу приобрести книги по специальности: ни фармакологический справочник М. Машковского, ни «Руководство по психиатрии», ни пособия по сексопатологии, психологическим методам исследования и многие другие. Дело в том, что я — офицер Советской Армии, а все указанные разнарядки военных медиков не касаются. Сейчас, когда я прохожу службу в Республике Афганистан, доступ к специальной литературе мне и вовсе закрыт. Предварительные заказы на нее не принимаются. Не понятно тогда, почему карточки бланка-заказа делаются двойными, если еще ни один книжный магазин не прислал мне ответа с объяснением причины отказа.

В. МАКАРКИН,
военврач

Как детей «потеснили»

Нерадостно складывается судьба детской книги. Издатели и раньше сдержанно относились к выпуску этой дешевой продукции. А теперь есть опасение, что тоненькие нарядные книжицы будут вымываться из ассортимента, как и «Детское» мыло. Ведь ныне книга для взрослых куда дороже, причем независимо от качества.

Вот и ростовский магазин детской книги занимал некогда два этажа. На первый приходили с мамами и папами малыши; второй посещали ребята постарше. Сейчас целый этаж занял отдел подписных изданий. И вряд ли «взрослая» торговля потеснится в пользу детей — сразу уменьшится товарооборот магазина, а значит, и его прибыль. Но есть путь, позволяющий увеличить товарооборот, — пусть магазин станет опорным пунктом издательств «Малыш» и «Детская литература», выйдет на прямые связи издатель — покупатель.

В. СВИРИДОВ,
доцент Института инженеров железнодорожного транспорта

Ростов-на-Дону

Кому выгодны завалы

Прочитал в вашем журнале (№ 8 за прошлый год) статью «Ласточки и зубры». Захотелось добавить еще кое-что на тему «что выгодно и что невыгодно издательству». У нас в Томске по-прежнему не желают выпускать произведения авторов за их счет, мотивируя это тем, что такие книги не принесут нужного дохода. Видите ли, 20 процентов от их стоимости это не доход. Но интересно узнать, какую прибыль и кому дают пачками нераспроданные, 50-тысячными тиражами выпущенные Томским издательством произведения некоторых авторов. Магазины города буквально забиты такими, например, книгами: *В. Макшеев. Рассказы* (тираж 60 тысяч экземпляров); М. Халфина. Дела семейные (180 тысяч); Е. Осокин. Иринский бор (30 тысяч); Л. Пичурин. Путь к битве (30 тысяч). Все издано в 1986 году.

То же — с бумагой. Ее почему-то хватает, чтобы создать макулатурные завалы, а для трехтысячной (не более) «самоизданной» книжечки ее нет. Из этого следует, что выгодны именно завалы. Но порядок-то блюсти надо! Почему принятое Госкомиздатом решение выполняют лишь считанные издательства? Почему книжные залежи на складах выгоднее безубыточных авторских изданий?

Л. ПУХЛЯКОВ,
писатель

Томск

Ноябрь. Каникулы. Никак не могу дозвониться Димону и потому злой на него. Наконец находим друг друга, договариваемся о встрече. Рядом с его домом магазин «Радиотехника». Я захожу туда, но там опять пусто, значит, придется нам с Димоном проехаться по кругу ГУМ—ЦУМ—«Детский мир»—«Орбита» в поисках нужных батареек. До димоновского дома добираюсь сквозь противный снег, а добравшись, нахожу готового к выходу Димку.

— Ты где пропадаешь? Часа два дозванивался.

— Да вот, звякнул один знакомый, трепались с ним «за жизнь».

— Ты пока с ним общался, я по радио выступление какой-то тетки слушал. Кто такая, не знаю, но кляла она наше поколение весьма и весьма.

— Господи! Как в тебе еще сил хватает этих теток слушать? Я просто вырубаюсь от них.

Димон от удивления аж из капюшона вылез.

— Эта тетенька сильно упирала на то, что мы меж собой не умеем общаться. Мол, разговоры «о дисках и джинсах», и дальше этого не идет.

— Олег! Ну что из того, что какая-то дура в сто первый раз хочет запудрить мозги «уважаемым радиослушателям»?

— Ты не кипятись, а скажи: о чем вы с этим знакомым болтали?

— Ну я ж говорю — «за жизнь». У него, кстати, такие звуки есть!

— Какие?

— «Ноубодис пёфект» второй месяц лежит.

— Серьезно?

— Да, поговорили еще о школах, об институтах...

— Ага, значит, не только «диски и джинсы».

— Да выкинь ты эту чушь из головы, мы общаемся, как все нормальные люди.

Мы входим в метро, окоченевшими руками намениваем пятаков. Пытаюсь сообразить, о чем говорят нормальные люди. Да вроде обо всем, что угодно...

Влезаем в переполненный вагон.

— Нет, Димон, не со всяким можно нормально потрепаться, далеко не со всяким. Вчера встретил Н., так он мне полчаса рта не давал раскрыть. И только о девочках.

— Чего ты хочешь от Н. Тебе еще повезло. Для него и полтора часа о девочках не предел.

— Значит, с каждым нормально не поговоришь.

— А что такое — нормально?

Хороший вопрос. Прямо в лоб. Стой теперь и думай: «Что же такое — нормально беседовать друг с другом?»

Снова Димон:

— Ну, я думаю, что разговоры на бытовые темы — это и есть нормальный уровень общения.

— Бытовые — это типа: «жена, семья, работа»?

— Вроде этого.

— Но ведь не со всяким можно и об этом. Ведь, скажем, с М. ты не будешь так говорить.

— Ну, с М., конечно. Он всем своим видом дает понять, что значительно выше всех нас.

Я подвожу итог:

— Значит, нормальный оживленный разговор для нас — это рассказы о своей обычной бытовой жизни?

О ЧЁМ РАЗГОВОР?

Рис. А. Джикии

— Что значит «для нас»? Взрослые о том же самом говорят.

Тут мне в голову приходит мысль. Народу в вагоне полно, многие беседуют. Надо их послушать.

«— И я Андрееву сказал: ты от этой сволочи все равно ничего не добьешься...»

«— Как ему не стыдно! Я для него на коленях ползаю, а он обо мне какой-то своей знакомой сказки рассказывает.

— Зря ты на коленях ползаешь, Нинка. Он этого не заслуживает...»

«— Я просто не хочу писать в газету. Но и так ясно, что если «сокращенных» аппаратчиков пересаживают в другие кресла...»

Стоп.

— Димон, вон у той схемы мужик в «аляске» и с ним другой, в пальто. Послушай их.

Димон слушает. Зрелище довольно смешное. С одной стороны, он и виду не подает, что прислушивается, с другой — продвигается к этой паре поближе. Когда он возвращается, я спрашиваю:

— Ну как?

— О каких-то технологиях говорили. Что, если бы не противодействие главка, они бы сразу сделали мощный рывок.

— Вот тебе и бытовая болтовня. Мы о таком говорим?

— Нет. Ну, то есть, можно найти собеседника и по таким вопросам, только пока искать будешь, забудешь, о чем спросить хотел.

Выходим на улицу, идем к ГУМу.

— Димон. Меня тут недавно наша организаторша школьная насмешила. Подходит и говорит: «Надо обсудить вопрос о нашем участии в перестройке». Я ее спросил, какую перестройку она имеет в виду. Она аж удивилась.

— Ты это к чему?

— А к тому, что мы ни в какой перестройке не участвуем. Мы лишь наблюдаем, как этим занимаются другие. Потому и разговоров, на которые я обратил внимание, у нас нет.

— Но в том, что мы в перестройке не участвуем, нашей вины нет.

— Конечно. Нельзя же принимать всерьез фразу: «Мой вклад в успехи пятилетки — во всем отличные отметки». Мы сегодня вклад в перестройку сделать не сможем.

— Хм! Оно так, но, скажем, поправки к Конституции обсудить-то мы могли?

В ГУМе батареек тоже нет. Бредем обратно к проспекту Маркса.

— Димон! Я думаю, за десять лет пребывания в школе нам высокими словами настолько мозги засушили, что уже и говорить об этом не хочется.

— Это точно. И все же... Осмыслять-то мы можем, что происходит? В тех же разговорах. А то получается, это только взрослых волнует. А ведь они за свою жизнь высоких слов побольше нас наслушались.

Некоторое время идем молча. Батареек нет ни в «Детском мире», ни в ЦУМе. Едем в «Орбиту». Димон прерывает молчание.

— Что же получается, та тетка из радио права была?

— Отчасти. Мы треплемся не только о дисках и шмотках. Но и до «политических» разговоров дело не доходит.

— Считаешь, мы в этом виноваты? Да и есть у нас все-таки небытовые темы, хотя бы о том, куда поступать после школы...

Опять замолкаем. Добираемся до «Орбиты», где, конечно же, тоже ничего нет.

И только дома мне в голову приходит мысль, что наш разговор был весьма далек от темы «дисков и джинсов». Вот так-то, уважаемая из радио.

Олег БОЛДЫРЕВ

АПОФЕОЗ В МАНЕЖЕ, ИЛИ СТРАСТИ ПО БУЛЬДОЗЕРУ

Алексей КОРЗУХИН

Вечером после вернисажа 18-й московской молодежной выставки телерепортер программы «Время» с восторженной интонацией поведала, что, дескать, такого рода выставка открывается именно в Манеже впервые. То была фатальная ошибка: в Манеже же прошла и 16-я... Но оговорка — свидетельство не только и не столько непрофессионализма, сколько яркого ощущения новизны, необычности, в известной степени уникальности представленной экспозиции. Действительно, здесь многое ошарашивает малопривычного еще к подлинно широкому плюрализму направлений зрителя «старого закала», воспитанного на единообразии и монотонности «одобрямса».

Скажу больше того — сегодняшний зритель, чуткий к новаторскому поиску, уже не умиляется на саму возможность беспрепятственного лицезрения полнейшей абстракции подле трансавангардных гротесков, концептуалистских текстов на стекле и эмблем вперемежку с колышущимися на воздушных подвесках «мобилями» и обильными коллажными вставками внутри и вне рам живописных работ. Для перестройки всего художественного процесса «дозволение» — этап, в общем, пройденный; «неформал», выйдя из подполья, прочно утвердил свое право на внимание публики наравне с пестуемыми молодежными объединениями Союза художников. Сосуществование — мирное или нет, обсуждать здесь пока не будем,— полярных направлений и систем вошло в обыкновение, в норму. И посему, коль скоро удовлетворена потребность в полной творческой свободе, на повестку дня со всей остротой встает вопрос о содержательности, то есть об адекватности самой духовной наполненности искусства общему пафосу и, конкретнее, текущим задачам социально-нравственной перестройки.

Скажем сразу, что 18-я определенно порадовала — в своих лучших, наиболее гражданственно зрелых произведениях — тягой к выполнению, в меру сил и возможностей становящегося дарования, этого социального заказа. Может быть, пока преждевременно возвещать о явлении «искусства перестройки» в законченном и этапно-своеобразном виде: все-таки язык, которым решаются подобные задачи, нам, в общем и целом, знаком и временами даже тривиален. Однако из этой четко заявленной интенции со временем наверняка смогут родиться художники, начавшие с тематических опытов и закономерно пришедшие к качественному обновлению выразительных средств. На предыдущих молодежных смотрах недавних двух-трех лет произведения, навеянные Афганистаном и мафией, «дедовщиной» и «раскрестьяниванием» многострадальной русской деревни, нравственной деградацией сельского жителя, а также зреющим социальным недовольством медициной и милицией, зажимом гласности и исторической правды о сталинском периоде нашей истории, можно было сосчитать по пальцам одной руки; многое увидело свет лишь сейчас. Да какое — хлесткое, смелое, недвусмысленное, бьющее порой зрителя словно хлыстом по нервам, по застарелым комплексам «запретиловки» и табу, по «фигурам умолчания» и авторитетам

Правда, многое осталось все-таки за бортом анализа: даже плакатисты слов-

Г. Проваторов «Суд» (Диптих)

И. Толстая «Воспоминания»

А. Джикия (из серии рисунков)

С. Оссовский «Котельническая набережная»

но старательно избегают портретного показа «отживших бывших» — и их жертв; искусство стыдливо обходит стороной атомную бомбу и экологический кризис, секс и наркоманию, да мало ли что еще. Говоря так, мы вовсе не призываем к реализации пресловутого «утром в газете — вечером в куплете»; тем не менее ощутимое стремление очень заметной группы мастеров живо откликаться как раз на животрепещущую злобу дня, делая акцент на публицистичности, позволяет говорить равно о сформированности корпуса «быстрого реагирования» на газетные передовицы — раз, и о продуктивности, перспективности этого «нового социально-критического реализма» в дальнейшем — два.

Ибо именно реализм, столь ядовито и сладострастно поносимый ныне некоторой частью наших теоретиков за гегемонистские извращения под знаменем «социалистического» во время оно, говорит в этой области свое решительное, веское и недвусмысленное слово.

Свидетельств в пользу такого вывода предостаточно. Вот перед нами «афганский» триптих живописца В. Богачева «Память». Строй. Дула орудий... И лежащие рядком перед отправкой в «черном тюльпане» завернутые в белые саваны трупы наших ребят. Страшно? Да. Правдиво? Весьма. Вплоть до специфически южной знойно-зыбкой атмосферы, неба, создающих впечатление предельной документальной достоверности, — вплоть даже до известной репортерской бесстрастности. Эмоции предлагается испытывать в основном зрителю — и тут нельзя не приветствовать сдержанной, мужественной строгости позиции автора. Армия, оказавшаяся ныне впервые за свою семидесятилетнюю историю под огнем нелицеприятной, жесткой, справедливой критики, не осталась зоной, отгороженной от молодежного искусства колючей проволокой. Отслужившие действительную после художественных вузов ребята со скорбью и гневом, жгучим презрением к отупляющему солдафонству и бездуховной казенности казармы рисуют нам сцены, весьма непохожие на лукавый юмор и добродушие солдата Швейка (серии графиков П. Козловского — «В грузовике», «Дневальный свободной смены», «Прием пищи», «В строю», «Солдатский праздник» и А. Чесакова — «Вечерняя поверка», «На обед», «Перед программой «Время»).

Не слышно осанн и героям колхозных полей: Продовольственная программа забуксовала. Отсюда — едкая ирония, сатирический настрой таких исполненных гротескных деформирующих преувеличений работ, как «Поздняя осень за городом» живописца Е. Карпова, «Один день в Кашино» Ю. Красавина, «Подружки» и «Теплый вечер» А. Пархоменко, «У изгороди» С. Дронова, «Базар» Е. Поповой. Нет сомнений, что в старое доброе время всех их гневно заклеймили бы за злокозненное искажение славного образа советского человека; но, сознательно идя на это, художники стараются предостеречь, насторожить зрителя от опасности безоглядной идеализации тех, кто «остался» в деревне, нередко людей глупых, пассивных, развращенных указивками сверху. С другой стороны, возникает проблема неприкаянности новоявленного горожанина-лимитчика: «Между нами, девочками» А. Жабинского, листы графика В. Близнюка «Фотография на память» и его коллеги И. Попова — «Платформа Болшево», «Рынок». Взгляд на реальность без розовых очков — вот что подкупает тут.

Точно так же «досталось» и пребывающей в глубоком структурном и нравственном кризисе советской медицине — с ее холодным, бесчувственным равнодушием к страданию и смерти больного («Госпиталь» Д. Алимова), одиночеству и неприкаянности в пустых, мрачных палатах (серия «Больница» А. Бочевера — живописца, и рисунки Н. Пронченко на тему хирургии). Ответ на все это — тупая, едва ли не звериная жестокость к ближнему, вымещаемая на ни в чем не повинном кабане, как в страшных, чудовищных по своей обличительной силе листах, запечатлевших дикую охоту, графика С. Семенова. Распадаются семьи, подтачиваемые изнутри бытовыми неурядицами, неустроенностью и озлоблением («Семейная хроника» графика В. Ситникова и серия «Разговоры» А. Долиной). Рушится «вечно женственное» («Физкультура и женщины» Е. Ковалевой), стародавние идолы, маски и тотемы замещают живых людей (серия офортов «Воспоминание о деревне» Т. Казаковой), растет взаимное непонимание поколений («Родители и дети» Е. Вилюковой), цинизм, неверие и даже издевательство над высокими идеалами (скульптурно-коллажная композиция «Музей труда (лозунг-позвонок-трон)» Н. Селиванова). Словом, это первая, быть может, в советском искусстве выставка, поставившая столь нелицеприятный и жесткий анализ состоянию общества на данный момент.

Вместе с тем некоторые, их пока немного, художники пытаются найти правильный диагноз в, так сказать, «истории болезни», обращаясь к не столь давнему прошлому нашей страны. С ее коллективизацией, перемешавшей в деревне всё и вся (панно А. Цедрика) и ночными уводами навсегда («Ночь» Н. Емельяновой), с ее дурацки-наивной верой в скорое изобилие, обещанное монументальными декорациями на сталинской ВСХВ («Рог изобилия» С. Волкова) и безоглядными, гусиным шагом, маршировками нерассуждающих, с «туннельным зрением», одинаковых людей в полувоенных френчах (скульптура «Марш!» А. Ковальчука). Излишне подчеркивать, что в области истории пальма первенства, конечно, опять-таки принадлежит реализму, поскольку трудно всерьез проникнуться, скажем, пафосом «Вождя» Н. Турновой, больше смахивающего на Фантомаса с его плоской зеленой маской, или же квази-компьютерным перечислением разноцветных пятнышек в композиции С. Шутова «Единство муз при установке памятного камня на могиле К. С. Малевича в Немчиновке». Здесь нет ни памяти о мученике русского авангарда, заболевшего раком после трехкратного ареста ОГПУ, ни подлинного пиетета перед его творчеством. Да, авангард пасует даже перед ультрановыми бедами — взять хотя бы «Спид» С. Дюкова, с его равнодушным нанизыванием одно на другое бесстрастных лиц, или же «Коррупция», запечатленная М. Рошняком в форме хаоса грязноватых, нарочито бессмысленных мазков. Точно так же и с историей: показываются, на музейно-археологический манер, лишь ее реликвии («Колоннада» с наклеенными газетами сталинских лет Ю. Аввакумова и С. Шутова), а не анализируется ее внутренняя суть.

Ох уж эти мне «художественные» отпрыски — папы и мамы решительно не замечают их оглушительной, удручающей бездарности, полнейшей пластической безнадежности, чреватой в дальнейшем жизненным трагическим крахом и разочарованием. Кто бы подсказал по секрету от «предков», что живописцам И. Комову, М. Митлянскому, П. Браговскому, Н. Элькониной, М. Переяславцу, О. Жилинской, П. Буткевичу лучше, пока поезд не ушел, заняться чем-то более полезным. Ан нет — «дерзаем», левачим, бежим «петушком, петушком». Вот перед нами «Стальной оргазм на оранжевом фоне» Айдан. Свежо. Ново. Авангардно. Но — сокрушительно скучно, пошло. Не в том смысле, что секс — запретная зона, а потому, что пошлость есть претензия на ценность большую, чем объективно содержится в творении. А тут как раз не содержится решительно ничего, кроме дешевого формального выверта, сдобренного «страшным» наименованием.

Куда удачнее не поиск пустующих «экологических ниш» в области неизведанных тем, а прямой и трезвый взгляд на то, что нас окружает повседневно, что довлеет над «маленьким человеком» из толпы. Блестящий по интимной проникновенности в структуру сознания «тётенек» старого закала, восседающих под гербом РСФСР, живописный анализ дал Г. Проваторов в диптихе «Суд». Веселый смех раздается у саркастически-едких, побуждающих к долгому разглядыванию и, главное, размышлению над убожеством и перипетиями повседневного бытия графических карикатур Л. Тимкова, В. Буркина и, возможно, «гвоздя» и открытия настоящего смотра — А. Джикия, справедливо щедро представленного аж двумя десятками листов. Это целые лаконичные эссе, философски и интеллектуально насыщенные, о нас с вами и о беспросветности социального идиотизма, о парадоксальности довлеющих над людьми мифов и предрассудков, о причудливости недавних исторических пертурбаций, откликающихся в человеке «искривлениями» его разума. Поистине, «новый Гойя явился!» Остается надеяться, что ему наконец-то не дадут затеряться в жесткой и завистливой среде себе подобных...

Поскольку читателям небезразлична судьба книжной иллюстрации, остановимся на этом разделе. Так вот, обращает на себя внимание общая беда — привнесение в свое индивидуальное прочтение классика неприятной, посторон-

ней отсебятины, блистания собственным новомодным рафинированным мудрствованием. Таковы серии П. Караченцева по мотивам Тютчева (больше напоминающего здесь Брэдбери), «Посвящение Батюшкову» П. Перевезенцева, «Братья Карамазовы» А. Смирнова, представляющие собой синтез Рембрандта с Филоновым... Стремятся к утонченности, а обретают занудство. И потом, почему так много черного — даже в «Сценах из восточной жизни» Е. Силиной», «Мифах народов мира» О. Давыдовой? Даже вступив в отчаянное творческое соревнование со знаменитой «симультанной книгой» авангардистки Сони Делоне, представив иллюстрацию к «Прозе Транссибирского экспресса» Блэза Сандрара, Ю. Гордон словно специально ограничил себя густой черной ваксой, полярно противоположной полихромии версии семидесятипятилетней давности. Тут не помогли и виртуозные композиционные ухищрения. А вот «Воронежские стихи» О. Мандельштама в прочтении М. Шамоты, несмотря на всю их скромность и непритязательность, пронизаны ощущением тревоги и беспросветности, «сдвинутости» остекленевшего в безумии мира — и героической стойкости верного самому себе до конца таланта...

До сих пор здесь мало говорилось об авангарде, что для очень многих горячих голов и составляет по сию пору предмет преимущественного интереса, предпочтения, знамя искусства эпохи перестройки. Так ли это? Нет ли тут логической подмены — искусства, выведенного на свет божий благодаря гласности и плюрализму, и искусства, отображающего их реальное содержание? Думается, это распространенное заблуждение. Мало того — крикливая бесшабашность с одной стороны, стремление во что бы то ни стало заявить о своей способности попрать, оплевать, превзойти все и вся, низвергнув всяческие каноны и нормы (зачастую уже заметно «размягченные» предшественниками, в первую очередь аналогичными зарубежными течениями) — не есть ли это органичное дополнение пассивного аполитизма, герметичности, самоотстраненности, вызванной, как ни странно, все той же полосой застоя?

Задумаемся над тем, почему наш авангардизм, в массе своей оглушительно-бездарный, топорный и эклектичный, претендует даже на лавры «искусства перестройки» — если только на минуту забыть о благоприятной конъюнктуре на международном художественном рынке и о вполне понятных исторических ассоциациях с недолгой полосой ленинско-нэповского культурного либерализма, столь популярной у идеологов сегодняшнего дня? Почему имитирующий детские каракули «Париж — Техас» И. Вишнякова, назидания на уровне пятилетних дебилов вроде «Чтобы комнатные цветы могли дышать — их надо протирать» (С. Волков), прибитая, как на выставке «1915 год», к доске девичья коса Ю. Латышева или же прикрытый каким-то грязным рушником портрет великого путешественника в «Лошади Пржевальского» Г. Литичевского — это «перестройка», а, допустим, пронзительно-сострадательные и вместе с тем ядовито-критические портреты старух у реалиста Н. Головина — ретроградство, консерватизм, отсталость? Нет ли тут еще одной логической аберрации, заключающейся в том, что прежде, говоря словами одного драматического персонажа прошлого столетия, «все высокое, все прекрасное» монопольно сносилось, как кирпичи для Вавилонской башни, лишь в зону одного, государственно-одобренного направления, а теперь — диаметрально ему противоположного, зажимавшегося весьма недемократическими методами? Но ведь прошлая гонимость — вовсе не доказательство сегодняшней передовитости и высококачественности! И перестройка заключается вовсе не в том лишь, чтобы, отмыв авангардизм от ложных наветов, навесить на него по старинке ярлычок «не замай: государственное направление»! От этого хуже прежде всего самому авангардизму, необходимому в совокупной панораме современного художества — ибо, верно замечал Ленин, всякая монополия ведет к загниванию. Реализм от этого, слава богу, так-таки и не сгнил, а вот насчет его оппонента я все еще не уверен, и вот почему.

Напористая и агрессивная критическая клика и клика апологетов авангарда, занимающая ныне командные посты в Союзе художников, тщится, как в старое доброе время, «отчитаться по перестройке» именно авангардом, всячески поощряемым и прокламируемым в таковом качестве; искусство перестройки в широком смысле слова еще пока рождается, но начальство требует — и посему давайте-ка выдадим за таковое самое удобное, под боком лежащее, раздавленное бульдозером как раз в застойную эру неформальное авангардное творчество! Да, бульдозер — это «эврика» спекулянтов от критического цеха: если бы его не пустили в ход в 1974-м, разгоняя парковую выставку левых, отчаявшихся обрести выставочный зал, его поистине следовало бы изобрести. (Подобно тому, как Великая Отечественная дежурно служит Нине Андреевой и иже с ней оправданием экономических провалов и упадка села в наши дни). Бульдозер, этот удобный мальчик для битья, символ застойных лет, жупел авангардистских летописей, — удобный заменитель противника куда более грозного и серьезного, реализма, продолжающего не только существовать, но и выполнять свою извечную социально-критическую миссию. (Если его ранее лишали такой возможности, то это не означало его импотенции). Бульдозер, случившийся въяве как драма, зримо-наглядно размежевавшая добро и зло, теперь становится своего рода сертификатом абсолютной подлинности и совершенства всего, что раньше гордилось своей оппозиционностью, а ныне все чаще смахивает на голого короля. Бульдозер из локомотива авангардистского натиска, из стимула все новых вызывающих эскапад давно уже превратился в тормоз по-настоящему серьезного поиска, сделался из цепей на свободе — цепями на фантазии и раскрепощенности талантов. Ибо самоуспокоенность, самоублажение былыми заслугами и стигматами — суть гибель любого художественного движения. Нельзя, поверьте, жить как заслугой — чужими заблуждениями. Сказавши «от дурака слышу» — нового слова в искусстве, увы, не скажешь...

Означает ли это, что авангард вырождается? Да боже упаси — у него еще столько лет впереди потенциального сокращения разрыва в уровнях, разрыва с зарубежным искусством (которому непрестанно прочили мгновенную гибель после очередного «изма», дальше которого ну уж совершенно некуда...). Или кто-то впопыхах решил, что со времен 1913 года мы и тут «впереди планеты всей»? Вынужден разочаровать: точно так же, как вследствие погромов генетики и кибернетики мы обречены на вечное догоняние, так и с модернизмом, этим вечным жупелом и одновременно кормушкой для классово близких нам эстетиков. И хотя сегодня шаг влево — шаг вправо уже не считается побег, а творческий поиск избавлен от предчувствия досылаемого за спиной свинца в патронник, просто распрямиться мало. Нужно полностью осознать, больше того — вычислить расстояние, пройденное соперником. Хотя бы для обладания небесполезной информацией к размышлению...

Итак, где же в сегодняшнем искусстве молодых вожделенное новое мышление, дух перестройки и ускорения? Остроумный плакат А. Лопатиной («Ускорение», где призыв к нему гипостазирован в удвоенном лезвии лопаты (истинно в традициях советского революционного плаката, между прочим!) не сможет дать нам искомый ответ. Говоря по большому счету, нам вовсе не нужны какие бы то ни было дешевые квазиофициальные апофеозы любого из сущих на 18-й направлений. Сколько бы «правильными», «прогрессивными» и тем паче «заслуженными» они не были или казались, каких бы остроактуальных «болевых точек» современности не касались (а я забыл упомянуть еще о теме очередей за дефицитом, охраны памятников и т. д.). Не в тематике соль, в конце концов. Апофеоз может быть признан только один: правды, правды и еще раз правды, как содержательной, так и формальной. И коль скоро ее, правды, так и не было на стороне «бульдозеристов» по обеим сторонам баррикады, вряд ли мы отыщем ее — повторяю, с помощью их же нехитрого демагогического трюка — на стороне праведников от традиции передвижников. Творчество — материя принципиально куда более тонкая и сложная, чем нежели игра в «разрешиловку» и «запретиловку», в качание маятника популярности или, что много хуже, критическую возгонку неоконъюнктурной белиберды.

Верно, что перестройка в искусстве лишь началась — но давайте не искривлять ее закономерных, здоровых плодов набившими оскомину прежде сотворениями из бульдозера златого кумира, химеры, не способной, как оказалось, даже задрапироваться в полноценный «перестроечный» мундир. Потому что лозунг перестройки настоящей — долой все и всяческие мундиры вообще!

КЛЯТВА БАРТИНИ

Не сбылось множество научно-технических прогнозов, составленных в мире 20—25 лет назад на конец 70-х — начало 80-х годов. Нет постоянной базы на Луне, не бегут по дорогам тысячи дешевых и надежных электромобилей, не открыты гравитационные волны, скорости гражданских самолетов остаются намного меньше твердо обещанных пяти тысяч километров в час. Язык дельфинов не расшифрован, соседние планеты люди не облетели и не высадились на них, прочность металлов в десятки раз не увеличили, ядерный двигатель для самолетов и ионный для ракет не создали, применение пластмасс не сравняли с применением стали, и выплавляется сталь в промышленных масштабах по-прежнему не прямо из руд, а из чугуна, после домен. И так далее. На прогнозах строятся планы, которые надо выполнять, так что ошибки прогнозистов влетают в немалую копеечку.

Информации не хватило, интуиция подвела, вычислительное устройство... Способом борьбы с ошибками! Один из них — обращение к истории науки.

Об этом мы и говорили с автором вышедшей из печати книги «Мост через время» Игорем Чутко. Книга эта не совсем обычная, скорее даже совсем необычная. К читателю она пробивалась десятилетия, те самые десятилетия, которые сегодня принято называть временем «застоя». Среди героев книги Роберто Бартини, самолетостроитель, машины которого, обладающие огромной скоростью и дальностью, бомбили Берлин, а его считали чуть ли не фантазером. Не многим в те далекие 30-е — 40-е годы было знакомо это имя.

О Бартини можно рассказывать много и долго, но нет смысла пересказывать то, о чем так увлекательно и захватывающе пишет автор в своей документальной повести. Но не только с выходцем из Италии авиаконструктором Р. Бартини, который сдержал юношескую клятву — «положить все силы на то, чтобы красные самолеты летали быстрее черных», встречаемся мы на страницах книги.

— Чем объединены ваши герои! Почему вы выбрали для своей повести именно Р. Бартини, П. Гроховского, Л. Курчевского, А. Москалева! Только ли потому, что они были изобретателями отстаивали свои взгляды и за это подвергались преследованиям!

— Во многом и именно поэтому. Мне хотелось показать в этой работе, что в любых общественных формациях, при любом человеческом житье всегда были гонения на новаторов в науке, людей, мыслящих отлично от общеизвестных истин. Их сажали, убивали, заставляли отрекаться от своих идей. Но какими бы ни были преследования и репрессии — мысль человеческую остановить нельзя.

Все четыре героя книги шли не похожими на привычные путями, находили, на первый взгляд, парадоксальные решения. Леонид Курчевский изобрел безотказную динамореактивную пушку, сидя в Соловецких лагерях, будучи обыкновенным зэком. Многие посмеялись над открытием. Но вскоре С. Орджоникидзе вызвал «зэка-изобретателя» в Москву. Началось серийное производство этого оружия.

Игорь Чутко хотел вначале назвать свою книгу «Отважился посмотреть не туда». Действительно, людям того времени — 30-х — 50-х годов — быть не как все грозило опасностью. Это — крамола, а дальше по известной схеме — шпион иностранных разведок, враг народа. И сидели, и возвращались, и работали, и вновь сидели.

Думаю, что книга о судьбах незаурядной четверки конструкторов боевой техники того тяжелого лихолетья, людях, предвещавших и делавших своими руками научный прогресс, вряд ли оставит кого-то равнодушным.

М. ЭРАТОВА

И. ЧУТКО

КАК ЭТО БЫЛО

Избранные страницы книги «Мост через время»

...В одних архивных извлечениях он значится уроженцем австрийской, в других — венгерской части тогдашней двуединой монархии, третьи свидетельствуют, что в 1920 году он был репатриирован из лагеря военнопленных под Владивостоком как подданный короля Италии. В 1922 году его боевая группа охраняла от Савинкова нашу делегацию на Генуэзской конференции. Но вот один из друзей Бартини перерыл в библиотеках решительно все и не нашел ровным счетом ничего о пребывании Савинкова в Генуе и вообще в Италии.

— Странно, — сказал тогда Роберт Бартини. — Я ведь Савинкова там узнал...

В начале 60-х годов я работал на заводе, у которого были общие дела с ОКБ, где работал Бартини. Однажды, заболев, Бартини попросил кого-нибудь из нас приехать к нему домой. Ехать выпало мне. До этого я никогда его не видел, но кое-что о нем знал, слышал от ветеранов завода. И, надеясь узнать еще что-нибудь, уже от него самого и без привнесений, неизбежных в устном творчестве, позвонил знакомому историку авиации, бывшему главному конструктору В. Б. Шаврову: какую мне избрать «линию поведения», если Бартини вдруг расположится к дружескому разговору?

— Никакую, — быстро ответил Шавров. — Дипломатия с Робертом бесполезна... Спрашивайте прямо, спрашивайте все, что хотите, не стесняйтесь. И слушайте. И привет ему от меня!..

Жил Бартини тогда (и почти всегда) один, отдельно от жены, сына, внука, которых очень любил. Эта загадка, первая из многих последовавших, для меня разрешилась быстро, в тот же день, и наглядно: Роберт Людвигович был решительно неприемлем в совместном быту. Например, желал иметь все свои бумаги и вещи постоянно под рукой, причем разложенными на всех столах, полках, на стульях и просто на полу в диком, на взгляд постороннего, однако самому Бартини хорошо известном порядке. Прихоть, положим, свойственная не ему одному, но я не предполагал, что она может дойти до такой беспредельности.

Был он невысок, крепок. Общителен, однако лишь до точки, которую сам ставил. Даже с очень близкими людьми был откровенен не до конца. Это выяснилось гораздо позже, когда разбирали его архив. Работал на износ до последней минуты и умер, поднявшись от письменного стола: сделал несколько шагов, упал и не встал больше.

... Бартини был арестован. На собрании в ОКБ, где «народ» клеймил Бартини, нашлись некоторые, предложившие заклеймить заодно и опытную машину («все мы видели — вредительскую»), свезти ее на свалку, чертежи сжечь.

Слово попросил Шебанов:

— Я не касаюсь Бартини, в нем разберутся доверенные органы. Но давайте обсудим самолет, поскольку, выходит, мы, наш экипаж, должны были потерпеть на нем аварию. Я понял, что так, хотя здесь и не было пока приведено ни одного профессионального указания, что и когда нас ждало. Но, наверное, какие-то технические соображения у товарищей есть. Вот и скажи нам честно, ты, Коля, — ты разработал крыло: где ты в нем навредил? И ты, Миша, скажи нам, как конструктор шасси: когда оно не выпустится или где, в каком месте сломается? И ты, Витя, моторист: когда моторы заглохнут, когда нам выбрасываться с парашютами?

Все особо бдительные — их нашлось немного, но шумных — мигом прикусили языки. Испытания прошли успешно, и 28 августа 1939 года И. П. Шебанов, второй пилот В. А. Матвеев и бортрадист Н. А. Байкузов установили на «Стали-7» международный рекорд скорости на дальности 5 000 километров.

Как тогда было заведено по случаю рекорда состоялся прием в Кремле. Сталину представили экипаж и ведущего конструктора самолета З. Б. Ценципера.

— А где главный конструктор? Почему его здесь нет?

— Он арестован, — ни на мгновение не смешавшись, ответил Шебанов.

— Фамилия? — будто бы уж не знал, заранее не узнал.

— Бартини.

Вступился Ворошилов.

— Хорошая голова, товарищ Сталин, надо бы сохранить!

Напрасно вступился, — говорят, Сталин терпеть не мог прямого заступничества, да еще на людях.

— У тебя? — обратился он к Берии.

— Да.

— Жив?

— Не знаю.

— Найти, заставить работать!

Берия не знал, жив ли Бартини. Этого и Бартини не знал.

В тот день, вечер или ночь — тоже не различить было — следователь вызвал исполнителя, то есть, видимо, палача.

Бартини лежал на цементном полу, щекой в крови. Голову его «хорошую» приподняли за волосы, повернули лицом к свету:

— Ну, чего рыпаешься? Сейчас здесь, — стукнуло по затылку, — будет маленькая дырка, а здесь, — овеяло лицо, — все разворотит...

Сознание погасло на какое-то время, пока не возникло покачивание. Неуместно подумалось: лодка Харона. Но покачивались носилки. Два вертухая были испуганы и осторожны, кто-то ими командовал. Заурчал мотор, железно раздвинулись ворота — Бартини их помнил по воле: с приклепанной звездой. Донеслись ночные звуки улиц, потом, чувствовалось, пошла загородная дорога, шоссе.

Привезли Бартини в Болшево, на сборный пункт специалистов, изъятых из промышленности. Оттуда, подлечив, — в спецтюрьму ЦКБ-29 НКВД.

Планировался кругосветный перелет «Стали-7»: машину доработали, разместили в ней 27 бензобаков, общей емкостью 7400 литров, — но совершить перелет не позволила начавшаяся война.

Бартини, случалось, везло, и крупно. Хотя бы в том, что он уцелел. Ходит слух, по-моему, в порядке мифотворчества, что уцелел он тоже благодаря своей фантастической стойкости, смелости, но, как видим, была тут еще и внешняя причина: его велели «найти, заставить работать», то есть сохранить. Только этим по здравому смыслу можно объяснить, почему Бартини в тюрьме кое-что сходило с рук, что не сходило другим заключенным, не менее стойким. При всей искаженности сталинских представлений о людях, о способах «заставить» их работать, надвигавшаяся война требовала каких-то действий помимо расстрелов.

В ЦКБ Бартини пытались заставить работать над машиной «103» Туполева, будущим пикирующим бомбардировщиком ТУ-2.

Туполев сказал:

— Роберт, давай сделаем им сто третью — и нас освободят.

— Нет, у меня есть своя, пусть дают под нее КБ!

И не работал, пока ему не дали КБ. Но в итоге туполевцев освободили, а Бартини отсидел все десять лет, день в день, с поражением в правах еще на пять лет, до самого 1953 года, года смерти Сталина.

До конца 60-х годов сведения о главном конструкторе Бартини крайне редко выходили за узкий круг работников опытного самолетостроения, на что, понятно, имелись веские причины. Его дела и сам он упоминались в некоторых не очень распространенных изданиях, в основном сугубо технических и академических. Упоминались его экспериментальные, рекордные и боевые самолеты.

Решив, что Роберто Бартини будет работать в русской авиационной промышленности, никто в ЦК Итальянской компартии не предвидел, естественно, будущих масштабов этой работы. Предполагалось лишь его посильное участие как рядового инженера, одного из многих тысяч, в строительстве воздушного флота страны. Можно было надеяться, впрочем, что Бартини — хороший инженер и летчик: кроме Миланского политехнического института, авиационного отделения, он кончил Римскую летную школу.

...В 1924 году учреждение, ведавшее в стране разработкой и производством самолетов, занимало всего четыре комнаты в доме два в Большом Черкасском переулке. Учреждение — кажется, оно называлось авиатрестом, — понятно, охранялось: у входа в него сидел инвалид с наганом и выписывал пропуска. Чтобы получить пропуск, надо было назвать свою фамилию. Только погромче назвать ее инвалиду, так как он был глуховат после контузии.

Однажды, не заметив эту охрану, с лестничной площадки в коридор попытался проникнуть озабоченный молодой военный довольно крупного чина — комбриг.

— Фамилия, товарищ?

— Бартини. — Военный говорил с сильным акцентом, да еще гул разносился по высокому коридору.

— Партийный? Это хорошо... Ну, а фамилия-то все же как?

— Бартини.

— Фамилию спрашиваю!

— Бартини.

— Эка заладил... А какой партии?

— Итальянской.

— О! Итальянскую мы уважаем... Ладно, дуй, товарищ!

И все. Без канители.

...Предположим, сказал однажды Бартини, что у вас никак не решается шахматная задача. И решить ее нельзя, это доказано. А вы, не считаясь с правилами игры, достаете из кармана еще одну пешку — и все у вас получается!.. Прием, я согласен, недопустимый в шахматах, но кто его запретил в технике?

...До Бартини построить такой самолет никто не догадался, хотя все три находки никак нельзя было назвать открытиями, ранее науке неизвестными. Шасси на одном колесе? Бартини всего лишь использовал на суше опыт морской авиации (разумеется, переосмыслив этот опыт): с одной опоры взлетают и на одну опору садятся «летающие лодки». Убирающееся шасси?..

В беседе с молодыми инженерами Р. Бартини сказал как-то, что один из первых пароходов, ходивших по Неве, всем был хорош, рационален, изящен — русские кораблестроители всегда отличались мастерством — только труба у него была почему-то кирпичная. И никому эта несуразица в те времена не резала глаз. Видимо, на основании долгого заводского опыта считалось, что у паровой машины труба должна быть обязательно из кирпичей.

Бартини обладал удивительным по остроте инженерным зрением, способностью замечать «кирпичные трубы» там, где они вовсе не обязательны, но никому другому почему-то не бросались в глаза, и из вроде бы общеизвестных научных истин делать совершенно неожиданно практические выводы.

* * *

... — Ну, знал я, хорошо знал этих ваших Гроховского, Урлапова и весь их цирк! Диплом у них делал, распределен уже был к ним — и еле оттуда ноги потом унес...

Цирк — здесь надо понимать как что-то зазорное, непорядочное. Как фокусы за жирный государственный счет, как пыль в глаза малограмотному начальству «из рабочих и крестьян», лапшу ему на уши.

Ерофеев ткнул пальцем за окно, в огни Ленинградского проспекта:

— Да, вот где они орудовали, видели, небось, —

кирпичные домики слева от прежнего поворота на аэродром? Который домик побольше — там и был их КБ...

И опять как бы само собой получилось, в жесте проглянуло, в тоне прозвучало, — что даже это, такое близкое расположение былого «цирка» от нас, нынешних, многоэтажных, бетонно-стеклянных, солидно орденоносных, ни о чем ином не свидетельствует, кроме как о пустоте былых затей...

В конце 1928 года или ранней весной 1929-го начальник военно-воздушных сил РККА П. И. Баранов командировал в Новочеркасск своего уполномоченного, чтобы тот на месте, то есть не по одним лишь записям в личном деле, разузнал все, что удастся разузнать про командира звена 44-й эскадрильи 13-й авиабригады Павла Гроховского.

Непонятно. Что за надобность такая у государственного деятеля в летчике из дальнего гарнизона? Чего такого срочного не хватило управлению ВВС или лично Баранову в документах по Гроховскому — анкетах, аттестациях и прочем?

Гроховский Павел Игнатьевич. 1899 года рождения. из рабочих. Окончил четырехклассное училище в Твери, работал учеником аптекаря в Москве. В 1917 году вступил добровольцем в Ревельский отряд революционных моряков. Служил на линкоре «Петропавловск» Балтфлота, на Волжско-Каспийской военной флотилии, в сухопутных матросских частях И. К. Кожанова и П. Е. Дыбенко — рядовым, затем командиром роты. Участвовал в боях с немцами на Украине, с колчаковцами, деникинцами, с англичанами в Энзелийской операции и снова на Украине, с махновцами. Член партии большевиков с 1919 года, рекомендовал его в партию Кожанов. Последняя должность на флоте — комиссар Черноморского и Азовского побережий. Был тяжело ранен, полностью излечился. Награжден именным оружием, маузером, и бантами «За храбрость». В авиации с 1922 года, летчик-истребитель.

Замечательная биография! И все так и было, скажу, забегая вперед, и тысячу раз было проверено в «кадрах».

Однако...

...В середине 1937 года Гроховского сняли с должности начальника и главного конструктора Экспериментального института, понизили в звании из комдивов в полковники, послали «командовать» хозяйственным управлением Осоавиахима, организации вроде нынешнего ДОСААФ. То есть от конструкторской работы отстранили. В 1942 году арестовали. Умер он в 1946 году. Так во всяком случае, по справке, которая, возможно, врет.

Институт без Гроховского проработал немногим более года под руководством Титова, затем был расформирован. Спасти его Титову помогал ЦК ВЛКСМ, но сделать тоже мало что мог. За пять — семь лет, начиная с 1930 года, воздушно-десантные войска получили всю нужную им технику. Дали ее в основном Гроховский, его соратники и смежники. За последовавшие 3—3,5 года, она, естественно, устарела и износилась, но за это уже спрос не с Гроховского. Обвинять сейчас в этом его — то ли наивность, то ли коечто похуже: провокация.

...Дело было так. Тяжелее становились сбрасываемые грузы, соответственно росли диаметры парашютов. Десанту не в десяток — другой бойцов, а настоящему, массовому, предназначенному для крупных операций в тылу врага, требовалось мощное вооружение, как часы налаженное снабжение по воздуху.

До поры до времени все шло благополучно: росли грузы, увеличивались купола парашютов, — пока не случилось то, о чем через сорок лет с досадной неосторожностью поведал И. И. Шелест: как «Однажды этот одержимый человек решил испробовать новую парашютную систему для сброса легкового автомобиля...»

«Газик» подвесили на специальном помосте под фюзеляжем самолета ТБ-3. На борту вместе с летчиками находился и сам владелец автомобиля. Самолет, сделав круг, *набрал высоту над Центральным* аэродромом, вышел против ветра, и конструктор нажал кнопку сброса...

На этот раз Гроховскому не повезло. Парашюты огромной площади, которые уже были испытаны не *раз при сбросах орудий, в силу какой-то случайности* не раскрылись...

Кувыркаясь, «газик» падал, словно игрушечный автомобильчик, уроненный мальчишкой с балкона. На «газик» все же был настоящий: приближаясь к земле, он увеличился в размерах. Он ударился об угол недостроенного тогда бывшего здания аэропорта.

Гроховский проследил до конца его падение с самолета. Перед ударом он сказал пилоту спокойно, не повышая голоса:

— Ремонту не подлежит!»

Да, почти все так и было. Более того: обожавший эффекты Гроховский вздумал сам сброситься в этом своем «газике», сидя за рулем, — чтобы, приземлившись и отцепив от автомобиля парашют, подкатить к Тухачевскому с рапортом.

Однако Тухачевский, заблаговременно узнав об этом замысле, категорически запретил трюк. «Газик» — сбрасывайте, но без человека.

И как в воду глядел...

...Почему до 1967 года имя Гроховского нигде не упоминалось? Ни в военно-исторических трудах, ни в широкой печати... Ни одного экспоната в военных музеях... Реабилитировали Гроховского, в партии восстановили — и опять постарались забыть.

И уже не я спрашиваю, а меня спрашивают: «Как вы думаете, почему, слыша неправду про Гроховского, а то и откровенную клевету на него, столько лет молчали его ученики, друзья, бывшие соратники?

Думать здесь можно разное. Одни не умели рассказать, другие решались, третьи, как у нас заведено, полагали, что начальству виднее...

Жаль. Ведь человек-то какой! Какая личность, какая биография, какие инженерные успехи, кто бы и что бы там не болтал... Оригинальность, неожиданность решений — только бы в заслугу ему поставить: какой же талант не оригинален? Не имел, видите ли, формального высшего образования — так и в этом он не одинок. Например, академик Н. Н. Боголюбов и Я. Б. Зельдович тоже как-то обошлись без высшего. Говорят, Гроховский и по существу не знал многого, что знает любой молодой специалист. Возможно. А что такое знания? Сумма сведений? Если уж продолжить сравнение конструкторов со знаменитыми физиками, то, как пишет П. Л. Капица, великий Резерфорд по обширности фактических знаний уступал куда менее творческим своим коллегам. Известно, что Эйнштеин однажды не смог ответить на конкретные вопросы-тесты, по которым Эдисон подбирал сотрудников в свою лабораторию, и Эдисона это озадачило.

Спрашиваю: бывало ли, что «ненаучные», «безграмотные» идеи Гроховского вдруг оказывались научными?

— Что за вопрос? Еще бы!..

Редакторы-кооператоры

Заслуженный редактор известного издательства, сокрушенно вздыхая, посвящала меня в тонкости своей работы. Каждая строчка машинописного оригинала была аккуратно зачеркнута, а сверху от руки редактор вписала текст, которому и предстояло стать книгой. Так что тонкость на этот раз была одна — почти никто из уважаемых авторов — юристов, экономистов, агрономов — не умеют писать так, чтобы их сразу понял читатель.

Каждому свое. Автор владеет темой, редактор — пером. Такое вот разделение труда. И заработков тоже. Редактор вынужден заниматься по существу соавторством, даже литзаписью всего лишь за свою небольшую зарплату, а гонорар сполна получает автор.

В литовском издательстве «Минтис» («Мысль») такая практика разонравилась окончательно. И потому решено было создать редакторский кооператив. Сюда-то и предлагают наведаться наиболее «трудным» авторам. За умеренную плату (от 15 до 25 рублей за авторский лист) редакторы-кооператоры «переведут» рукопись книги, статьи, даже диссертации или диплома на литературный язык. Гарантий, конечно, кооператив не дает, однако явно бесперспективных работ не принимает — зачем зря обнадеживать людей, да еще брать с них деньги.

Трудятся здесь семь литературных редакторов, один технический и бухгалтер. Все, включая председателя, пенсионеры, проработавшие в издательстве 20—30 лет. «Минтис», весьма заинтересованный в таком кооперативе, выделил ему 500 рублей на обзаведение, бесплатно предоставил комнату в помещении издательства.

На услуги кооператива уже рассчитывают и другие издательства республики. «Мокслас» («Наука»), например. Нет нужды говорить, насколько важно сокращение сроков редактирования оперативной научной информации, а штатных работников не хватает. Значит, редакторов, загруженных работой над объемными монографиями, можно оставить в покое, а небольшую рукопись отдать в кооператив. Что касается чертежей, схем, диаграмм, «Мокслас» порой доверяет готовить их к отправке в типографию своим авторам самостоятельно. Для этого им выдаются стандартные макетки, проводятся консультации. Дальше — дело за типографией. И через 3—4 месяца книга готова.

А. БОСОВСКАЯ

Грустные заметки

Как старый «макаренковед» и давний автор журнала я позволю себе поведать читателю свои заметки, сделанные в 1988-м году. Это был Международный год А. С. Макаренко, «великого советского педагога и писателя, чья деятельность оказала значительное влияние на становление педагогики как науки, формирование методов образования, нравственного развития и творческого воспитания подрастающего поколения». Оценка эта из специальной резолюции Генеральной конференции ЮНЕСКО о праздновании 100-летия со дня рождения Антона Семеновича Макаренко.

...Хоть и говорят: «Нельзя быть семи пядей во лбу», а он, Антон Макаренко, был таким. Педагог-практик, 32 года жизни из 50 отдавший детям. Ученый-теоретик, сумевший обобщить, проанализировать опыт свой и других деятелей педагогики и создавший стройную и строгую систему, все тридцать с лишним компонентов которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Писатель, в художественной форме изложивший свою систему. Философ. Психолог, который умел познавать и «проектировать» личность, возможности и будущность своих воспитанников, да и коллег-педагогов, ни разу не ошибясь ни в ком! Экономист, практически осуществивший на двух заводах в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского самоокупаемость и самофинансирование, бригадный подряд и хозрасчет. Наконец, «Человечище, и как раз из таких, в каких Русь нуждается» (М. Горький).

...Еще говорят: «Нет пророка в своем Отечестве». Он более чтим в ГДР и на Кубе, в Скандинавии, Японии и Китае. Американка Мариэтта Сандерс в Московском музее А. С. Макаренко оставила запись: «Отец мировой педагогики». В Ростоке вышла книга «К. Маркс и А. Макаренко». В той же ГДР еще в 1983 году «Педагогическая поэма» вышла 50-м (!) изданием. Если перечислять издания книг Макаренко на языках народов мира, то уйдет не одна страница. В ГДР и на Кубе есть целая сеть школ, работающих по системе Макаренко. Недавно в печати промелькнуло: юная датчанка на вопрос, что бы взяла с собою на необитаемый остров, ответила: «Конечно, «Педагогическую поэму»!

А что у нас? Малоформатный прекрасно набранный и любовно иллюстрированный в издательстве «Книга» двухтомник «Педагогическая поэма» — подарок книголюбам. Но вот «Педагогика» выпускает, наконец, после долгих лет ожидания новое собрание сочинений писателя. И к юбилею поспели, и восьмитомник все-таки — вместо прежних семи. Но... «разноголосица» шрифтов, обрез таков, что на поля осталось менее полусантиметра. И главное, тираж — 50 тысяч экземпляров. Это на страну, где 135 тысяч школ, несколько миллионов педагогов-профессионалов, где столько библиотек... Сколько ни вопрошал в Находке, Златоусте, Кременчуге Стерлитамаке: у кого есть восьмитомник? Положительного ответа не было. Аналогичная картина в Липецке и Омске, Новосибирске и Одессе...

Достижением можно считать выход «Книги для родителей» полумиллионным тиражом. Впрочем, для нашей страны и этого мало.

...Восточная мудрость гласит: «Сколько раз ни говори «халва», во рту слаще не станет». Бывшего коммунара Г. И. Галкина принимали в строительном ПТУ Находки. Когорта макаренковцев выступала в городе-герое Одессе — в университете и в педучилище, в школах и в Доме Учителя. Подобных встреч было множество — теплых и... бесплодных. В одном зале в президиум поступали записки на узких полосках разрезанной школьной тетрадки, написанные одним почерком — организатора, раздавшего эти «вопросы» студентам. Член совета ветеранов-макаренковцев И. Панов обратился к залу: «Честно, только честно, поднимите руки те, кто не читал книг Макаренко!» И рук поднялось много...

Несмотря на обилие массовых и немассовых «мероприятий» в год Макаренко многого не сделано. В стороне от празднования фактически остался Союз писателей, которому пришлось организовывать в скорбном апреле 39-го похороны Антона Семеновича — члена ССП с 1934 года(!). «Юбилейная комиссия» в ССП была создана за несколько недель до юбилея, и даже не помогла проведению встречи в Москве в большом зале Центрального Дома литераторов. С трудом узнал, что «Комиссия по литературному наследию А. С. Макаренко», слава богу, не распущена. Спрашиваю, кто председатель? Отвечают: был Лев Кассиль. — Можно ли переговорить с кем-либо из членов комиссии по литнаследию? — Они все уже умерли... Но комиссия Союзом «еще не распущена»...

Конечно, многое и радует. Работа М. Рощина над двухсерийным фильмом о Макаренко и пятисерийная телепередача Ленинградского телевидения «Учить жизни». Ряд новых публикаций на исходе макаренковского года. Становление московского музея писателя и педагога, о котором рассказывалось в журнале «В мире книг»... Юбилейный год завершился, работа по изучению и пропаганде творчества А. С. Макаренко должна быть продолжена.

Лев ЧУБАРОВ

исать надо только для читателя

Уважаемая редакция!

Если вам интересно мнение не социолога, а рядового библиотекаря, могу поделиться. Читать стали меньше (по ассортименту). «Ажиотируются» исключительно модные, те, что у всех на слуху, книги. Особенно, если над ними витает этакое сенсационно-скандальное облако, мол, «автор-то сидел», или «рукопись, слыхал, в столе 20 лет пролежала».

Что же касается прочих «комплектующих единиц» библиотечных фондов, то здесь довольно редок, по моим наблюдениям, целенаправленный подход читателя, когда он знает, кого и что хочет прочесть. Процесс выбора книги сводится зачастую к уныло-любопытствующему гулянию вдоль книжных стеллажей «в рассуждении, чего бы почитать», а также к милым разговорам у стола библиотекаря: «мне бы про любовь», «а мне — про штирлицев», «а я бы... ну, это... вообще, знаете, про жизнь».

Конечно, идеальный библиотекарь должен быть в курсе всех новинок и обладать не только отменным вкусом, но и умением так рассказать о книге, чтобы читатель, забыв в гардеробе калоши, рысью понесся бы с ней домой, предвкушая... Но это по идеалу. А по жизни? Увы, калоши сейчас забывают только по поводу тех книг, на которые многомесячная запись. Пусть даже ты потом и пожмешь недоуменно плечами... но — приобщился!

И это тем более обидно, как подумаешь, сколько хороших, действительно нужных книг лежат на полках невостребованными! Только потому, что едва вступивший в литературу автор еще не успел сделать себе (у широкого читателя) имени. Или потому, что ничего трагически-героического не было в его биографии: просто живет, пишет хорошие книги — уж извините.

Может, теперь вы поймете, почему я, прочтя книгу критика Т. Ивановой «Круг чтения», выпущенную в конце прошлого года издательством «Современник», так обрадовалась. И за коллег-библиотекарей, и за читателей.

«Мне очень жаль, когда кто-то проходит мимо хороших книг, не узнавая их. Чтобы такое случалось пореже, я написала свою книгу». Вот предельно просто сформулированная автором задача этого издания. «За руку подвести» к книге хочет Т. Иванова читателя и берет на себя смелость уверенно сказать: это — хорошо, прочти и сам подумай, не ленись.

А каким особенным, непринужденно-доверительным языком говорит критик о своих симпатиях, как просто и живо размышляет о книгах, писателях, времени. Короче — прекрасная книга! Нужная донельзя и нам, библиотекарям, и нам, читателям.

Одно только в ней плохо: МАЛО ЕЕ. Согласитесь, не все же следят за публикациями Ивановой в периодике, не все выписывают и ваш интереснейший (особенно в последнее время) журнал, где рубрика, которую вела Татьяна Ивановна, по-моему, из тех, что принесли ему популярность.

Дорогая редакция, уважаемые товарищи из издательства «Современник»! Как славно было бы, если бы «Круг чтения» не стал первой и последней ласточкой такого рода — рода надежного маяка в почти безбрежном книжном море.

Как славно, если бы издание это стало бы началом, скажем, в серии книг под таким же названием! Тогда, глядишь, и другие критики, спустившись с горних вершин «изосиллабизмов», «словораздела», «речевых единиц» и прочих «эпитритов» (см. «Словарь литературоведческих терминов»), или покинув бранные поля литературно-групповых междоусобиц особенно тех, где счеты сводятся с умершими писателями, придут к читателю и «понятно, искренне, чтобы было интересно читать», расскажут о примечательных явлениях в мире книг.

Потому что критиком, «который пишет только для критиков и писателей, становиться нельзя. Писать надо только для читателя».

Н. ОСИПОВА

Москва

ез пригляда

«Именно здесь, на Острожском взгорье, где по сути зарождалась наша первая академия, 400 лет назад одержимостью первопечатника Ивана Федорова и его сподвижников были напечатаны наши книги-первенцы, и среди них тот уникальный букварь земли украинской, от корня которого разрослось могучее дерево нашей письменности, культуры, бурно вырос очень богатый язык нашего народа, на основе которого сложилась одна из самых ярких славянских литератур...» — писал Олесь Гончар.

Данью памяти о выдающихся деятелях, живших и работавших в Остроге, стал местный Музей книги и книгопечатания. Украинское общество книголюбов выделило средства на реставрацию здания.

Музей открылся в 1985 году. Сейчас коллекция Государственного историко-культурного заповедника Острога насчитывает больше 300 древних печатных и редкостных рукописных книг.

К сожалению, возвращаясь из Острога, вспоминаешь не только уникальную экспозицию музея, но и горькие слова редактора местной газеты «Заря коммунизма» В. Г. Баталова:

«Давайте посмотрим на тени золотых куполов... Гибнут на глазах шедевры древнеславянской культуры. В Остроге нет строительной организации, которая бы занималась реконструкцией и ремонтом памятников культуры».

Невесело на душе и у хозяйки музея Светланы Позиховской. Долгой и горькой была наша беседа.

— Очень грустно, что мы, принимая гостей со всех уголков мира, не можем показать им по-настоящему музей. Согласно плану благоустройства, был предусмотрен снос двух домов по улице Папанина, чтобы расширить обзор Луцкой башни. Вместо благоустройства территория вокруг до того захламлена, что стыдно перед многочисленными гостями.

Более двух тысяч книг не выставлены в самом большом зале музея потому, что он не пригоден для экспозиции. Потресканный, весь в грязных потеках, черном грибке, который смертелен для книг... Зимой здесь девяносто процентов влажности.

Сиротливо на фоне изъеденных сыростью стен смотрятся витрины с портретами писателей и их автографами.

— Более ста памятников архитектуры в нашем районе формально под охраной государства, — сказал заместитель председателя Острожского районного исполнительного комитета В. С. Чируха. Но ремонтировать их сложно, ибо нет своей строительной организации. Приезжие работают порой не так, как хотелось бы.

Нам нужны свои высококвалифицированные специалисты... Но на это не дают добро ни Госстрой УССР, ни Украинское специализированное научно-реставрационное производственное объединение.

Я привожу здесь эти высказывания не затем, чтобы обвинить кого-то в заведомом нежелании прийти на помощь острожанам. Нет, конечно, трудностей у строителей масса. Но памятникам старины ссылками на объективные причины не поможешь. Тратя по привычке силы на то, чтобы «оправдать и оправдаться», мы ничего полезного не приобретаем.

Так давайте же, наконец, не говорить о резервах, а находить их и обращать на благо нынешних и будущих поколений.

А. ДРАГОМИРЕЦКИЙ

Киев

РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ АВАНГАРД

Ведущий
Геннадий АЙГИ

2

ПресС-ПаПье

СкvоЗь Стекло тухлятСя
так не ты ли — землистый?
трi — v ПлоСи ПаяЦи
лiСты
ј
травы и тухлятСя.

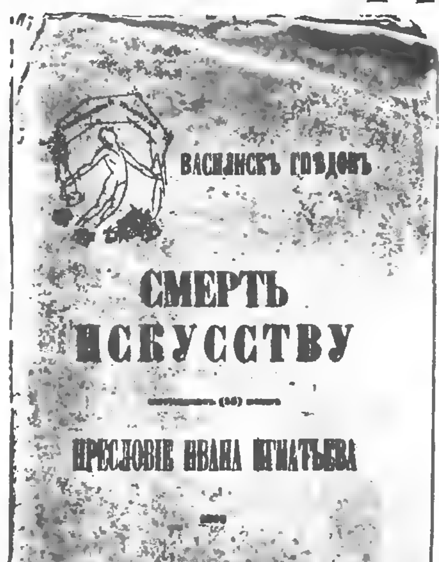
куклы оСтеклiвшiСь,
дух Паяцнувший v воздух
поринимiчают v вiСь,
но Стух
у
лунно дух, побледневшiСь.

СтеклянноСь (maneken)
пресс-папьiный спит клоун
трогичный девушкiн —
Зочу
у
Сих Прошу: v Земле-Папп

v воЗдуха ПресС-Папос
паяцы льют слезiны
v Пьян дух v Плавнение
i Сны
ј
жиЗнь и ... на копьё

Страница первого издания книги Божидара «Бубен» (1914).

ВАСИЛИСКЪ ГНѢДОВЪ

СМЕРТЬ ИСКУССТВУ

ПРЕСЛОВІЕ ИВАНА ИГНАТЬЕВА

(1894—1914)

Готовя данную публикацию, я в очередной раз перестрадал судьбу этого необычного юноши — Божидара (в 1965 году я посвятил его памяти одно из моих стихотворений).

Все в нем необычайно: и ранняя творческая зрелость (в этом он напоминает замечательного французского поэта и романиста Реймона Радиге, умершего тоже в возрасте 20 лет), и широта его интересов: был прекрасным рисовальщиком, серьезным лингвистом, — перед смертью завершил высококвалифицированный труд по стиховедению «Распевочное единство» (издано посмертно в 1916 году), получивший горячее одобрение Велимира Хлебникова.

Еще доныне продолжает поражать его самоубийство, которому предшествовали загадочные, до сих пор не выясненные обстоятельства. «Он разбился, летя, о прозрачные стены судьбы, — писал Велимир Хлебников, — мы постигаем Божидара через отраженное колебание в сердцах, знавших его».

В связи с этой темой я хотел бы высказать свое твердое убеждение: самоубийства поэтов — любые — бывают, прежде всего, следствием или выражением их творческой самоисчерпанности, творческой катастрофы. Заново вчитываясь в произведения Божидара, я убедился: путь юного поэта оказался тупиковым. Хорошо знавший (для того времени) творчество Хлебникова, поддерживаемый Николаем Асеевым, Божидар рано задался целью — возродить древнеславянский звук в родном поэтическом мелосе. По его черновикам можно проследить, как обдуманно ковал он это странное архаичное звучание, видя свою *новаторскую* задачу в таком неимоверном труде.

«Всеславянские» языковые опыты и достижения Хлебникова известны (как и его недолгое мировоззренческое «панславистское» увлечение). Для *универсального* Хлебникова — это лишь одно из его проявлений.

Божидар не смог разорвать «магический круг», созданный славянско-языческим звуком собственной поэзии, не смог выйти в универсально-русский поэтический простор. Но, по выражению Фолкнера, — «лучше блестящее поражение, чем рассчитанная победа». Самобытная языковая «русскость» Божидара видится сегодня, пожалуй, более глубокой, чем у того же Николая Асеева.

По-новому, весьма актуально воспринимается сегодня и главная мысль упомянутого «Распевочного единства», — в этом труде Божидар доказывает, что цельностью любого поэтического произведения управляет не заданный «метр», а «внутренний», «скрытый» единый перворитм, называемый им *распевом* (что это означает, хорошо знают поэты, занимающиеся верлибром).

Божидар — псевдоним Богдана Петровича Гордеева. Родился в Харькове в профессорской семье (прадед по отцу — потомок казаков из города Умани, прабабка, рожденная Бакаева, — из знатного татарского рода).

Серьезное творчество Божидара начинается в гимназические годы под влиянием Эдгара По. Тогда же поэт работал в студии художника Е. А. Агафонова, увлекаясь старо-немецкой гравюрой, в особенности творчеством Дюрера. По окончании гимназии Божидар предполагал поступить на историко-филологический факультет университета для изучения сравнительного языковедения и санскритологии.

Покончил с собой в ночь на 7 сентября 1914 года в лесу около селения Бабки под Харьковом.

Божидар входил в авангардистскую группу «Центрифуга», возникшую в начале 1914 года (кроме него, наиболее заметными «центрифугистами» были Н. Асеев, Б. Пастернак и С. Бобров). Напечатал при жизни «автографический» сборник стихов «Бубен» (1914). Более полное собрание его стихов под тем же заглавием издали в 1916 году друзья поэта — Сергей Бобров и Николай Асеев.

Остается добавить, что непривычные типографические знаки, часто встречающиеся в предлагаемых стихах, означают длительные паузы.

А теперь — предоставляем слово самому Божидару. Вот — блестящий фрагмент из его прозы, из вступления к книге «Распевочное единство»:

«Познавательная сноровка: единый снаряд познавания обращать во множество познавательных орудий, дабы так познать предмет во всех его мелочах, — лежит в природных свойствах человека и, если вообще всякая жизнь есть уже познавание, или собирание внечувственных добыч опыта, то все окружающее нас бытие, без конца дробящееся, ведет рядом огромный пример той же сноровки ⟨...⟩ На деле мы осуществляем прообраз в любое из орудий, обращаем его так в образчик, к которому единством задачи действия сводим все иные; впрочем, для такого объединения необходимо бывает перекидывать наичудеснейшие мосты отправных точек.

Так действуя, мы якобы обедняем наш собор орудий, но — въявь: целостно многообразно обогащаем весь орудийный двиг. Тогда мы властны говорить о том, что не к постижению только идем мы, как будничные и досущие поискиватели, но и не на ходулях учености, — легкими летчиками к познанию крылим мы — все единя для единого покрывала ВСЕВЕДЕНИЯ».

ПРЕСС-ПАПЬЕ

Сквозь стекло куклятся
— Так не ты ли — землистый? —
Три — в плясе — паяца,
Листы
И
Травки ‖ буклятся.

Куклы остёклившись,
— Дух паяцнувший в воздух —
Порывничают в высь,
Но стух
У
Кукл дух, поблёкливщись.

Стеклянюсь (манекен)
— Пресс-папьиный спит клоун
Троичный, бабушкин —
Зову,
У
Всех прошу: «В земле — плен?»

В воздухе пресс-папье
— Паяцы льют слезины —
Впаян дух в пленение
И сны,
И
Жизнь: ‖ бред на копье
Души
Прободённовоздетой
И
Остеклетой.

** Студент спятил, он воображает, что сидит в стеклянной бутылке.*
Э. Т. А. Гофман.

УЛИЧНАЯ

Скука кукует докучная
И гулкое эхо улица.
Туфельница турчанка тучная
Скучная куколка смуглится:

«Не надо ли туфель барину?»
Но в шубу с шуткой ‖ тулится
Цилиндр, глотая испарину.
Углится кровлями улица.

Улица, улица скучная:
Турка торгующая туфлями —
Кукушка смерти послушная,
Рушится, тушится углями.

Улыбаясь над горбатыми
Туркой и юрким барином,
Алыми ударь набатами,
Дымным вздыбься маревом!

Вея неведомой мерностью,
Смертью дух мой обуглится,
Вздымится верной верностью —
Избудутся будни в улица.

СОЛНЦЕВОЙ ХОРОВОД

Кружись, кружа мчись ‖ мчительница,
Земля, ты ‖ четыревзглядная!
Веснолетная, нарядная,
Смуглая ‖ мучительница!

Осеньзимняя
Кубарь кубариком
Жарким ‖ шариком
В тьме
Вей,
Полигимния,
Сме-
лей!

Ты солнь, солнь, ‖ солнце — золото,
В пляс пойди по пусти трусистой,
Пусть стучит времени долото,
Пусть планет поле прополото
Звездодейкой ‖ ‖ бусистой —

Ты солнь, солнь
Звезды пóсолонь,
Небосвод промолнь
Рдяным посохом —

Мчись, мчительница, ‖ кружись,
Четыревзорная земля. —
Нарядная веснись, летнись,
Мучайся ‖ Смугляна.

ПЛЯСКА ВОИНОВ

Ропотных шпор приплясный лязг
В пляс танками крутит гумна,
Бубны, трубы, смычный визг,

Буйно, шумно
Бубны в пляс,/

Жаркий шар в пожаре низк.

Одежд зелень, желть, синь, краснь
В буйные, бурные пёстрья

Трýбящий плясун, сосвиснь!

Вейте, сестры
Трубных баснь

Ярую, кружительную жизнь!

Парами, парами, парами
Ярúни, в лад, влево щелкотью,
Вправо шпорами, бряц ‖ шпорами

Яричи мелкотью
Парами, парами

По под амбарами, по под заборами.

ГРИГОРИЮ ПЕТНИКОВУ

В шуршание шатких листьев —
Ренаты шлейф ‖ багреца ‖ пламенного.
Коснись ‖ костлявою кистью
Лба жалкой усталостью раненного.

Ах, жилки ‖ жидкою кровью
Устали пульсировать прогнанною;
В глазах: ‖ вслед ‖ нездоровью
Ангел заклубит тенью огненною.

Тогда, ‖ тогда, ‖ Григорий, —
Мечта ‖ взлетит лихорадочная —
И средь брокенских плоскогорий
Запляшет Сарраска ‖ сказочная.

* * *

В небесах ‖ прозорных как вóлен я
С тобой, ‖ ущербное сердце —
Утомился я, утомился от вóленья
И ты на меня ‖ не сердься.

Видишь, видишь ‖ своды ‖ óгляди
В нутренний свúлись ‖ крутень,
Холодно в моросящей мокреди,
Холодно ‖ в туни буден.

Небесами моросящими выплачусь —
Сжалься, сердце, червонный витязь,
В чащи сильные ‖ синевы влачусь,
Мысли клубчатые, рушьтесь ‖ рвитесь!

Витязь мается алостью истязательной,
Рдяные в зенках зыбля розы,
Побагровевшими доспехами вскройся,
Брызни красной ‖ сутью живительной
В крутоярые стремнины ‖ затени,
Затени, ‖ затени губительной.

26.VIII.1914

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ

(1890—1978)

Пренебрежительное отношение к Василиску Гнедову до сих пор считается среди многих литературоведов чем-то «само собой разумеющимся». Не так давно «блеснул» этим и хлебниковед Н. Степанов («был такой поэт, как Василиск Гнедов, выступавший с «заумными стихами под стать Крученых», — читаем в его книге «Велимир Хлебников», 1975)

Во-первых, «заумных» стихов у Василиска Гнедова нет, есть — *словотворческие*. Во-вторых, Гнедов был поэтом, очень ценимым Хлебниковым, — в поэме «Синие оковы» он говорит о «пророческом» даре Василиска.

К «всеславянскому» поэтическому слову стремился и Гнедов, при этот он часто пользовался «украинизмами», — я надеюсь, что читатель воспримет предлагаемые стихотворения без подробных объяснений, нельзя инстинктивно не поддаться, — как мне кажется, — неоднократным обаятельным моментам «словоновшества» поэта. (Позволю себе высказать здесь следующее: существует род стихов, которые, прежде всего, надо *воспринимать, переживать понимание* в этом случае может наступить, как *следующий этап*).

Гнедов, наряду с И. Северянином, К. Олимповым, И. Игнатьевым и П. Широковым, входил в «Ассоциацию эгофутуристов», сформировавшуюся в конце 1911 года. Развитие его оригинального дарования шло быстрыми темпами, — уже в 1913 году Гнедов издал книжку «Смерть искусству», отнюдь не являющуюся «эгофутуристической».

В этой книжке поэт выступает зачинателем «антиискусства» в европейской литературе (французские поэты, например, начали *осознанно* заговаривать об «антипоэзии» только в шестидесятых годах, — ровно через полвека после «антипоэтического» выпада Гнедова).

Однако *и «смерти искусства»* в поэзии можно добиться только путем неотменимого Слова.

В предлагаемых «15 поэмах» Гнедов демонстрирует, как подготавливается в них «отмена слова», — последняя «поэма» окажется просто листом белой бумаги, но и этот *«простой лист»* имеет свой смысл, — как некое произведение «конкретной поэзии».

(«Интересно, слышал ли о Гнедове Кейдж?» — сказал недавно один из моих друзей. Речь идет об американском композиторе Джоне Кейдже, родившемся за год до создания гнедовской «Поэмы Конца». Кейдж, уже в наше время, «сочинил» музыкальный опус «молчание», полностью состоящий из *тишины*. Откуда, каким образом можно было узнать американскому композитору о «заживо погребенном» русском поэте Гнедове? А с «Поэмой Конца» Василиск выступал перед аудиторией: ее, по словам поэта Ивана Игнатьева, «он читал ритмо-движением. Рука чертила линии: направо слева и наоборот (второю уничтожалась первая, как плюс и минус результатят минус)».

Однако все это — лишь программная, внешняя сторона «15 поэм». Внутренняя сущность их напоминает опыты «семантической поэзии», декларированной европейскими поэтами (в особенности французскими) в шестидесятых годах.

Выдающийся лингвист А. Потебня говорил об «элементарной поэтичности языка», которая выражается в «образности отдельных слов». Сегодняшние лингвисты свидетельствуют, что современный язык уже утерял эту образность.

Одно, два-три слова — сама по себе *поэзия*, — как бы хочет сказать нам Василиск Гнедов. Но воскресить потерянную образность отдельного слова, из нескольких слов, из *одной фразы* создать цельное, целое *поэтическое произведение?* — этого уже можно достигнуть лишь «словоновшеством», — лишь обращаясь к возможностям «самовито-

го слова», — и Гнедов, *кристаллизируя* видоизмененные таким образом слова, пользуясь также «инфантилизмами» и «примитивизмами», творит именно *поэтические произведения:* расщепляя в нашем восприятии сгустки этих слов, мы замечаем, что панорамы, мерещущиеся нам, действительно напоминают некие «пространства» неких поэм.

Рене Шар кристаллизовывал свои «поэмы-фразы» путем сопряжения «молний мысли» между словами. «Поэты-фразы» Гнедова, прежде всего, живописны, даже «реалистичны», — так веет от них природой, земным бытием, даже — бытом. Предлагаемые «15 поэм» представляются мне *уникальными* во всей истории русской поэзии. И — *неповторимыми.*

Стоит привести строки из предисловия того же Ивана Игнатьева к «15 поэмам».

«В последней поэме этой книги Василиск Гнедов Ничем говорит целое Что...

— *Смерть Искусству!..*

Тон Автора? Угроза? Нет. Ужас? Вряд ли. Возможно, — Радость? Да. При констатировании конца медлительного кризиса Радость творит Поэму. В Конце Ничто, но *сей* конец есть предначалие Начала Радости, как Радость Созидателя...»

Из «Литературной Энциклопедии», из примечаний к сборникам В. Хлебникова узнаем, что Василиск (Василий Иванович) Гнедов был участником ноябрьских боев 1917 года в Москве, в 1925 году вступил в партию большевиков. В 1913 году, кроме «Смерти искусству», издал книжку «Гостинец сентиментам».

К этому следует добавить, что в 1937 году Гнедов был арестован как «член семьи врага народа» (его жена О. В. Пилацкая, видный деятель российского революционного движения, позднее член ЦИК СССР, была расстреляна в том же тридцать седьмом). Из лагеря на родную Украину Гнедов вернулся после войны.

Мне удалось видеть и слышать его в 1965 году в Государственном Музее В. В. Маяковского на вечере, посвященном 80-летию со дня рождения Велимира Хлебникова. Подробности об этом — для особого воспоминания... Но вот, — пишу об этом удивительном человеке через 23 года, и в ушах стоит его громовой голос: «Не вам прерывать меня смешками! Я перекрывал самого Маяковского, когда выступал вместе с ним!» Пишу, — и вижу перед собой коренастого, крепкого малороссиянина с каким-то «всесобирательным» крестьянским лицом.

ЛЕТАНА

И. В. Игнатьеву

Уверха́ю лёто на мура́вой,
Крыло уверхаю по зеленке.
Сторожую Лёто — дом горавый...
Дёрзо под рукой каленки...
Лёто — дом сторожкий, ча́сый —
Круговид — не сной глаз —
Пеленит пеленко газой,
Цветой соной Летка нас...
Уверхаю лёто! Крыло уверхаю!..

ПРИДОРО́ГАЯ ДУМЬ

Рапсода

Ах! дуб — белый — белый —
Властник гигантый Верши
Куст передумки-свирели —
Звон залихваткой пляши...
Ли́стник в Голубку закрапан —
Небо в листник вполоснуто...
Эх! Дубы́-беляки, ржавленки-дубцы,
Кралкие ржавки свирели,
Дубкие вети-гудцы...
Ах! Дуб — белый — белый —
Куст придоро́гой свирели...

СМЕРТЬ ИСКУССТВУ
пятнадцать (15) поэм

Поэма 1. СТОНГА
Полынчается — Пепелье Душу.

Поэма 2. КОЗЛО
Бубчиги Козлевая — Сиреня. Скрымь Солнца.

Поэма 3. СВИРЕЛЬГА
Разломчено — Просторечевье... Мхи-Звукопас.

Поэма 4. КОБЕЛЬ ГОРЬ
Затумло-Свирельжит. Распростите.

Поэма 5. БЕЗВЕСТЯ
Пойму — поиму — возьмите Душу.

Поэма 6. РОБКОТ
Сом! — а — ви — ка. Сомка! — а — виль — до.

Поэма 7. СМОЛЬГА
Кудрени — Вышлая Мораль.

Поэма 8. ГРОХЛИТ
Серeброй Нить — Коромысля. Брови.

Поэма 9. БУБАЯ ГОРЯ
Буба. Буба. Буба.

Поэма 10. ВОТ
Убезкраю.

Поэма 11. ПОЮЙ
У —

Поэма 12. ВЧЕРАЕТ
Моему Братцу 8 лет. — Петруша.

Поэма 13.
Издеват.

Поэма 14.
Ю.

Поэма Конца (15).

1913

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

Предлагаем участникам игры вопросы второго задания I тура

1. С. И. АЛТУХОВА из Александровска Ворошиловградской области:

...что один из видов искусства Лев Толстой называл «стенографией чувств», Кант считал его низшим, а Лейбниц писал о нем, как о радости бессознательных вычислений. О каком виде искусства идет речь?

2. А. К. БОТВИНИК из Ростова-на-Дону:

...что известный ученый-натуралист так рассказывал о знаменитом русском художнике, спасшем примерзшую к окну бабочку: «Из собственных волос смастерил он каркас крыла, а между волосами вклеил вырезанные из бумаги заплатки, которые мастерски раскрасил, скопировав рисунок с другого крыла. И вот бабочка вновь полетела». Кто автор этих строк и о ком идет речь?

3. Г. М. КОЛОСОВСКАЯ из Нижнего Тагила:

...что он был живописцем, памфлетистом, архитектором, исследователем неведомых стран, моряком, коком, писателем, государственным деятелем. Свою автобиографическую книгу он назвал первыми словами британского гимна. Как называется эта книга и кто ее автор?

4. И. В. БЛИНОВА из поселка «Памяти Парижской коммуны» Горьковской области:

...что в 1870 г. один из английских журналов обратился к детям своей страны с просьбой присылать деньги на памятник великому писателю, создавшему около трехсот произведений, но оставшемуся в памяти миллионов читателей автором одной книги. Какой?

5. Н. П. КОВТУН из Амурска Хабаровской области:

...что о первом русском фельдмаршале царь отозвался так: «Мы можем, наконец, бить шведов! Появился и полководец, научившийся их побеждать». Кто этот человек, заслуживший столь высокую царскую похвалу?

6. Н. Л. ЮДИНА из Москвы:

...что композитор, художник и антрепренер стали авторами либретто известного балета, герой которого «вечный и несчастный герой всех ярмарок и всех стран». Как называется этот русский балет и кто его авторы?

7. Вопрос к авторам вопросов задает постоянный и активный участник викторины Антонина Кузьминична **БОТВИНИК из Ростова-на-Дону:**

...что в 1915 году они дрались на дуэли, после которой обиженный студент и кавалергард-обидчик стали друзьями на всю жизнь. Свои первые книги они посвятили друг другу. Назовите имена одного из них (писателя, историка, литературоведа) и другого (ученого-онколога). Как назывались их первые работы.

Ответы на вопросы IV тура 1988 года

ОКТЯБРЬ

1. М. Горький, «Жизнь Клима Самгина». Источник: альманах «Киносценарии», № 1. — М.: Госкино, 1988.

2. Н. Федоров. Источник: Я. Голованов. Дорога на космодром. — М.: Детская литература, 1982.

3. П. Федотов, «Разборчивая невеста». Источник: А. Прибытков. Любимые русские художники. — М.: Академия художеств СССР, 1963.

4. Иппокрена. Источник: Р. Белоусов. Тайна Иппокрены. — М.: Советская Россия, 1978.

5. С. Степняк-Кравчинский, «Подпольная Россия». Источник: Е. Таратута. История двух книг. — М.: Художественная литература, 1987.

6. И. Айвазовский. Источник: О. Левашов. М. И. Глинка. — М.: Музыка, 1987.

7. Л. Андреев. Источник: К. Чуковский. Современники. — М.: Молодая гвардия, 1967.

НОЯБРЬ

1. Ф. Богданович, «Душенька». Источник: Памятные книжные даты. — М.: Книга, 1983.

2. Роман Э. Войнич «Овод» посвящен Сократу. Источник: Е. Таратута. Овод. — М.: Художественная литература, 1970.

3. Автор и исполнитель В. Маяковский. Источник: Ал. Михайлов. Маяковский. — М.: Молодая гвардия, 1988.

4. Сен-Санс. Источник: В мире прекрасного. — М.: Искусство, 1985.

5. Н. Рерих. Источник: Е. Полякова. Николай Рерих. — М.: Искусство, 1985.

6. К. Варламов. Источник: С. Кара. Варламов. — Л.: Искусство, 1969.

7. А. Чехов. «Каштанка».

ДЕКАБРЬ

1. Так называли Древнюю Русь ее воинственные северные соседи-варяги. Источник: М. Лукашев. Слава былых чемпионов. — М.: Физкультура и спорт, 1976.

2. М. Ломоносов. Источник: М. В. Ломоносов. Поэтическая Россия. — М.: Советская Россия, 1984.

3. П. Ершов, «Конек-Горбунок». Источник: Памятные книжные даты. — М.: Книга, 1984.

4. Самолетами тогда называли особые самоходные паромы, двигавшиеся силой речной струи. Источник: Л. Успенский. Слово о словах. — Л.: Детская литература, 1982.

5. Ф. Матюшкин. Источник: Друзья Пушкина. — М.: Правда, 1984.

6. К. Чуковский. Источник: Памятные книжные даты. — М.: Книга, 1982.

7. М. Горький, «На дне». Источник: сб. «Узники Петропавловской крепости». — Лениздат, 1969.

George Harrison

СЕВЕРНЫЙ
СВИНГ

Алексей **БАТАШЕВ**
Сергей **ГОЛУБКОВ**
(фото)

Когда в быстро сгустившихся осенних дождливых сумерках подъезжаешь к похожему на ледокол Дворцу моряков, взбегаешь по лестнице в зал и оказываешься в скрещении золотых огней, под переливающимися по потолку и стенам цветовыми пятнами, слышишь непредсказуемую музыку группы «Архангельск», рождающуюся в дерзком и свободном полете фантазии, видишь лидера группы Владимира Резицкого, почему-то с ведром на голове, увлекающего за собой в проходы между креслами и обратно на сцену целую кучу малу ряженых детей с рас-

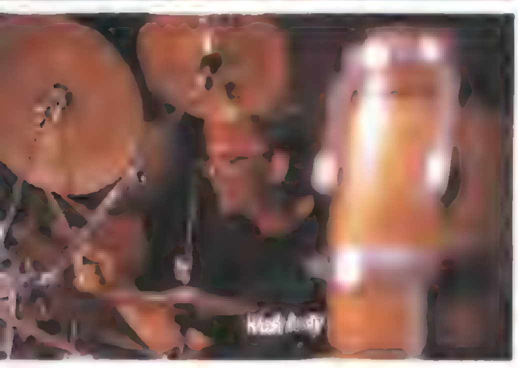
Обычный теплоход, убежище туристов и профсоюзных экскурсантов.
***Но раз в году он превращается* в сказочный театр джаза.**

Джаз надо видеть. Чтобы его понять, надо вслушаться и всмотреться... Вот Игорь Широков. На фестивалях выступает он редко, хотя уже ***лет двадцать его считают одним из лучших*** **советских джазовых трубачей...**

Понимать джаз —
значит слышать его,
значит уметь
аккомпанировать.
Александра Фишера сопровождает
Иварс Галениекс.

Вокальная конференция — Иварс
Балодис (Рига), Александр Гебель
(Кривой Рог), Константин Седовин
(Архангельск).

«Уок Эуэй»
значит «Обгоняй».
Лидер этого
польского ансамбля —
барабанщик
Кшиштоф Завадский.

Тбилисца Тамаза Курашвили
называют лучшим
советским джазовым басистом.
Но в Архангельске
он был еще
и самым южным гостем.

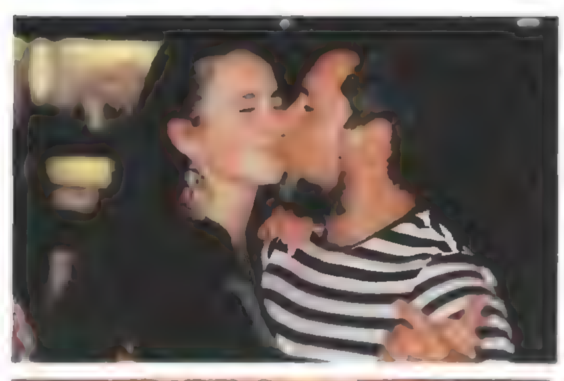

**Джаз — это голос свободы,
Блюз — это песня сердца,
Джаз — это сцепление душ,
Это красота и хрупкость мгновенья.**

крашенными лицами и горящими глазами, — тогда только и понимаешь, что ты на очередном архангельском джаз-фестивале с его уникальной карнавальной атмосферой.

Дети, — и к ним обратился праздничный Архангельск, дав специальный детский джазовый утренник, пригласив знаменитый криворожский детский биг-бэнд под руководством кудесника новой педагогики Александра Гебеля, оркестр, невероятным образом звучащий получше иного взрослого.

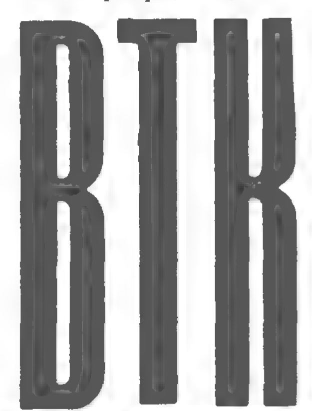
Об архангельском фестивале уже давно идет добрая слава среди профессионалов жанра. Гостеприимный джаз-клуб с неизменным поморским чайком из самовара разборчиво договаривается с лучшими. Откликнулись звезды советского джаза, герои международных джаз-фестивалей, победители опросов джазовых критиков. Саксофонисты Николай Панов и Витас Лабутис, трубачи Александр Фишер и Игорь Широков, пианисты Михаил Окунь и Даниил Крамер, контрабасисты Тамаз Курашвили и Иварс Галениекс, — какой спектр стилей, какое разнообразие манер и характеров. Архангельский фестиваль сделал первый шаг к тому, чтобы стать международным. Впервые в нем приняли участие две польских группы — самый популярный на сегодняшний день ансамбль «Уок Эуэй» и любительский коллектив «Ситизен Блюз». Теперь Архангельск прочно прописался на джазо-

вой карте мира. Сразу после фестиваля «Уок Эуэй» улетел на джаз-фестиваль в Джакарту, а «Архангельск» укатил в Варшаву, на легендарный фестиваль «Джаз Джембори», играть вместе с Майлсом Дэйвисом.

Вообще-то говоря, архангельский праздник состоялся в нескольких местах, не только во Дворце моряков. Был он и в Северодвинске, где после ряда джаз-фестивалей публика почувствовала, наконец, что в джа-

БОЛЬ И ТРЕВОГА

Ю. ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ,
С. ГОЛУБКОВ (фото)

Перед нами с высоко поднятой головой стоял Павел Корчагин. Одна нога выставлена вперед, руки назад. Взгляд холодный, презрительный. Так и надо стоять перед врагами. Как учили. Да и фамилия знаменитая. Наверное, отец не долго думал — сразу решил при рождении сына: будет Павкой, Павка это человек...

— Здравствуйте, — равнодушно говорит нам Корчагин, который очутился здесь, в дисциплинарном изоляторе, за то, что без особой причины раскроил болванкой лицо товарищу по колонии. Ведь исполнилось Корчагину восемнадцать, и положено переводить его во взрослую, где без «авторитета» хана. А если прибудет туда известным драчуном, может, и не станет «мастью помойной», тем, кого «опускают» — когда вздумается, суют головой в парашу...

— Разве плохо здесь к тебе относились? — спрашивает Корчагина заместитель начальника валуйской ВТК по политико-воспитательной работе О. А. Каджая. — Вот видишь, хорошо. А ты товарища изуродовал. Расскажешь во взрослой, как у нас жил?

— Расскажу, — зло цедит сквозь зубы Корчагин, уверенный в том, что нет, не дают ему жить и уже никогда не дадут...

Один за одним лязгают замки. Позади первый забор, второй, и мы снова идем по обширной территории, над которой неуместно возвышается монументальный полуразрушенный собор. А мимо нас бегут, идут, плетутся строем и в одиночку — на работу, в столовую, в классы СПТУ и средней школы — наголо остриженные, лопоухие колонисты. Направляются в цех собирать водяные насосы, токарничать, сидеть на уроке химии. Идет постоянный людской круговорот на этом маленьком островке горестей, отчаянья, лукавой смиренности и ватажного буйства наказанных обществом подростков.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, — они беспрерывно здороваются. С начальниками, воспитателями, учителями. И когда, тяжело бухая башмаками, бегут по лестницам. И когда входишь в цех, где все сразу вскидывают на нового человека взгляд исподлобья, — какую весть принес, может об *удо* — условно-досрочном освобождении? И когда входишь в класс, где даже некоторые старшеклассники, шевеля губами, водят по строкам учебника пальцем...

— Знания у большинства очень слабые, — говорит директор школы колонии А. П. Кулагин. — Иные, поступая к нам с восьмилетним образованием, не знают как называется столица страны, в какой области живут, даже таблицу умножения. Половина из них не пригодна для обучения в нормальных классах. Есть такие, которые вообще никогда не учились, бродяжничали, не спали на простынях. Многие ребята с расшатанной нервной системой, безразличные даже к собственной судьбе. Говорят, что книга хороший лекарь, однако предложить им хорошую книгу удается редко — хороших книг мы почти не получаем.

Как и А. П. Кулагин, большинство читателей различает только два «вида» литературы — хорошую и плохую. Если бы имелась возможность провести всенародный опрос — собрать и обработать мнения читателей о всех вышедших за один год книгах, то скорее всего ЭВМ, подсчитывая анкеты с оценкой «плохая», просто перегрелась бы от напряжения. А другая ЭВМ, учитывающая анкеты с оценкой «хорошо», работала бы нормально. Возможно, когда-нибудь такой подсчет и произведут в нашем книгоиздательском ведомстве, а пока приходится наблюдать, как постепенно подзабылся лозунг «Книга — великая сила». Не потому ли, что, не ставя под сомнение это утверждение, все ча-

Компот им здесь не положен, они оставлены без сладкого...

ще хочется недоуменно воскликнуть: «А где же та самая, нужная мне книга?» И как-то не поднимается рука обличать тех, кто отвечает за снабжение литературой воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних правонарушителей. Ибо хорошо известно о запущенном состоянии большинства обычных школьных библиотек...

Но ведь двенадцать тысяч экземпляров собрано в фондах валуйской ВТК. Как будто немало. Но их почти не читают. Потому что в большинстве это издания 60—70 годов. О приставкинской повести «Ночевала тучка золотая» здесь толком и не слыхали. Популярная правовая литература — многолетней давности. «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко — в одном экземпляре. А ребят, естественно, беспокоит, что будет с ними после колонии, примет или будет стараться отторгнуть их сегодняшняя жизнь. Какая она?

— Есть у нас такой Женя Туманов, — рассказывает психолог валуйской ВТК Л. А. Казанкова. — Трудный парень. Я его спрашиваю, читал ли он что-нибудь на свободе. Нет, говорит. Принесла ему из дому «Записки серого волка» А. Леви. Вернул и попросил: подберите еще что-нибудь такое. Говорю: почему только об этом мире? А интересно, объясняет, какая жизнь у меня может быть на воле...

За что же их этой воли лишают? У ребят самая «ходовая» статья — 117-я, изнасилование, затем идут хулиганство, разбой, грабеж. У девочек больше кражи. Когда в колонии знакомятся с новичками, один из первых вопросов: кто у тебя дома. И чаще всего нет отца, либо матери, а то и вообще сироты. Каждый второй учился в ПТУ. Проучится несколько месяцев и совершает преступление. Откуда же каждый первый? Из школы?

Существует такой показатель — лимит заполняемости колонии. Для совершеннолетних он равен 1200 человекам. Хорошо, что ныне «заполняемость» лимитирована. Как и то, что содержится ныне в таких ВТК подростков меньше лимита — 300—400. Но, как признал О. А. Каджая, главное у них это выполнение производственного плана, а вовсе не педагогика. План любыми средствами. И вот налицо эти «средства» — каждый второй, каждый первый...

У многих из ребят, попавших в ВТК, нет либо отца, либо матери, а то и вовсе родителей. Одна из воспитанниц колонии в Валуйках сочинила такие стихи:
И печальны, и летучи
Пусть примчатся к папе тучи
И прольют на папин дом
Слезы дочкины дождем.

Нелегкая досталась работенка.

Новооскольская Венера.

Павел Корчагин зарабатывает авторитет.

Многие годы культивировавшиеся в стране бездуховность, непротивление злу сделали из этих подростков жалких и дешевых роботов, сознание которых направлено к одной цели выжить. Какие уж тут могут быть мечтания о творческом труде и духовно богатой жизни. И все же воспитатели ВТК говорят о «международных достижениях» в своей области. В США и ФРГ режим, наказания в аналогичных колониях тяжелее, хотя вот спальни там на несколько человек. А с тем, кто буянит, обходятся просто — вживают в голову «специальный электрод», и получай тихонького. У нас с электродами наверняка туго, поэтому несколько лет назад и введена в воспитательно-трудовых колониях должность психолога, которые работают как позволяет им оснащение. Например, раздают анонимные анкеты и

Они наивно улыбаются в объектив. Просто пай-девочки.

Привычный, верный лозунг, но на месте ли!

Днем в спальнях образцовый порядок.

М. Я. Дементьева — методист методкабинета ВТК в Новом Осколе. Ей не смешно, когда разговор заходит о скудости библиотеки.

просят ребят написать — какого отношения к себе они бы хотели. Вот один из ответов.

«Я бы хотел, чтобы ребята не ругались, а дружили, но для этого нужно больше доброты друг к другу. У большинства из нас нет желания встречаться с воспитателями, так как на каждой линейке все только и слышат: наказание, наказание... Мы и так понимаем, что наказаны, что здесь колония, а не детсад. Но и нам нужно больше искренности и справедливости».

— Хотелось бы поговорить с каждым воспитанником, — говорит О. А. Каджая, — иметь для этого соответствующие тесты, но их нет. Например, в западных странах в изучении личности осужденного ушли гораздо дальше нас. Маленькая деталь — узнал об этом не в книгах, а еще в пединституте, от преподавателя психологии. И отсутствие нужной литературы не только моя беда, всей колонии. Разве могут нормально работать учителя без методических пособий по физике, химии, математике? Мы только слыхали о книгах педагогов-новаторов Ильина, Щетинина, Лысенковой. Зато лежит в нашей библиотеке трехтомник «Берлинская и Потсдамская конференция трех союзных держав», «История национального сопротивления в Греции» и, видимо, чрезвычайно здесь необходимая книга «Американские фермеры»...

Мы все настолько наслышаны о низком качестве продукции, что нет нужды обращаться к конкретным примерам. Но хорошо известно — и самые некачественные товары каким-то образом находят покупателей. Нет выбора у потребителя. В том числе и у читателя. Книжная торговля сплавляет серенькие, ненужные издания по многим адресам, в том числе и в ВТК. Наезжает туда с киосками, торгующими брошюрятиной, а потом вместе с издательствами приплюсовывает полученный таким путем дебет, составленный из колонистских копеек, к литературе, «имеющей спрос у покупателя». Конечно, колония есть колония, но она ведь не только трудовая, но и воспитательная. И когда ребята из ВТК скользят равнодушным взглядом по «выкладке» киоска или с ухмылкой вертят в руках неизвестно зачем засланную к ним книгу об американских фермерах, это воспитание со знаком минус.

А шефы? Их у ВТК немало. Но что они могут дать? Книги? У самих нет. И вообще еще вопрос, кто от кого ждет помощи. В валуйской ВТК основное производство — литейно-механический завод с миллионным планом. Чуть не самое большое предприятие в районе. И разве не удивительно, что эта колония является шефом обычной средней школы, которой надо подсобить крепкими колонистскими руками.

Разумеется, условия в каждой подростковой колонии разные и не всякая инструкция там учитывается. Но хорошо, когда все хорошо. А случись ЧП — комиссия тут же готовит приказик...

— Если девочка освобождается и ей не исполнилось шестнадцать лет, мы обязаны отвезти ее домой, — говорит начальник новооскольской ВТК А. А. Верестов. — Но мы везем и более старших, что инструкцией не предусмотрено. А как быть? Некоторые родители не хотят брать их обратно. Мы убеждаем: девочка переменилась, стала другая. Все равно не хотят принимать. Детская еще душа ожесточается, ее переполняет злоба на всех и вся и кто знает, куда это может снова завести. У нас каждая воспитанница ведет дневник самовоспитания. Почитайте...

С разрешения Ани Марничевой мы приведем несколько страничек из ее дневника, выбранного наугад. Пусть читатели сами решат, как может сложиться ее дальнейшая жизнь. И надо ли ей давать сопровождающего, когда придет время ехать домой?

«Я родилась 10 марта 1970 года. Ранее судима, была приговорена к 3 годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора. Соответствующих выводов не сделала. Второй раз осуждена на 4 года лишения свободы. Вступила в актив. Буду добиваться удо.

Вредные привычки: НБ (нецензурная брань). Мои недостатки: не хватает силы воли.

Писем опять нет, а так хочется получить хоть полстрочки от мамы.

Сегодня мне 18 лет. Не думала, что этот день придется отметить в этих стенах. Писем нет, и от этого плохое настроение.

Сегодня плохой день. Уходит домой Анаре — моя лучшая здесь подруга. Нужно радоваться, все-таки она идет домой, но радости нет. Может быть, я эгоистка? Слезы сами льются. Что делать, как быть? Но надо жить и добиваться удо. Шьем нудную продукцию — наволочки. Норму выполняю.

Это уже моя вторая весна вне воли. В такие дни особенно обидно, что лучшие годы своей жизни я провожу здесь. Порой хочется биться головой о стену. Устала я от всего. Хочу домой к мамочке, бабушке, доченьке. Поторопись, время!

Сегодня моей Юленьке 1 год и 10 месяцев. Совсем большая. Боже, как я по ней соскучилась.

Погода на улице совсем летняя. А писем из дома все нет и нет. Мама, где ты? Твоей дочке плохо.

НБ было 5 раз. Была очень злая. Злая потому, что получила от свекрови письмо. А там столько грязи вылито в мой адрес, что просто жить не хочется. Ну почему она не пускает ко мне Олега? Почему не верит в то, что я исправляюсь? Если мне не верят, зачем выходить на свободу? Я не хочу, чтобы Олег от меня уходил. Если он уйдет, я умру.

Написала свекрови ответ в 12 листов. Боже, как я их всех ненавижу.

Уже давно я написала маме: «Мама, твоей дочке плохо, приезжай». Но она не пишет и не приезжала. Значит она меня не любит? Но я ее все равно люблю.

Написала маме последнее письмо. Если она мне не ответит, писать больше не буду.

Получила от мамы письмо. Она пишет, что я ей больше не нужна. Вот и все. Вот и дожила. НБ — 1000 раз. Как же ты могла, мама?

Сегодня вторая годовщина моей свадьбы.

Читаю Л. Н. Толстого. Раньше не нравилось, теперь нравится.

Страшит, что бабушка меня не дождется. Мама говорит, что она стала очень плохая, совсем не видит, почти все время лежит. А раньше ведь с утра и до позднего вечера в огороде. Не могу представить ее лежащей. Если она умрет, то во мне тоже что-то умрет. Она мне дороже всех.

Читаю «Дело Артамоновых» М. Горького. Очень интересная книга, а раньше я на нее не обращала внимания.

Мама не пишет, муж тоже не пишет. Ну и не надо.

Вот и осень наступила бесконечная.
И с дождем и с листопадом,
Будто вечная

На хозяйственной комиссии подняла вопрос о том, что из-за Лукиной та часть девчонок, которая сидит в конце стола, остается каждый день голодной. Лукиной не понравилось. Я сказала, чтобы она почаще смотрела вокруг себя, а то дальше кастрюли с супом ничего не видит. Мы с ней поругались, поэтому НБ было много. Но я всегда ненавидела вот таких уродов и впредь буду говорить то, что думаю о них, в глаза. Надоело, что все вокруг построено на лжи. Все врут, даже себе.

Сегодня полтора года с того дня, как меня осудили. Идет дождь. Теперь я знаю точно — это погода плачет вместе со мной по маме, по бабушке, по Юльке, по Олегу, по всему, что осталось под запретом.

От мамы нет писем. Как так можно? Я не эгоистка, нет. Но они там вместе, а я здесь одна.

Так не хочу зиму, хотя может в этот холод я и освобожусь...»

На этом, собственно, можно и закончить наш репортаж из двух обычных сейчас колоний для несовершеннолетних правонарушителей. Мы намеревались говорить о библиотеках и книгах, но то, что предстало перед глазами и о чем здесь рассказано, то, что, к сожалению, не вошло на эти страницы, лишний раз убедило в правильности мысли: проповеди даже самых высоких идеалов не служат ничему, если не видеть положительного пути их достижения. Наверное, книги не главное, что нужно этим ребятам, оторванным от тепла родительских рук, от той сложной, но свободной жизни, которая разворачивается совсем рядом, за воротами. Но и книги тоже. Где те психологи и преподаватели, которые бы загорелись идеей, какая точно литература нужна этим девочкам и мальчикам? Где добросовестные, чуткие к чужому горю издатели, которые бы целенаправленно взялись бы за ее выпуск? Где, наконец, честные перед своей совестью работники книжной торговли, которые бы прониклись чувством сострадания и не стремились бы «делать план» на доверчивых ребячьих душах? Ведь эти ребята не только оторваны от нас. В еще большей степени мы оторваны от них. И всегда следует помнить: это могли быть и могут быть наши дети...

Начало в № 1.

GUINNESS

САМЫЙ, САМАЯ, САМОЕ...

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Происхождение

Подсчитано, что только 21% поверхности мировой суши пригоден для культивирования, но фактически культивируются лишь 7,6%. Свидетельства, представленные в 1971 году Нок Нок Тха и Спирит Кейв (Таиланд), подтверждают, что растениеводство и животноводство были частью Хоабинхианской культуры около 11 тысячелетий до н. э. Коз пасли на Маунт Кармел (Палестина) еще в 16 тысячелетии до н. э.

Коза была приручена в Эйзиабе (Иран) приблизительно к 8050 г. до н. э., а собака — в Стар Карр (Северный Йоркшир, Англия) к 7700 г. до н. э.; овец приручили около 7200 г. до н. э., свиней и крупный рогатый скот приблизительно в 7000 г. до н. э. в Аргисса-Магула (Фессалия, Греция). Лошадь была приручена в Дерейвке (на территории нынешней Украины) около 4350 г. до н. э.

Фермы

САМЫЕ ПЕРВЫЕ

Самая древняя сельскохозяйственная стоянка в Британии относится к эпохе неолита (4210—3990 г. до н. э.). Обнаружена она на территории стоянки железного века, огороженной земляным валом в Хембери (Девон) при раскопках в 1934—1935 гг. Анализ пыли на двух стоянках в Оакхэнгер, Гемпшир и Унифрит Хит, Дорсет (эпоха мезолита, около 5000 лет до н. э.) указывает, что человек этой эпохи, по всей вероятности, разводил оленей, которых в зимний период кормил плющом.

Самыми большими фермами в мире являются коллективные фермы — колхозы и совхозы в СССР. Отдельные хозяйства, по площади превышающие 25 тысяч га, — явление здесь не редкое. Ферма-пионер около Кампо Гранде (Мато Гроссо, Бразилия), принадлежащая Лаусидио Коелхо (род. 1901), к моменту смерти своего владельца в 1975 г. занимала площадь 8 700 кв. км и насчитывала 250 тысяч голов крупного рогатого скота.

ФЕРМЫ ПО РАЗВЕДЕНИЮ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА

Самой большой в мире фермой по разведению крупного рогатого скота является ферма «Анна Грик», принадлежащая семье Кидмана (Южная Австралия), площадью 30 113,5 кв. км, что составляет 23% территории Англии.

ОВЦЕВОДЧЕСКИЕ ФЕРМЫ

Самой большой в мире овцеводческой фермой является «Коммонуелт Хилл», расположенная на северо-западе Южной Австралии. На площади 10 567 кв. км (больше, чем площадь английских графств Норфолк и Суффолк) пасутся от 60 до 70 тысяч овец, примерно 700 голов крупного рогатого скота и 54 тысячи кенгуру. На ферме «Лохинвер Стейшн» (Новая Зеландия) площадью 12 140 га и принадлежащей сэру Уильяму Стивенсону поголовье овец на 1 января 1983 года составляло 117,5 тысяч. В 1986 г. 27 всадников перегнали отару, насчитывающую 43 тысячи овец, на 64 км от Баркальдайна до Беконсфильд Стейшн (Квисленд). Книга рекордов не знает другого подобного случая.

[illegible]

[illegible] в мире [illegible] планта[illegible] выращивают полудикий [illegible] принадлежит [illegible] «[illegible] Инк» [illegible] Миннесота, США. Ее [illegible] га.

[illegible] ФЕРМЫ

Самая [illegible] ферма принадлежит [illegible] Мэтьюсу; [illegible] ее [illegible] в [illegible]гем ([illegible]). На [illegible] 2 600 [illegible] ловек [illegible] индю[illegible]

ФЕРМЫ [illegible] ВЫРАЩ[illegible] ЦЫПЛЯТ

Самой большой [illegible] ся «Кротон Эгг[illegible]» [illegible] где 4,8 млн. кур [illegible] ло 3,7 млн. яиц.

СВИНАРНИКИ

Самым большим в мире является [illegible]емский свинарник в Югославии; [illegible] через него проходят 300 тысяч [illegible]

КОРОВНИКИ

Самый длинный коровник в Британии принадлежит Йоркширскому сельскохозяйственному центру в Харрогите. Коровник имеет 139 м в длину и вмещает 686 коров. Национальный сельскохозяйственный центр в Кенилуорте (Уорикшир), строительство которого было завершено в 1967 г., вмещает 782 коровы.

СТРИЖКА ОВЕЦ

Самое большое число овец за один рабочий день — 804 ягненка за 9 часов — постриг с помощью машинки Джон Фаган (Новая Зеландия) 8 декабря 1980 г. 13 февраля 1976 г. Питер Кассерли из Крайстчерча (также Новая Зеландия) установил рекорд стрижки с помощью лезвия — 353 ягненка за 9 часов. 11 февраля 1982 г. в марафоне по стрижке, проходившем в Стюарте Траст (Новая Зеландия), четыре человека с помощью машинки постригли 2 519 овец за 29 часов.

ВЫЖИВАЕМОСТЬ ОВЦЫ

Максимально продолжительное выживание овцы — 50 дней — было зарегистрировано 24 марта 1978 г., когда англичанин Алекс Маклиннен раскопал 15 мертвых и одну живую овцу, засыпанных снегом во время сильного январского бурана.

ГРИБНАЯ ФЕРМА

Самая большая в мире грибная ферма — «Мунлайт Машрум Инк» — была основана в 1937 г. в выработанной известняковой шахте вблизи от Уэст Уинфилд (Пенсильвания, США). В подземных галереях протяженностью 177 км работает 900 человек и ежегодно выращивается более 21 770 тонн грибов. Остается непревзойденным годовое потребление грибов французами — 3,17 кг на душу населения.

ПШЕНИЧНОЕ ПОЛЕ

Самое большое поле, засеянное пшеницей, занимало площадь 14 160 га и было засеяно в 1951 г. к юго-западу от Летбриджа, (Канада).

ВИНОГРАДНИКИ

Самые большие в мире виноградники, площадью 840 тысяч га, протянулись по средиземноморскому склону между Роной и Пиренеями в департаментах Эро, Гар, Од и Пирене-Ориенталь (Франция).

[illegible]АНТАЦИИ ХМЕЛЯ

[illegible] большая плантация, [illegible] 353,9 га, расположе[illegible] штат Вашингтон. [illegible] компании «Дион [illegible]» [illegible] крупной хмел[illegible] [illegible]а, имеющей [illegible] 1 497,4 га, [illegible] Вашингтоне.

[illegible]

[illegible] США [illegible] 3 участка, к[illegible] 2[illegible],45 [illegible]

Урожаи

ПШЕНИЦА

Урожаи, собранные с тщательно обрабатываемых малых площадей, не имеют большого значения. И тем не менее любопытно, что Гордон Ренни из Клифтон Мейнз (Англия) собрал с поля площадью 17,49 га урожай 13,99 т с га.

ЯЧМЕНЬ

11,762 т с га — такая урожайность озимого ячменя была достигнута в августе 1984 г. на семейной ферме Брюстеров (Киркньютон, Мидлотиан, США) на поле площадью 8,29 га.

КАРТОФЕЛЬ

30 сентября 1950 г. Уолтер Сироис (род. в 1917 г.) из Карибу (штат Мэн, США) собрал 28 т картофеля. Это самое большое количество, собранное за 9,5 часов.

КУКУРУЗА

Максимальная урожайность для кукурузы сорта Де-Кальб ЭксЛ-54, составляющая 9 т с акра, была достигнута Роем Линном младшим около Каламазу (Мичиган, США) 30 сентября 1977 г.

САХАРНАЯ СВЕКЛА

Самая высокая урожайность сахарной свеклы (139,9 т с га) была зарегистрирована Энди Кристенсеном и Йоном Джаннини в Сэлинем Вэлли (Калифорния, США).

С ПОЛЯ НА СТОЛ

Минимальное время — 40 мин. 44 сек. — было затрачено на изготовление хлеба в пекарне О. С. Норта в Хейдоне (Хартфордшир, Англия) 10 сентября 1983 г.

За 29 мин. 37 сек. 18 апреля 1986 г. в Фриплоу Фарм, Кэмбс (Англия) были изготовлены две буханки хлеба (одна — из просе[illegible] из [illegible]ной муки [illegible] и 115 [illegible] молока[illegible]

Пахота

[illegible] в [illegible] пахари [illegible] особенно [illegible] Великобритании [illegible] чемпионатах. [illegible] удо[illegible] 1954, 1955 [illegible] Северной [illegible]

[illegible]мени, 11 мин. 21[illegible] 0,404 га (минимум [illegible] поворота, глубина [illegible] см) затратил Роберт Ди на [illegible] «Фиат 180-90ДТ» [illegible] г. Фрэнк Эллинсон из [illegible] ([illegible]ный Йоркшир) пахал [illegible] 50 секунд с 14 по 24 ноября 1981 г.

Стог

С 22 июля по 3 сентября 1982 г. Ник и Том Парсонс с группой из 8 человек сложили стог из 40 400 снопов соломы на ферме Куку-пен Бан Фарм (Глостершир, Англия). Размеры стога 45,7×9,1×18,2 м, весил он около 711 тонн. За 7 дней (с 22 по 29 июля) было увязано, перевезено и уложено в стог 24 200 снопов.

Домашний скот

Полагают, что некоторые исключительно высокие аукционные цены на домашний скот являются результатом сговора покупателя и продавца с целью увеличения цен на данную породу. Другая часть завышенных цен является проявлением маркетинга и рекламы и плохо соотносится с реальными рыночными ценами.

САМЫЕ ДОРОГИЕ

БЫКИ

За самую высокую цену — 2,5 млн долларов 9 сентября 1974 г. Д. К. Басало из Берлингейма, Калифорния, продал быка по кличке «Гордость Джо» канадской кампании «Бифало Кэттл», Калгари.

ОВЦЫ

Самым дорогим стал баран мериносной породы из Коллинсвилл Стад, Южная Австралия, проданный 10 сентября 1981 г. на Роял Шоу в Аделаиде компании «Гноуангерап Энимал Бидинг Сентр», Западная Австралия за 79 тысяч австралийских долларов.

СВИНЬИ

Самым [illegible] боров-гибрид [illegible] принадлежа[illegible] из [illegible] И[illegible] Олсоном и [illegible] 19[illegible] 5[illegible]

ЛОШАДИ

[illegible] ст[illegible] тяже[illegible] («Фарсе[illegible] 47 тысяч [illegible] Фоллс», [illegible] 1917 г. [illegible] ского го[illegible] Бэри» был [illegible] телю в Уэльсе [illegible] гов.

САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ

БЫКИ

Как самый тяжелый был зарегистрирован гибрид голштинской и шортгорнской пород по кличке «Гора Катахдин» («Маунт Катахдин»), вес которого при неоднократном взвешивании оказывался равным 2 267 кг. Этого быка с 1906 по 1910 гг. выставляло Сельскохозяйственное общество «Ренд» (Мэн, США). Бык имел высоту в холке 1,88 м и обхват туловища 3,96 м. Он погиб при пожаре коровника в 1923 г.

СВИНЬИ

Самым тяжелым был зарегистрирован боров польско-китайской породы по кличке «Большой Билл» («Биг Билл»): 1157,5 кг, длина туловища 2,75 м. Этот боров, живот которого волочился по земле, принадлежал Бэрфорду Батлеру из Джексона (Теннесси, США). Он был усыплен хлороформом в 1933 г., препарирован и выставлен в «Уикли Каунти», Теннесси, где находился до 1946 г.

ОВЦЫ

Максимальный вес новорожденного ягненка 17,2 кг был зарегистрирован в 1975 г. в Клиеруотер, Седжуик Каунти, Канзас (США), но ягненок и его мать погибли.

ПЛОДОВИТОСТЬ

Крупный рогатый скот

25 апреля 1964 г. поступило сообщение, что в Могилеве (СССР) корова по кличке «Любик» родила 7 телят. Рекордная плодовитость — 39 телят, рожденных от одной коровы, — зарегистрирована у коровы дремонской породы по кличке «Большая Берта» («Биг Берта»), принадлежащей Джерому О'Лири из Блэкуотерсбриджа, графство Керри (Ирландия).

Бык черно-пестрой датской породы по кличке «Соендер Джиллендз Дженс» оставил после себя 220 тысяч единиц выжившего приплода, произведенного с [illegible]мощью искусственного осеме[illegible]ния. [illegible] был забит в сентябре 1978 г. в [illegible] в возрасте 11 лет. Бык ф[illegible]зской [illegible] по кличке «Бендолл[illegible]» умер в возрасте 14 лет в Кл[illegible] [illegible] Дублин, Ирландия. [illegible]ственного осеменения [illegible] 112 тысяч телят.

[illegible]

[illegible] Максимальное число п[illegible] зарегистр[illegible] [illegible]

ОВЦЫ

Случ[illegible] 8 ягнят за оди[illegible] были [illegible]фиксированы [illegible] Джонсом в Прай[illegible] Фарм, Гвент, в июне 1956 г. и Кен[illegible] Гоузом из Бактона, расположенного около Бридлингтона (Англия) в марте 1981 г.; все ягнята погибли. Овца, принадлежавшая Роджеру Саундерсу, родила 4 живых барашков и 4 живых овечек 19 июня 1984 г. в Стратдоуни, Виктория (Австралия). Случай, когда овца прожила 26 лет, зафиксирован в племенной книге рекордов Х. Пуле, Вексфорд (Ирландия).

КЛАДКА ЯИЦ

Максимальные темпы кладки яиц были зарегистрированы в сельскохозяйственном колледже Университета штата Миссури (США) во время эксперимента, проведенного профессором Гарольдом В. Биллиером до 29 августа 1979 г. Курица породы белый леггорн снесла 371 яйцо за 364 дня.

Самое тяжелое яйцо весом 454 г с двойным желтком и двойной скорлупой снесла 25 февраля 1956 г. курица породы белый леггорн в Вайнленде, Нью-Джерси (США). Самое большое яйцо, с пятью желтками, весом около 12 унций и имеющее в объеме 31 см по продольной оси и 22,8 см по поперечной, снесла курица породы черная минорка в 1986 г. на Дамстедс Фарм, принадлежащей Стаффорду в Меллоре, Ланс (Англия).

НАИБОЛЬШЕЕ ЧИСЛО ЖЕЛТКОВ

Максимальное число желтков в одном курином яйце равно девяти — о таком случае в июле 1971 г. сообщила Диана Хейнсуорт с Хейнсуорт Полтери Фарм, Маунт Моррис (Нью-Йорк); второй случай был зафиксирован в Киргизии, в августе 1977 г.

ГУСИНЫЕ ЯЙЦА

Белая гусыня по кличке «Пятнышко», принадлежащая Донни Бранденбургу из Гошена, Огайо (США), 3 мая 1977 г., снесла яйцо весом 680 г и размером 34×24 см в окружности.

УТКИ

Утка [illegible] щая Ан[illegible] сес Рай[illegible] 457 яиц [illegible] ну[illegible] ни[illegible] 75 [illegible] 1986 г.

Надои молока

КОРОВЫ

Сам[illegible] молока [illegible] корова с [illegible] 289», при[illegible] «М. Г. Масиель и [illegible] Калифорния. [illegible] надой молока [illegible] корове по кличке [illegible] 1982 г. на Кубе.

Р[illegible]НАЯ ДОЙКА

[illegible] г. Энди Фауст в Коллинсвилле, [illegible]хома (США) надоил 14,5 тысячи литров за 12 часов.

КОЗЫ

Максимальный зарегистрированный надой молока для коз — 3499 кг за 365 дней — дала в 1977 г. коза по кличке Осори Снежный Гусь, принадлежащая Г. Джеймсон из Леппингтона, Новый Южный Уэльс (Австралия).

МОЛОЧНЫЙ ЖИР

Мировой рекорд — 7425 кг за 3979 дней — принадлежит корове американской гольштинской породы по кличке «Бризвуд Пэтси Бар Понтиак». Ее рекорд за одну лактацию (365 дней), зафиксированный 8 октября 1976 г., составил 1011 кг.

СЫРЫ

Самыми активными едоками сыра являются жители Франции: в 1983 г. среднее потребление на душу населения за год составило 19,8 кг. Самым крупным производителем сыра в мире являются США; в 1986 г. его фабричное производство составило 2,2 млн. тонн. В 1985 г. в Великобритании потреблялось 72 кг сыра на душу населения.

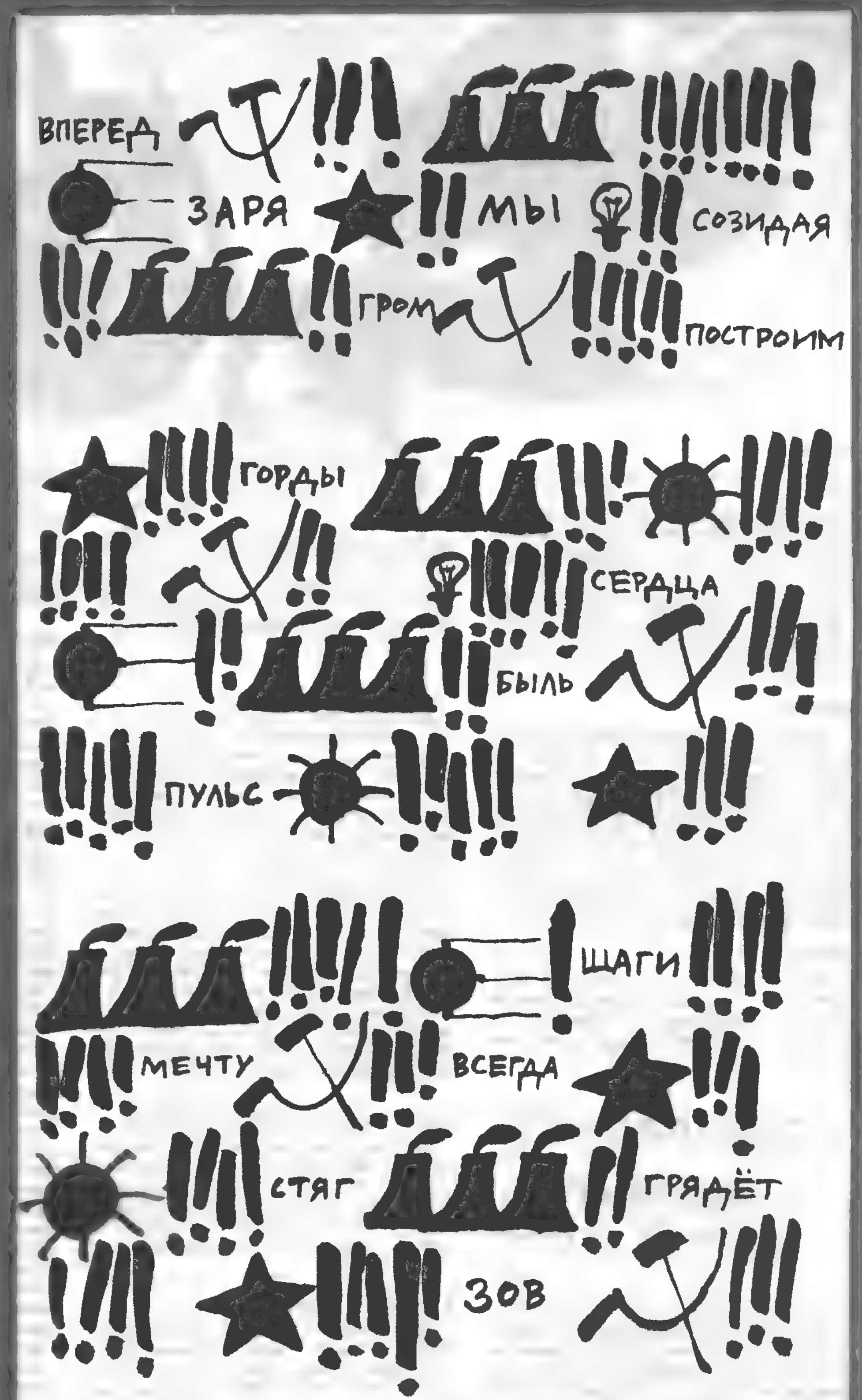
Самым древним и самым примитивным сортом сыра является арабский кишк, изготовленный из сухого свернувшегося козьего молока. На сегодняшний день существуют 450 наименований сыра 18 основных сортов, но большинство из них просто названы в честь различных городов и отличаются друг от друга только по форме или способу упаковки. Во Франции насчитывается 240 наименований сыра.

Самый дорогой сыр во Франции «Ле Леран», сделанный из овечьего молока, стоит 90 франков за 1 кг. Сыр, изготовленный по рецепту «Лидеркранц» в Ван Верте, Огайо (США), продается по цене 9 долларов за фунт. Самый дорогой сыр в Великобритании «Ланарк Блю» в некоторых магазинах продается по 5,5 фунта стерлингов за фунт.

О МИФОЛОГИЗИРОВАННОЙ ПОЭЗИИ

А. ЩУПЛОВ

ПЕГАС с восковыми крыльями

На мысль написать эти заметки натолкнула статья О. Лациса в «Известиях» — «*Сказки нашего времени*», в которой автор рассматривал мифологизированный характер наших представлений о социализме, да и вообще писал о людях мифологизированного сознания. Импульс, данный размышлениями одного из ведущих представителей нашей «докторальной публицистики», перескочив через несколько ступенек в проходном подъезде сознания литератора, съехал по перилам, отлакированным спорами о традициях и новаторстве — и оказался на весенней улице. «Все прочее — литература» — оказалось позади, в пресловутом подъезде. А на сквозняк весны с болтыхающимися в сумке стихотворными книжками — старыми и новыми — вопрос, поставленный О. Лацисом, оформился в подзаголовок данной статьи: «О мифологизированной поэзии».

Шесть сотен сборников, антологий, поэтических альманахов, «братских могил», перелопаченных мною, дали представление о характере нашей поэзии на протяжении последних пятнадцати лет.

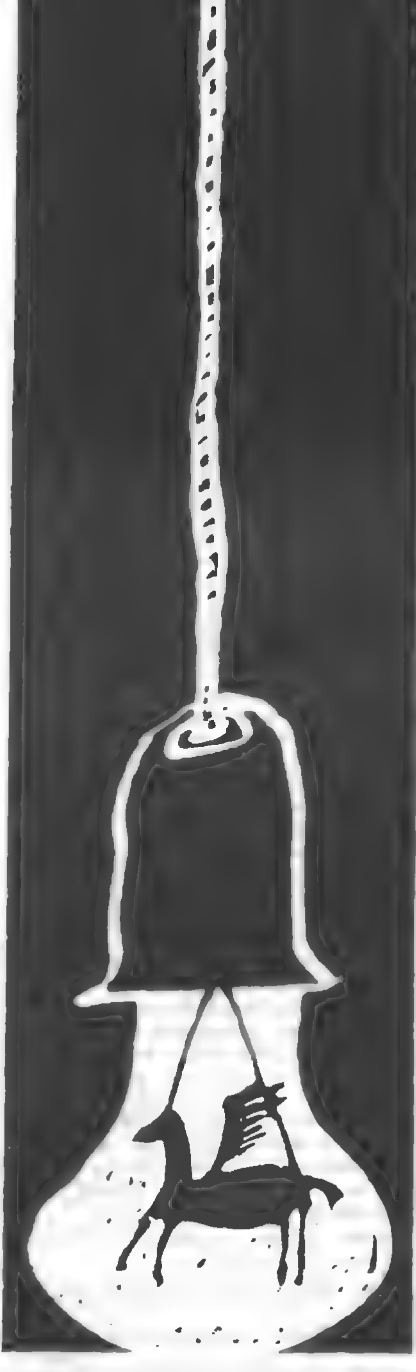
Где-то я прочитал, что каждый должен мыслить самостоятельно, чтобы не прозревать потом коллективно. С самостоятельным мышлением (я говорю о поэтическом мышлении) нам не удалось — и ниже мы это увидим. Наступило время коллективного прозрения. Произойдет ли оно? Необходимо выявить причины нашей прошлой слепоты. Во всем. И в поэзии особенно.

Меня могут упрекнуть в какой-то подобранности цитат, в делении поэтов на любимчиков и нелюбимчиков, могут вспомнить, что тон в поэзии последних лет задавали Е. Евтушенко и В. Соколов, А. Межиров и Д. Самойлов, М. Дудин и Г. Горбовский... — поэты, которым не откажешь в гражданской честности, смелости, прислушивании к пульсу времени, страны, народа. Оправдываюсь: основным параметром я попытался взять в данных заметках в а л, главный показатель прошлых лет. Именно он помог выявить тенденции и общие признаки создания мифологем в нашей поэзии.

Пусть в блеске славы и почета
он (уходящий год. — А. Щ.)
завершится на селе
и звонкой цифрою отчета,
и хлебом-солью на столе.

Думаю, автору строк С. Викулову не хуже любого в нашей стране известно, что «звонкая цифра отчета» в прошлые годы находилась в катастрофическом противоречии с образом «хлеба-соли на столе». Но легенда вырабатывала свои правила и законы существования. И мы продолжали играть, сообразуясь с этими правилами.

Трудно судить, искренне или нет и г р а л и в предложенную игру наши хорошие и разные поэты. С конъюнктурщиками легче. Но вот когда «праздничный, веселый, бесноватый с марсианской жаждою творить» лирический герой Н. Тихонова так выражал свое мироощущение в стихах «После XXIV съезда КПСС»:

Когда исполинские планы
В дела превращает народ,
Ясней, сквозь века туманы,
Мечты исполненье встает...
И сердце планеты мы слышим
В дыхании наших работ,
И мы уже будущим дышим,
Как воздухом лучших высот! —

возникали сомнения насчет благополучности — «в датском королевстве» (не побоюсь этого образа, поскольку по обилию д а т, праздновавшихся в стране, мы, видимо, в самом деле вышли на первое место в мире).

Не претендующие на исчерпываемость вопроса, оставляющие право за всеми на его оспариваемость, заметки эти — есть размышление по поводу... По поводу прочитанных н а к а н у н е (причем «накануне» длилось пятнадцать без малого лет!) и нынче стихотворных книжек. По поводу явного падения читательского интереса к стихам: вранье, коим мы занимались в последние годы, не сошло с рук. По поводу девальвации собственно поэтического дара, то есть вранья самим себе (слова Цицерона остались верными: «Они научились говорить перед другими, но не с самими собой...»). Поводов нашлось много. Читатель может продолжить их перечисление, как продолжает он выражать свое равнодушие к выходящим стихотворным книжкам.

Более ста лет назад Чаадаев писал: «...Я не умею любить свое отечество с закрытыми глазами, с поникшим челом, с зажатым ртом... я думаю, что время слепых привязанностей миновало, что нынче нашей родине мы прежде всего обязаны истиной».

Перелистывая книги и альманахи прошлых лет (границы я оговорил), как-то по-новому начинаешь вчитываться в прежде проходные строки:

Приятно пахнет чернобылью.
Татарник красные цветы,
Чуть припорошенные пылью,
Рассыпал близко от воды...

Эти стихи К. Смородина, напечатанные в 1981 году в молодежном альманахе «Молодой гвардии», при нынешней проекции на события последующих лет кажутся чуть ли не кощунственными.

Возьмем книжку С. Куняева пятнадцатилетней давности «В сентябре и в апреле...»:

Я шел по зорьке налегке
в предчувствии минут счастливых
и вдруг увидел вдалеке
трех лошадей золотогривых.
По брюхо в травах и цветах
они вдоль берега бродили
с цветочной пылью на губах
и снеговую воду пили...

Изящная картинка, не правда ли? И называется эта идиллия «Карабахская хроника».

Не слишком ли рано мы сдали в архив и ведение литературоведов формулы «Видеть то, что временем сокрыто...», «Сотри случайные черты»... «Поэзия — вся езда в незнаемое...» и другие, обозначающие такую способность поэзии, как предвидение, предчувствование — и «минут счастливых», как написал С. Куняев, и тех трагедий, которые в том же Карабахе произошли через 15 лет? Впрочем, авторы, может, ни в чем не виноваты. Вся поэзия нашего застоя занималась щебетаньем о «приятных запахах» и «безмятежном пении».

Мы приходили в состояние эйфории по любому поводу: «Души неописуемый восторг: экспресс «Россия» — курсом на восток» (А. Коваль-Волков). Наше стремление к омифологизированию быта и бытия, теории и практики, общественной, культурной, экономической жизни приводило к утрате чувства реальности. Видимо, как сейчас выясняют

историки (и будут продолжать выяснять, дай бог чтобы к ним присоединились и поэты!), этот процесс утрачивания чувства реальности начался в конце 20-х годов. Именно тогда началось сочинение сказок и мифов — в рифму и презренной прозой (если можно употребить пушкинское выражение применительно к отчетным докладам тех роковых лет). «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» — молвил классик. Наш обман в самом деле оказался дорогим: сперва он «возвысил» нас — в наших глазах! — до поднебесья. Затем восковые крылья растаяли от лучей разоблачительного светила. Остальное произошло по хорошо известному мифу об Икаре (хотя и из этого мифа мы предпочитали брать первую часть для стихотворных сюжетов: взлет; падение не вмещалось в рамки дозволенного кадра).

Наиболее ярко проявился мифологизированный характер нашего поэтического мышления (а мышление это — таковы уж свойства таланта даже в конъюнктурном русле развития — оставалось поэтическим — это несомненно! Хотя предчувствую возражение, например, из Плеханова: «Когда ложная идея кладется в основу художественного произведения, она вносит в него внутренние противоречия, от которых неизбежно страдает его эстетическое достоинство...» — о «страданиях эстетического достоинства» нашей поэзии и речь!) — так вот наиболее ярко этот характер нашего поэтического мышления проявился в стихах гражданского звучания. Сопротивляемость таланта трудно переоценить: «Что обрели взамен, мы, дети перемен глобальных и крутых, печальных и смешных» (С. Поликарпов), «Железными гвоздями в меня вбивали страх... И стал я набираться железных — этих — сил. И стал меня бояться тот, кто меня гвоздил...» (В. Леонович). Хотя растерянность (нередко выражавшая привычку к комфортабельной устроенности в литературе) в соединении с неосознанным ощущением необходимости перемен, приводили авторов и к такой позиции: «Что же, разрушай, мой непослушный, только лучше смастери взамен. А не сможешь и ломать не нужно! Нам таких не нужно перемен»! Автор этих строк А. Марков, претендующий своим творчеством на некие обобщения, писал в 1974 году то, о чем думали многие. Отсутствие позитивной программы, неверие в ее претворение (даже в случае выработки) заставляло литераторов обходиться «кусачими» намеками, «фигушками в карманах», превратившимися во время перестройки — в «стихи из стола». Поскребем лезвием «А не сможешь — и ломать не нужно...» — и обнаружим конформизм, привычку к спокойному существованию (и сосуществованию!) в литературе. Но даже и такая сопротивляемость, — с опущенными руками, выраженная полунамеком, спрятавшаяся за ширму метафоры, эпитета и потому напечатанная! — была бессильна перед потоком лирики «открытого гражданского звучания»:

И сколько ж, сколько нам еще
Считать, решать, искать повсюду,
Чтоб сердце билось горячо,
Чтоб вновь и вновь твориться чуду!

/Н. Грибачев/

Славлю дар взаимопонимания
Судоверфи и лаборатории,
Связь мечты и строгого задания,
Комсомола и седой истории.

/Е. Шевелева/

Красные звезды на башнях Кремля,
Ленинской мысли свет негасимый,
Дружба народов, что крепче кремня,
Гром обновления жизни — Россия.

/В. Полторацкий/

Это наши старейшины поэтического цеха. А вот эстафетную палочку из их рук подхватывает молодежь (прошу прощения за то, что порой буду цитировать в строку): «Помни, Родина одна. Все в ней наше, все — едино. Русь — березка у окна да на просеке рябина». (Н. Киреев). «Соси взахлеб земную грудь, моря творя и атом метя, но — осмотрительнее будь, чтобы без страха заглянуть в глаза своим подросшим детям» (А. Вороненко). «Мы тогда понимали, что вечное дали нам имя, и что поровну хлеб нам делить за вселенским столом, и что, как ни крути, все равно все сведется к России, так бывало уже в недалеком и давнем былом» (И. Жеглов). Да, как ни крути, «в недалеком и давнем былом» мы болели «шовинизмом» и шапкозакидательством, и так «сосали земную грудь», что потомки наши (коим мы пытаемся «без страха заглянуть в глаза») долго еще будут вспоминать нас недобрым словом, и «все сводили к России», к месту и не к месту жонглируя «интернационализмом», «дружбой народов», «великим старшим братом». Чем это обернулось — не нужно напоминать. События последних лет выявили всю сложность и нередко трагедийность — так вот, с ходу решаемых авторами вопросов, «чтоб вновь и вновь твориться чуду». Но такова заразительная магия слов, ставших заклинаниями, что по-прежнему голос срывается на «оптимизм»:

Условие успеха — шагать неутомимо
В колоннах Марша мира.
Идите вслед за нами! Любое примем знамя.
Любую примем песню. Мы сила — если вместе.
В ряды вставайте наши! Мы — мирный Марш! —

эти строки В. Володченко напечатаны в его книжке «Встречные лица» в ... 1988 году (кстати, неплохим тиражом — 15 тысяч). Сотворение мифа продолжается. Впрочем, это первая книга автора, занимавшего пост зам. главного редактора издательства «Молодая гвардия», где и вышла книга. Так что с нее взятки гладки.

* * *

Вопрос об ответственности поэта за написанное в последнее время нередко стал подниматься в печати. То процитируются стихи о Сталине из первой книжки Е. Евтушенко, то вспомнят «сталинские» строки Твардовскому и Исаковскому (хотя свойства таланта непредсказуемы; строки Исаковского: «Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе...» сейчас, по-моему, звучат сильнее некоторых, в спешке написанных «разоблачений» иных стихотворцев). Можно понять защитную реакцию тех, кто «уличает»: на языке вертится вопрос о гражданской и творческой ответственности за заклинательные песнопения «брежневского» периода. А вот это менее всего хотелось бы вспоминать представителям декларативного мышления периода застоя. Они хотели бы свалить вину на предшественников, либо однолеток, прикрыться именами авторов «Василия Теркина» и «Катюши», бросить камень в тех, для кого стремление «дойти до сути» не было очередной «разоблачительной кампанией», а являлось самим вопросом существования в жизни и поэзии. Правомочны слова вольного перевода Пастернака из Леонидзе, приведенные в одном из последних «Дней поэзии» Е. Евтушенко: «Не разлучайте песен с веком, который их сложил и пел». Но правомочен и вопрос: «Кто виноват?» — применительно к таким понятиям, как совесть художника, которую в период застоя никто не отменял; гражданский долг литератора, правда в литературе... Сколько искалеченных творческих судеб способных стихотворцев мы насчитываем! Кому предъявлять счет? Им самим, уловившим официально-задорный стиль, в котором растворился отрепетированный энтузиазм и выученный оптимизм? Или литературным вахтерам, следившим за тем, чтобы голова не высовывалась выше колеса? Метастазы псевдогражданской лирики ползли и ползут по нашей поэзии: «Пребудет счастье — думать и творить во славу всех грядущих поколений и о судьбе, что завещал нам Ленин, возвышенно и страстно говорить» (П. Александров). «И что б ни случилось — ведь Родина милая с нами, куда бы сомнения тяжкие нас ни вели, не станем, не станем куражиться вещими снами... Ни пяди своей не ославим (?) родимой земли» (Л. Федосова).

Не буду множить примеры подобных строк-заклинаний. Вроде бы с ними вопрос яснее простого: все слова стоят на месте, все слова верные, правильные. Но отчего не работают эти слова? Да потому что по художественной сути своей — это вранье! Зарифмованное вранье! Может быть, это даже не вина — беда наших авторов, поверивших именно в такую мифологизированную псевдогражданскую поэзию.

Ложный пафос, привычная барабанная дробь, доведенная до автоматизма, до бездумности — вот что объединяет вышепроцитированные строки, кроме, разумеется, полного отсутствия чувства реальности.

* * *

Мифологизированная поэзия была порождена мифологизированным отношением к действительности и в свою очередь служила ее мифологизации. Характерные для застойных лет само-

обобщение, внешнее, парадное, показушное благополучие, стремление к помпезности и неспособность к критическому самоанализу, атмосфера «бурных аплодисментов, переходящих в овации» требовали и литературной лакировки действительности...

Псевдопраздничная шумиха властно вторгалась в стихотворные книжки: «Поселок в полотнищах красных, и музыка всюду слышна. Сегодня на станции праздник — сегодня дорога сдана. Гудят общежитья-бараки, не стихнут они до утра. Над хмарью таежной во мраке гремит молодое «ура»! (А. Казанцев). «Легендою озарены, исчезли вдруг пределы зала: Буденному рукоплескала вся комсомолия страны» (А. Коваль-Волков). «Литавры курсантских парадов гремят между стершихся строк»... (Ю. Гречко). «Гремят фанфары золотом и сталью. Прибой разгоряченных голосов...» (В. Устинов). «Какие б ни подули ветры, какая б ни явилась смерть — вздохнут военные оркестры — Славянкою зальется медь» (М. Беляев). Словом, как писал Ю. Панкратов в сборнике, вышедшем в «Советской России» к очередному съезду партии:

Как нельзя без правнуков,
внуков и сынов —
жить нельзя без праздников,
их волшебных снов...

Сейчас, когда мы избавляемся от магии заклинательных слов наших дежурных шаманов на трибунах, когда поколеблены парадные мифы, упрощения, сказки, приписочные легенды и «звонкие цифры отчета», невозможно без иронии читать такие строки: «Люблю над Русью жаркий сенокос. Люблю его несложные приметы. Односельчане празднично одеты, идут в луга по царству жгучих рос, идут, поют ровесники мои...» и т. д. Пока пейзане В. Васичкина с благословения Приокского книжного издательства идут на свой красивый, пейзанский труд, герои С. Викулова в стихотворении «На покосах» занимаются своим ликованием: «А уж возле речки — той, что дразнит омутами, черной глубиной, — та работа им — и вовсе праздник!.. Только б дождь не грянул обложной».

Вместо обложного дождя грянул ливень орденов и медалей. Поэзия, верная своим отобразительным функциям, закрепила и эту ордено- и медалеполучательную кампанию в слове (не всегда, правда, поэтическом!): «Стоим на сцене гордые, герои известные вроде бы. И кажется, всем по ордену вручает сегодня Родина...» (Н. Киреев). «А горновой смахнул рукой с лица тугие капли пота, и на груди его крутой одна — зажглась, как «Знак Почета», другая — вспыхнула Звездой» (В. Князев). «Как широко текут колонны славные, как я горжусь, что вместе с их волной, что ежедневно с орденом на знамени, идет Тагил, надежный город мой!» (Л. Андреев).

«Орденоносные ай-лю-ли» зрели в стихотворных книжках развесистыми клюквами:

Милый Женечка! Я рада
на ушко тебе шепнуть,
что высокая награда
мне приколота на грудь!
Орден, Женя, «Знак Почета»
(может, слышал стороной?)
за ударную работу...
И притом не мне одной! —

это дивчина из стихов С. Викулова пишет своему хлопцу в армию. Оставлю за солдатами право судить, насколько этот «шептальный на ушко» сентиментальчик имеет место, так сказать, быть в армейском быту, и вообще в жизни.

Настоящие болезни созревали в глубине нашего общества — зримо для всех нас и незримо для нашей литературы:

Не успев дотянуть до получки,
По причине нехватки вина,
В суматохе базарной толкучки
Человек продает ордена... —

стихи М. Матусовского увидели свет весной 1988 года. Но в обозреваемом периоде нашей поэтической продукции до этой весны еще далеко.

Ордена и медали становились как бы напрочь *оторванной от реальных дел*, от жизни самоценностью, вырабатывающей свою логику поведения: «Там сегодня край передний, там и ордена...» — рассуждает герой из того же стихотворения С. Викулова. Между тем, мы по-прежнему с глубочайшим уважением и теплом относились к фронтовикам, распахивающим в День Победы свои плащи, чтобы были видны боевые ордена и медали, мы по-прежнему помнили, что из одного металла льют медаль за бой и за труд... Но социальная справедливость в оценке труда была нарушена. Вес Золотых Звезд на глазах обесценивался прямо пропорционально их количеству на груди.

Наше дело — работа.
Пусть она не у всех
до горячего пота —
был бы виден успех.
Лишь о ней по Отчизне
разнесется молва.
И весомее в жизни
станут наши слова, —

простодушный герой Н. Киреева выдал то, о чем думали и писали многие: был бы виден успех. Это стало определяющей формулой труда. Правда, успех на поверку оказывался бумаготворческим, приписочным. Но об этом было положено умалчивать в жизни. И значит — в поэзии.

* * *

Зато на фоне орденоносных успехов и парадной отчетности особенно пышным цветом расцвел еще один миф, не обойденный лучезарным вниманием поэзии, — миф о так называемом простом человеке. Том самом, который где-то там замечательно трудится, а при подведении итогов заполняет торжественные залы, чтобы бурно аплодировать орденоносцам в президиуме.

Каждение *«простым людям»* возрастало прямо пропорционально уменьшению получаемых ими материальных благ и степени социальной защищенности.

«Поспешным судом не осудят, случайных не вспомнят обид простые рабочие люди...» (В. Протасов). «Не боги Олимпа нас судят, — в горниле земной суеты — простые рабочие люди, чьи тяжче, чем наши, труды...» (А. Поперечный). Наши авторы буквально помешались на простом житье-бытье, щеголяя опрощением, коему позавидовал бы Пьер Безухов в минуты совестливости: «Здесь живут открыто, песенно и просто. Сеют в поле жито и скотину ростят» (А. Горбунов). «Здесь в тишине и неизвестности, заметней прелесть простоты» (И. Лысцов). «...Ясно, отчего так просто живется маленьким, слегка усталым людям, которые почти ничего не хотят» (М. Акчурин). Ну, насколько просто живется *«маленьким» людям*, мы знаем из книг Достоевского и Вампилова, Некрасова и Смелякова.

Альтернативное подразумевание всех, кто не мог похвастать «простым» происхождением, кто не мог сказать, как В. Хатюшин в «молодогвардейской» книжке: «Не потому, что я крестьянского сословья...» — обусловило свой расклад на актив и пассив. Символом «положительности» стала причастность героя к миру, где «живут открыто, песенно и просто». Смотрите, как просится-таки в цветной производственный телесериал стихотворение Т. Пономаревой «Бригада Козиной»:

И, засмущавшись, я шагну назад.
Услышу: «А у нас все по-простому!»
А Козина: «У нас коммуна, Тома.
Помочь тебе здесь каждый будет рад».
Войдет впервые в сердце доброта,
И в благодарность я с получки первой
Куплю вина и торт найду отменный,
Решив остаться в цехе навсегда...

Знаковая «причастность» к «простому» человеку кочевала из стихотворения в стихотворение, выполняя с лихвой свою «воскуряющую» функцию: «В цеху, на участке слесарном, прошли незабвенные дни. Совсем незнакомые парни мне были заместо родни» (А. Кузичевский). «Я до тебя не понимала, какой недюжинный запас тепла, душевного накала вложил завод когда-то в нас» (Е. Андреева).

Парадоксально — но славословие «простому» человеку, в сущности, вело к *обезличиванию человека в поэзии*, подмене индивидуальности — парадным «мы».

Мы — коммунисты, века сыновья,
Добры ладони наши и могучи.
В ладонях этих вся Земля — моя —
Ее долины, океаны, кручи.
Нам сталь варить. Нам ставить города.
Нам это делать смело и упрямо.
Как равные мы смотрим солнцу прямо
Глаза в глаза. И это так всегда.

Обобщенная речь: о недостатках ли (в которых были виноваты стрелочники среднего рода), о победах, а точнее — ни о чем — выразила зияющую пустоту, духовный провал в нашей *поэзии. И пусть ничтоже сумняшеся* А. Коваль-Волков продолжал писать пустопорожние слова:

И я хочу предостеречь;
Ведь мир спасен не для забавы.
На том стоим — не ради славы,
За то идем! О том и речь... —

речь, увы, была «не о том, но все же, все же, все же...» — как писал А. Твардовский: не по существу.

На самом же деле речь эта была пронизана глубочайшим равнодушием к «воспеваемым предметам». Впрочем. не только равнодушием, но и осторожностью, тем, что потом Е. Евтушенко окрестит «кабычегонивышлизмом». Именно эта осторожность диктовала — не оглядываться назад, не копаться в памяти, в кровоточащей нашей истории. Легко и бездумно сочинялись строки, строфы, книги:

У Кремлевской стены — много, много могил.
но не кладбище это, а память истории.
Там и ныне живут, кто живым честно жил, (?! — А. Щ.)
чтобы души верных сынов
мы, ровесники, Родине строили...

Дистиллированная вода бездумья разбавляет в этих строках Н. Добрюхи все претензии на малейшее первооткрытие (о косноязычии умолчу: на то есть Всесоюзное совещание молодых писателей, участником которого он являлся). Видите, как все просто: «кто живым честно жил...» — всепрощающий знаменатель подводится в равной степени и под Дзержинского, и под Вышинского, и под красногвардейцев в братских могилах, и под Брежнева...

А вот еще один образец осторожности из коллективного сборника ярославских литераторов «Встреча»:

Он не болью делился со мной,
Он доказывал: лучше мы стали...
Первый рубчик на сердце оставил
Многим памятный тридцать седьмой... —

пишет об отце М. Китайнер. Оно и понятно, в 1982 году о трагедии 1937 года писалось с оглядкой: на сердце, мол, остался «рубчик». Хотя тот же Высоцкий мог прохрипеть: «Ближе к сердцу кололи мы профили, чтоб он слышал, как рвутся сердца!» Мог — и хрипел!

* * *

Больно, но необходимо обращаться нам к нашим бедам прошлого. Автор «Войны и мира» признавался, что ему «совестно было писать о нашем торжестве в бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама». «Я сделал это по чувству, похожему на застенчивость», — заметил Толстой. Нашу поэзию насильно лишили этого «чувства застенчивости». Но вот мы читаем характеристику начавшихся сегодня изменений в общественном и личном сознании, данную в «Литературной России» Юрием Бондаревым: «головокружительные протуберанцы жрецов разгрома как бы несостоявшегося прошлого; прорабы снобостроительства в настоящем; коварные и крикливые властолюбцы от теории, мечтающие о безнаказанности литературной травли; меморандумы хмурых экономистов с заемными формулами без новых, оригинальных идей (видимо, тех, что отличаются от «оригинальных» идей «отца и учителя». — А. Щ.), исполненные в то же время сладострастия разрушения вперемежку с заразительными, как эпидемия, смертельными приговорами всей нашей истории...» Далее можно увидеть и «фальшивых мучеников», и «домашних интеллектуалов» из бывших аплодисментщиков, и «беззастенчивых европеистов»... Словом, «рейхстаг горит!», как иронизировал на собрании московских писателей Ю. Черниченко, и на пепелище устами мученика вещается истина: «...Этот неослабевающий развеселый шабаш вплотную придвигает кризис критики, кризис искусства, кризис обыкновенной человеческой доброты». Я процитировал один из заключительных абзацев статьи писателя. Автор предусмотрительно не стал ее продолжать. А продолжение следует: оно должно объяснить существование номенклатурной литературы и дежурной критики, девальвацию литературных премий и падение престижа художественного слова, ложь литературных «нетленок» и «эпохалок», получивших свое право на существование после того, как над ними мучительно поработала рука режиссера, оператора, талантливых артистов... Продолжение следует — и оно должно объяснить: к а к появилось монопольное право на художественную правду (носителем коего, видимо, считает себя Ю. Бондарев), к а к воспетый в поэтическом слове трудовой энтузиазм соотносится с пытками Мейерхольда и Кольцова, п о ч е м у в нашей советской литературе такой большой процент (кощунственно — но факт!) самоубийств и убийств писателей, трагически приходящийся по времени на роковые черные годы?

Вернемся к нашей теме. Поэтическое слово... Оно работало в революционные годы, в двадцатые, военные... Ниспровергаемая до сих пор эстрадная поэзия расчистила в 60-х годах путь для тихой лирики и поздних метафористов, концептуалистов, почвенников, неоклассиков... Даже в 30-е годы, если поэзия не могла выходить к читателю, она умела м о л ч а т ь. И молчание ее было сходно с ремаркой из «Бориса Годунова» — «Народ безмолвствует». Этим молчанием поэзия опять-таки доказывала свое право на существование, доказывала само свое существование, становясь переводами, прозой, литературоведением. Но и в этих жанрах она оставалась верной правде жизни. То, что не смогли сделать ежовщина и бериевщина в 30-х — начале 50-х годов (ибо сильны были еще кровеносные сосуды, связывающие век нынешний с поэтическим взрывом начала века, октябрем 17-го), то сделал красный, пугающий карандаш редактора, оглядка на мнение сверху. Уход от нас стариков — Смелякова, Твардовского, Ахматовой, Заболоцкого, Пастернака, Светлова, Исаковского, Асеева... — завершил процесс перехода к полному мифологизированному сознанию в поэтическом творчестве: равнодушие одело профодежду ударника-энтузиаста, Слово перестало работать, превратившись в свою тень. За границей оказываются Галич, Бродский... Не печатается Высоцкий. Поздние книги выпускают Чухонцев, Рейн, Аронов... Что-то еще пытаются сказать старики военного поколения — Самойлов, Левитанский, Межиров, Слуцкий, Панченко. Сознательная недоговоренность и вынужденная невыговоренность Евтушенко, Вознесенского, Рождественского — еще один знак процесса...

Необходимо активнее демонтировать «сталинскую» модель нашего сознания, преодолевать догматизм, страх, а вместе с ними — мифологизированную поэзию. Творческая дерзость, фантазия, острота мышления и чувствования, риск и поиск нового (и право на этот риск и поиск!) — должны напрочь вытеснить из поэзии рабский дух.

Возникает естественный вопрос: что же происходит в нашей мифологизированной поэзии сейчас — по истечении трех лет перестройки — и происходит ли что-нибудь? Нельзя не засчитать в актив публикации «из стола» В. Шаламова, Е. Евтушенко, В. Корнилова, А. Жигулина, Н. Панченко, Натальи Астафьевой... И тем не менее разговоры об отставании поэзии от прозы теперь не только не утихают, но и приняли новый характер: речь идет об отставании и поэзии и прозы — от публицистики. Не будем включаться в этот спор, по чьему-то меткому замечанию напоминающий спор об отставании весны от лета. Речь о другом: идет ли процесс освобождения поэзии от мифотворческих схем? Судя по упомянутому активу — идет. Но продолжаешь встречать и такие журнальные публикации последних двух лет:

Какие были годы,
Как праздники цвели,
В какие хороводы
Гармони нас вели!
...А где же наши сказки,
Кокошники-венцы,
Потешные салазки,
На сбруях бубенцы?

(Э. Дубровина)

Примеры появления подобных рецидивов прошлого можно множить. И они дают повод для тревоги. «И все же, все же, все же...» — вот взгляд натыкается на обеспокоенно-вопрошающие строки В. Корнилова — и их пафос вселяет надежду:

Отчего отстает поэзия?
Отчего отстает она?
Да и что ее бесполезнее
В переломные времена?
Получается, будто истина
От стиха, как жена, ушла,
А талантлива публицистика
И воинственно-весела!
Это радостно! Это правильно!
Вот, кто нашу спасет страну!
А поэзия неприкаянно
Прозевала свою страду.
Публицистика рушит надолбы,
Настилает по топям гать,
А поэзии думать надобно,
Как от вечности не отстать.

Верные слова. Только ведь с отрывного календаря вечность смотрит на нас привычными черными и красными цифрами... И снова нас мучает вопрос, сопровождающий поэзию с момента ее появления в мир, этот непостижимый и пленительный вопрос...

Иван КАРАБУТЕНКО
В САДУ МАРКИЗА ДЕ САДА

Маркиз де Сад (1740—1814) — французский писатель, автор книг: «Жюстина, или Несчастья добродетели», «Алин и Валькур», «Философия в будуаре», «Преступления любви», «Маркиза де Ганж», «Беды добродетели», «Новая Жюстина, а также история Жюльетты, ее сестры, или благоденствия порока», «Сто двадцать дней «Содома», «Историеттки, сказки и фаблио», «Путешествие в Италию». Его перу принадлежат также пьесы, имевшие сценический или читательский успех: «Окстирн, или несчастья распутства», «Юлия, или свадьба без жены», «Мизантроп от любви», «Опасный человек», «Школа ревнивцев», «Пропащая Франция», «Клеонтина, или несчастная девушка», «Капризник», «Близнецы», «Антиквары». Потомок старинного рода, де Сад получил образование в коллеже «Луи-ле Гран», затем учился в кавалерийской школе. В пятнадцать лет — младший лейтенант, в девятнадцать — капитан полка «Бургонь-кавалери». Участник трех кампаний против Пруссии. В 1763 году женился по воле отца на Рене-Пелажи де Лоне. Отец троих детей. Почти половину жизни (с небольшими перерывами — сорок лет!) провел за решеткой. Причиной исключительной строгости властей к де Саду было не столько обвинение в «дебоше, кощунствах и профанации образа Христа», сколько гнев тещи, президентши де Монтрей, которая не пожелала простить де Саду искреннюю (и разделенную) любовь к младшей дочери, Анн-Проспер де Лоне. Скандальные истории, в которых маркиз оказался замешан, не превосходили «уровень» эпохи. Де Сад не только не был образцом всех пороков, но и проявил опасную добродетель: будучи секретарем Секции Пик, осмелился выступить против террора, был обвинен в «модерантизме» и чудом избежал гильотины. Затем, при Наполеоне, сидел в сумасшедшем доме Шарантон, где и умер. Не принадлежа ни к какому литературному направлению, де Сад повлиял на выдающихся представителей романтизма, реализма, натурализма, сюрреализма. Парадоксальные концепции, идущие вразрез с общепринятыми, форма их изложения (обилие арготизмов) явились причиной долговременного «заговора молчания» вокруг имени де Сада. Основные его произведения переведены на европейские языки, его творчество является предметом исследования известных ученых. Во Франции его Полное собрание сочинений издано в «Клубе Лучшей Книги», в издательстве Ж.-Ж. Повер, в массовой серии «10/18», отдельные книги — в серии «Ливр де Пош». В России книги де Сада не издавались.

Запретный плод сладок...

Но как рассказать современным нашим читателям о сладчайшем, о запретнейшем, о маркизе де Саде? Уже давным-давно кто-то (а кстати, кто?) уверил, что нет в мире автора с более страшной репутацией, ни один порядочный человек не должен прикасаться к его книгам.

Прежде всего — где их взять?

В каталоге библиотеки иностранной литературы, открытом рядовым читателям, библиография на «Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад» отсутствует. «А есть ли другой, более «научный» каталог?» — спросил я когда-то дежурную и получил отрицательный ответ. Однако одна-единственная книга все же оказалась. Какой-то рассказик, очень скучный, абсолютно не «маркизий», с разгромным предисловием, заклинающим читателя «ради всего святого» отбросить книги де Сада.

Эпиграф к «Философии в будуаре» гласит:

«Мать предпишет чтение этой книги своей дочери»

Когда? В каком Золотом веке?

Будем считать, что он наступил. Я буду говорить о де Саде так.

Маркизу страшно повезло:

у него нет дома-музея, ибо Бастилия разрушена;

нет портрета — можно вообразить любой ангелик, дьяволик, сердолик;

нет неблагодарного читателя. Безумно б л а г о д а р е н человек, которому вдруг — по большой дружбе — попадает в руки маркиз.

Чаще не попадает. Он из тех, кого днем — с огнем и кого — как огня...

Блаженны поэты, не вписывающиеся в свой век; минуя глупость и трусость современников, они вписываются в следующий век и следующий за следующим. Чтобы вписаться в наше

В оформлении материала использованы рисунки Ш. ТОПОРА

столетие, маркиз изобрел гениальную комбинацию: ухитрился покинуть «Век просвещения», просидев в самых знаменитых тюрьмах сорок лет. Он сидел при Луи Пятнадцатом, Луи Шестнадцатом, Робеспьере, Наполеоне. Места заключения назывались: крепость Пьер-Ансиз, замок Сомюр, Венсенская башня, Бастилия, Мадлонетт, Шарантон.

В отличие от Казановы, который бежал из венецианской свинчатки, в отличие от Лятюда, который бежал из Венсенского замка и Бастилии, в отличие от Дантеса, который бежал из замка Иф, чтобы стать Монте-Кристо, маркиз не бежал, а писал. Он писал в периоды царствований, междуцарствий, в смутное время и ясное, при просвещенных монархах и невежественных террористах, в камерах и пустотах, отделяющих одну тюрьму от другой.

Он был счастлив увидеть некоторые свои книги напечатанными; оплакивал потерю рукописи «Ста двадцати дней Содома» (книга доползла к читателю только в двадцатом веке) и уничтожение «Дней Флорбелля»; из тактических соображений отказывался от «Жюстины» («Меня обвиняют в авторстве «Жюстины» — обвинение фальшиво, клянусь вам всем самым святым»), а «Философию в будуаре» снабдил пояснением: «Посмертное произведение автора «Жюстины».

Лицемеры и поверхностные наблюдатели вменили ему в вину садизм, «забыв» о том, что книжные злодейства, им самим в жизни не осуществленные, — детский лепет по сравнению со злодействами реальными, что свершались на земле, пока маркиз сидел и писал. Хладнокровный палач Сансон ежедневно получал от общественного обвинителя Фукье-Тенвиля *пациентов*, набивал ими тележки, не просохшие от крови, вез на площадь Свободы и там, при радостном вое толпы, заставлял их *чихать в мешок*, как тогда именовали гильотинирование. Проконсул Лебон (по-русски Добряк) выстраивал в Аррасе детишек вокруг эшафота, дабы из них получились стойкие патриоты; казнью любовался с балкона, попивая винцо, под музыку «Са ира», держал пари: какую гримасу состроит осужденный. Проконсул Каррье, в Нанте, устраивал «республиканские свадьбы» — массовые потопления невинных. Будущий министр полиции Наполеона Фуше, посланный Конвентом в Лион с неограниченными полномочиями, ежедневно ставил перед рвом и расстреливал ядрами и картечью по двести человек («Слезы радости текут по моим щекам, затопляют душу. Сегодня вечером мы подставили под картечь двести тридцать мятежников». Письмо Фуше — коллегам, в Конвент). Сколько народу погубил неутомимый путешественник Бонапарт — одному богу известно: историки расходятся во мнениях и цифрах. Но последним пристанищем, Шарантоном, де Сад обязан именно ему. Памфлет маркиза «Золоэ и две ее аколитки, или Несколько декад из жизни трех очаровательных женщин. Истинная история прошлого века, рассказанная современником», посвящен жене Бонапарта Жозефин и ее подругам — госпожам Тальен и Висконти. Пять экземпляров, отпечатанных на веленевой бумаге, дерзкий автор разослал пяти Директорам.

«Говорят, — писал маркиз, — что мои кисти слишком сильны, и я изображаю порок омерзительным. Хотите знать, почему? Я не желаю пробуждать любовь к пороку. У меня нет, как у Кребийона и Дора, опасного намерения — заставить женщин обожать обманщиков; напротив, я хочу, чтобы их презирали: это единственное средство от обмана. Я сделал героев, избравших стезю порока, настолько ужасающими, что они, конечно, не внушат ни жалости, ни любви. В этом, осмелюсь утверждать, я более морален, чем те, кто позволяют себе злодеев приукрашивать. Пагубные произведения этих авторов напоминают экзотические плоды: под великолепным цветком таится смерть. Повторяю: я всегда буду описывать преступление только адскими красками; я хочу, чтобы видели его без покровов, чтобы его боялись, чтобы его презирали. Я не знаю иного метода, нежели этот: показывать преступление во всем ужасе, его характеризующем».

Слова эти пропущены всеми мимо ушей, так как маркиз произнес их в славный год битвы при Маренго; не до литературы было.

Полстолетия спустя одного прозаика и одного поэта потянут на суд за «грубый реализм», за «оскорбление общественной морали и религии». Защищаясь, авторы книг «Госпожа Бовари» и «Цветы Зла», приведут аргументы маркиза.

«Книгу нужно судить в *целом*, тогда из нее извлекут страшную мораль. Я мог бы составить большую библиотеку из современных, не подвергшихся преследованию книг, которые не излучают, как моя, УЖАС ПЕРЕД ЗЛОМ» (Бодлер. Заметки и документы для моего адвоката).

«Автор призывает читателей судить о книге только после внимательного прочтения от начала до конца. Не по физиономии того или иного героя, не по той или иной теории, вырванной из контекста, нужно составлять мнение о такого рода книгах. Беспристрастный и справедливый читатель выскажется только о книге в целом» (де Сад. Предисловие к роману «Алин и Валькур»).

Роман Флобера «Саламбо» изобилует жестокими сценами; подобного оттенка красный туман (Флобер сознательно добивался цвета пурпура) уже «окутывал» книгу маркиза «Преступления любви»; карфагенские страсти-мордасти, святотатства — все это уже было у маркиза. Флобер отстаивал право писателя на отстраненность, осуждал морализаторство; он даже Бодлера «высек» за морализаторские тенденции книги «Искусственный рай». Здесь он опять-таки следовал эстетике маркиза: «Избегай притворства и напыщенности морали. Не автор должен морализировать, а персонаж, и в том лишь случае можно ему это позволить, если вынуждают обстоятельства сюжета» (де Сад. «Мысль о романах»).

О маркизе помнил Шатобриан, когда писал «Мучеников», Констан («Адольф»), Петрюс Борель («Госпожа Пютифар»), Лотреамон («Песни Мальдорора»), Барбэ д'Орвилли («Дьявольщина»), Вилье де Лиль-Адан («Жестокие сказания»). Но ссылаться на маркиза было опасно. Царил такой страх перед именем де Сада, что даже независимый библиофил Октав Юзанн (он, например, опубликовал сборник документов «Тайные нравы XVIII века»), выпуская в 1878 году абсолютно невинное, чисто литературоведческое эссе маркиза «Мысль о романах», вынужден был написать предисловие, где каждая строка — плевок в адрес де Сада и реверанс в сторону читателя. Мало того: в текст предисловия вплетен занимающий три страницы «анализ», а точнее — разгром творчества маркиза, учиненный Жюлем Жаненом, тем самым, что грозил Петрюсу Борелю сравнить его роман «Госпожа Пютифар» с де Садом, а значит, опозорить! Объективный, а тем более доброжелательный разбор был в XIX веке абсолютно невозможен. Так, предписывалось уничтожить анонимный труд «Маркиз де Сад. Личность и творчество» с выходными данными в духе Восемнадцатого века: Садополис, у Жюстена Валькура, под вывеской «Несчастная добродетель», год 0000.

Только храбрецы двадцатого века открыто отдали долг маркизу «словом и делом»: осмелились стать его читателями, почитателями, издателями, комментаторами, учениками.

Аполлинэр первым проник в Ад Национальной библиотеки — «хранилище всех сладострастных бесстыдств пера и карандаша» (как затейливо выразился Большой Ларусс XIX века). Он составил первый каталог адских книг, издавал серию «Мэтры любви»; на почетном месте, разумеется, стоял маркиз, хотя ни презираемый де Садом Кребийон, ни его кузен Мирабо, ни Нерсиа, ни Бодлер забыты не были. А письма с фронта обожаемой Лу! «И я, учитель, вооруженный хлыстом, я отхлещу эту великолепную карту земных полушарий. Будет уязвлена твоя гордость, ты станешь страдать, но любовь превратит твое страдание в сладострастие» (28 января 1914). Кажется, что это обращается к талантливой ученице Эжени де Мистиваль главный герой «Философии в будуаре» — Дольмансе.

Для певца «чистой» любви, Элюара, маркиз был революционным умом (см. статью «Революционный ум: маркиз де Сад»). Для совестливейшего Камю — первым теоретиком абсолютного мятежа, требующим возвращения полной свободы (см. эссе «Восставший человек»). Для поэта Жильбера Лели — смыслом жизни (см. его труды, посвященные маркизу).

Что касается современного писателя Пьера Гийота, то каждая строка его романа «Эдем, эдем, эдем» — беспрерывной оргии, доводящей читателя, да и автора, похоже, до тошноты, — показывает: он не только прочитал всего маркиза, но и позавидовал ему. Брюсов[1] дописал «Египетские ночи», Гийота — «Сто двадцать дней Содома». Он, конечно, сильно рисковал: 1. Не быть опубликованным; 2. Быть оплеванным. Ни-

[1] *Кстати, одна из глав брюсовской поэмы «Подземное жилище»* написана под влиянием маркиза.

чем не рисковал Филипп Соллерс, когда выводил в предисловии фразу: «Эдем, эдем, эдем. Никто не отваживался на подобное после Сада. Что означает: теперь существует возможность прочитать Сада полностью».

Было бы занятно проследить, как интерпретировали маркиза художники XX века: Рене Магритт, Сальвадор Дали, Кловис Труй, Леонор Фини... Но это требует особого вдохновения.

Все они были садистами (если избавить слово от уничижительного оттенка). Но первым садистом была природа. На нее постоянно ссылается маркиз, размышляя о капризах человека, о безднах его желаний. «Теперь, когда мы выкарабкались из тьмы религиозных заблуждений, державших нас в плену и, уничтожив предрассудки, приблизились к природе, будем слушать только ее голос, удостоверимся, что главное преступление — это сопротивление желаниям, которые внушает природа... будем не гасить нашу страсть, а регулировать средства ее спокойного удовлетворения».

Вот ключевая фраза не только «Философии в будуаре»; здесь камертон всего творчества маркиза. Под «голосом природы» подразумевается широчайший диапазон естественных чувств, от опьянения властью («если вы не предоставите человеку возможность т а й н о проявлять природный деспотизм, человек извергнет его на окружающих, взбаламутит правительство») до радости боли и унижения (ее покупают за золото гурманы из «Ста двадцати дней Содома»).

Каждый «безнравственный» каприз теоретически обоснован де Садом. Собственные наблюдения он, как ученый-профессионал, подкрепляет многочисленными ссылками на нравы древних народов, на античных историков, мыслителей, поэтов, на рассказы путешественников и миссионеров. Резюмируя любовный опыт человечества, с азартом просветителя щеголяя малоизвестными фактами, маркиз словно подбадривает пугливого читателя: смелей, мол, приятель, и э т о *уже было...*

«Это» действительно было. И в жизни. И в научных трудах, нередко представляющих параллель книгам маркиза.

В 1792 году, незадолго до того, как попал на гильотину, издатель Жак Жируар выпустил роман маркиза «Алин и Валькур» и одновременно французский перевод трактата Майбаума «О пользе флагелляции в медицине и в удовольствиях любви и супружества». Латинский текст впервые появился в 1629. Никому в голову не пришло обвинять автора, почтенного немецкого медика, в безнравственности. Его имя не породило позорного термина, аналогичного «садизму», хотя в книге Майбаума предвосхищены многие рискованные постулаты маркиза. Любопытно, что автор трактата применил творческий ход, позднее использованный де Садом: автобиографический монолог (трактат строится как пространное письмо Майбаума Христиану Кассию, советнику любекского епископа) прерывается экскурсами в историю и этнографию, ссылками на античных философов и писателей, на отцов церкви, на жизнеописания политических деятелей — от Калигулы до Тамерлана и герцога Баварского. Имена Марциала, Овидия, Катулла, Апулея, Ювенала, Светония, Арнобия мелькают в тексте Майбаума не реже, чем в книгах де Сада.

Любителю аналогий интересно будет сопоставить мысли К.-Ф.-К. Мерсье, переводчика трактата о флагелляции, с суждениями маркиза о грехах священников. Мерсье пишет во Введении: «Во все эпохи священники заставляли религию служить своим удовольствиям и смогли скрыть под ее устрашающей маской постыдные злоупотребления, которые темперамент, разожженный умерщвлением плоти, делал особенно сладострастными и которым содействовали праздность, монастырское спокойствие и слепое доверие, внушенное покаяннницам-дурам».

Маркиз в «Философии в будуаре» говорит: «У священников были свои причины, когда они запрещали сладострастие: этот наказ, сохраняя за ними право на знание тайных грехов и отпущение их, давал неслыханную власть над женщинами, открывал безграничное поприще похоти. Известно, насколько священники этим пользовались и злоупотребляли бы до сих пор, если бы их кредит не был безвозвратно подорван».

Среди злодеев-распутников, выводимых на сцену маркизом, особенно часты священники. В *«великолепную четверку»* из «Ста двадцати дней Содома» входят герцог, президент, откупщик и епископ. Маленькую Дюкло посвящают в тайны любви отец Лоран, отец Луи, отец Жоффре и отец Этьен...

Маркизу и медику, встретившимся в Восемнадцатом веке, суждена была новая встреча — в XIX-м, в Брюсселе, у Жюля Гэ. Развеселый этот француз (gai — веселый, фр.) уехал в Бельгию, чтобы без помех печатать книги, невозможные на родине. Это он издал в 1866 году приговоренный к уничтожению этюд о маркизе. Трактат Майбаума Гэ выпустил (в количестве 500 нумерованных экземпляров) в 1879, «Алин и Валькур» (на верже) — в 1883.

Флагелляция — обычная, но не единственная приправа к блюдам маркиза. Его лексика — смесь изысканнейшего тона вельможи Восемнадцатого века с вольными выражениями современного апаша — не имеет аналогий в мировой литературе. Нечто похожее встречается в живописи. У Тулуз-Лотрека, например, нежнейший «японский» цвет сочетается с похабностью рож завсегдатаев Мулэн-Руж...

Тон, принятый героями маркиза, можно без преувеличения назвать духовной флагелляцией. Пожалуй, это даже более эффективное средство. Во-первых, оно подстегивает героев чисто по-человечески, силой земной энергии слов («Ругайся же, маленькая шлюха, ругайся!» — ободряет мадам де Сент-Анж свою ученицу Эжени); кроме того — к о с м и ч е с к и: такого рода заклинания (а это явно заклинания) привлекают адских жителей, всяких там фарфаде, и те, щекоча героев хвостиками, покалывая рожками, поплевывая на них, помогают довести страсть до беспредельности.

К этой лексике привыкаешь настолько, что если ее нет (во многих книгах де Сада она отсутствует) возникает сомнение: маркиз ли это? Тем более, что подделки начали появляться еще при жизни автора.

Но да, это маркиз. Потому что, помимо вольных словечек, есть абсолютно «маркизьи» ситуации и персонажи: преследование добродетельных девушек и унижение их монстрами; невыносимые моральные пытки; выпады против церкви; богохульства; лирические отступления, насыщенные аморальными сентенциями; конечное торжество Зла...

Маркиз выразил никем до него в литературе не описанную ситуацию: указал на роль фантазии в момент страсти. Его злодей — не просто распутник-профессионал, а распутник-рассказчик, распутник-трюфель, умеющий высечь новую искру из самого пресыщенного слушателя. Персонажи «Ста двадцати дней Содома» берут с собой в замок Новую Шехерезаду — Дюкло, изумительную рассказчицу, напичканную любовными историями, благо она прошла «суровую» школу распутства: от рядовой до содержательницы заведения.

А сейчас я открою «секрет секретов».

Считать флору и фауну Сада реальностью — при всех «правдоподобных» деталях — так же наивно, как пытаться уловить аромат сезанновского яблока или мечтать окунуться в отражение Аржантея, сочиненное Клодом Моне или принимать за чистую монету случай, описанный Хлебниковым: «Чудовище, жилец вершин с ужасным задом, поймало Несшую кувшин с прелестным взглядом».

Да разве сам Божественный маркиз не дает нам сотни свидетельств этой ирреальности? Чтобы избежать недоразумений и не дурачить понапрасну читателя, он сразу же предупреждает: через минуту появится Мерзавец. И не щадит черных красок для шаржа. Скажем, портрет герцога де Бланжи: «Кроме черного и злого ума, природа снабдила его самой мерзкой и жестокой душой, сопровождающей беспорядки вкуса и капризов; в высшей степени герцог был расположен к устрашающему разврату. Фальшивый, грубый, властный, эгоистичный, щедрый для своих удовольствий и скупой, когда речь шла о других; лжец, гурман, пьяница, трус, содомит, кровосмеситель, убийца, поджигатель, вор — ни одна добродетель не компенсировала столько пороков. Да что там говорить! Он не только не почитал какую-нибудь добродетель — все они приводили его в ужас; он частенько говаривал, что человеку для счастья в этом мире необходимо не просто предаваться всем порокам, но и никогда не позволять себе ни одной добродетели; и что не о том только речь, чтобы всегда делать зло, а о том, чтобы никогда не делать добра» («Сто двадцать дней Содома»).

Потом выпархивает юная принцесса... Действительно, вот она, *раскрашенная во все цвета, отнюдь не земные, позаимствованные* у радуги или у драгоценных камней: «Констанс, супруга герцога и дочь Дюрсе, — высокая, стройная женщина, созданная чтобы ее рисовали и сложенная так, будто Грации

имели удовольствие ее украшать. Но изящество талии шло отнюдь не в ущерб свежести: пухленькая, с восхитительными формами и кожей белее лилий, она часто побуждала вообразить, что сама Любовь позаботилась о ее обработке. В чуть продолговатом лице с благородными чертами больше царственности, чем мягкости, больше величия, чем тонкости. Глаза большие, черные, полные огня; рот очень маленький, украшенный самыми изумительными зубами, какие можно представить; язык тонкий, узкий, алый; дыхание слаще розового...»

От такой патоки читателя может стошнить, подобно тому, как до тошноты доводят многие страницы «Тысячи и одной ночи», где стан — «кипарис», лицо — «полная луна», зубы — «жемчуг», губы — «коралл» (или гранат)... Но маркиз делает ход, на который не отваживался никто: «Отчетливо изогнутая поясница восхитительной линией переходила в ж..., нежнейший розовый оттенок окрашивал эту ж... — очаровательный приют затей сладострастия».

Этот ирреально-сказочно-натуралистический момент (в книгах де Сада их сотни), отличный от правил хорошего тона, заставляет оторопеть издателя, привыкшего к невинным росчеркам пера, к многоточиям, к купюрам. Но маркизу опять-таки повезло. Если у него нет, как я сказал, неблагодарного читателя, то нет и неблагодарного издателя: маркиза или не издают или издают полностью.

Как бы предупреждая будущих редакторов-резателей, Жюль Гэ говорит в предисловии к своему изданию «Алин и Валькур»: «Мысль смягчить и несколько рассуждений, и несколько нюансов не раз приходила нам в голову, сознаемся. Но могли ли мы это сделать без порчи книги? Самое опасное — ослабить цвета порока; описывать его в манере Кребийона — значит вызвать любовь к нему и, следовательно, нарушить моральную цель, которую ставит перед собой благородный писатель».

Благородство маркиза не вызывает сомнений.

Во-первых, потому, что он аристократ по крови; де Сад происходил от Лауры, воспетой Петраркой, и знаменитых воинов. Среди предков маркиза были мальтийские рыцари, епископы, аббаты-писатели, юрисконсульты, моряки, главный кравчий антипапы Бенуа XIII-го, земский судья, посол в России и Англии. Он был связан с домом Великого Конде: его мать была статс-дамой принцессы де Конде, в чьем замке де Сад и родился 2 июня 1740 года. Слава предков обязывает!

Во-вторых, он честно говорит с читателями, не заигрывает, порой иронизирует: «Не прекращают спрашивать, чему служат романы? Чему они служат, о лицемеры, извращенцы, ибо вы одни задаете этот смехотворный вопрос; они для того, чтобы описывать вас, такими, как вы есть, с вашей гордыней, которую вы пытаетесь скрыть, ибо боитесь последствий. Будучи, если можно так выразиться, картиной нравов века, роман, как и история, важен философу, желающему познать человека».

Абсолютно точное и благородное утверждение!

Говоря об энциклопедистах и просветителях Восемнадцатого века, нечестно ограничиваться Вольтером, д'Аламбером, Дидро и прочими. Истинный философ, просветитель, энциклопедист, маркиз де Сад оглядывает тайники человеческой души и высвечивает все ее «измы»: вуайеризм, эгзибиционизм, мазохизм-руссоизм, символизм, пуантилизм... Что еще? Да много чего! Инцесту, содомию. Психологи и психопатологи нашего века, всякие там Крафт-Эбинги, Форели, широко известный нашим читателям Нойберт и абсолютно неизвестный Хунольд (особенно много почему-то немцев) не сделали ни одного открытия — все уже было классифицировано и художественно прокомментировано маркизом.

«Не дано права писать плохо, когда можно сказать все, что хочешь. Никто не принуждает тебя к этому ремеслу, но если уж взялся — делай хорошо. Особенно не занимайся литературой как средством к существованию: будет чувствоваться нужда, ты передашь работе свою слабость; у нее будет бледность голода. Другие ремесла предоставляются тебе: делай башмаки и не пиши книг. Мы не станем уважать тебя меньше, а поскольку ты не будешь нам докучать, мы, возможно, еще больше полюбим тебя».

И здесь, думаю, маркиз прав.

Начинающий и продолжающий писатель, а также начинающий и продолжающий читатель могут, при желании, извлечь для себя немало полезного.

Маркиз де САД

Из романа

«Сто двадцать дней Содома»

ВВЕДЕНИЕ

Во время многочисленных войн, которые Луи XIV вел всю жизнь, истощая финансы государства и возможности народа, масса пьявок, всегда падких на общественные бедствия и умеющих извлечь из них наибольшую выгоду, нашла секрет обогащения. Конец столь величественного владычества — одна из эпох французской истории, когда лучше всего проявились эти подозрительные состояния, вспыхнув роскошью и дебошами, такими же таинственными, как они. Именно на закате царствования, незадолго до того, как Регент постарался с помощью трибунала, известного под названием Комнаты правосудия, схватить за горло толпу откупщиков, четверо из них замыслили странную оргию, о которой мы и расскажем.

Наивно воображать, что незаконным взиманием налогов занимались одни разночинцы; во главе стояли очень знатные сеньоры. Герцог де Бланжи и его брат епископ де***, нажившие фантастические богатства, — живое свидетельство того, что знать, как и остальные, не брезговала подобным средством обогащения. Две знаменитости эти, тесно связанные общими удовольствиями и аферами с известным Дюрсе и президентом де Кюрвалем, первыми задумали развлечение, историю которого мы обещали. После того, как в замысел были посвящены два их приятеля, главными действующими лицами удивительного спектакля стали все четверо.

Больше шести лет назад четверка распутников, соединенных общностью вкусов, решила закрепить свою связь союзами, где разврат доминировал над другими мотивами; вот в чем суть комбинации:

Герцог де Бланжи, трижды вдовец (одна из жен оставила

ему двух дочерей), узнав о желании президента де Кюрваля жениться на старшей вопреки ее близости с отцом, внезапно задумал тройной союз. «Вы хотите жениться на Жюли, — сказал он Кюрвалю, — даю ее вам без колебаний и ставлю лишь одно условие: вы не будете ревновать ее за то, что она, будучи вашей женой, останется столь же любезной со мной, как и всегда; кроме того, вы поможете мне убедить нашего общего друга Дюрсе выдать за меня свою дочь Констанс. Я, признаюсь, испытываю к ней почти те же чувства, что вы к Жюли». — «Но, — сказал Кюрваль, — вам же известно, конечно, что Дюрсе такой же распутник, как вы...» — «Я знаю все, что возможно знать, — ответил герцог. — Разве в нашем возрасте и с нашим мышлением способны остановить подобные пустяки? Вы думаете, мне нужна жена-любовница? Я хочу, чтобы она служила моим капризам, дабы покрывать множество тайных развлечений, которые брачным плащом вуалируются великолепно. Словом, хочу ее так, как вы хотите мою дочь. Думаете, я не знаю ваших целей и желаний? Мы, развратники, берем женщин в качестве рабынь; должность жен подчиняет их больше, чем любовниц, а цена деспотизма в удовольствиях вам известна».

В это время вошел Дюрсе. Друзья изложили суть дела; откупщик, очарованный открытием, позволившим ему признаться в чувствах к Аделаиде, дочери президента, принял герцога как зятя при условии, что сам он станет зятем Кюрваля. Три брачных союза были заключены без промедления; приданое оказалось громадным, статьи договора — одинаковыми. Президент, столь же виновный, как два его друга, не отбил охоту у Дюрсе, признавшись в тайных сношениях с собственной дочерью; в результате трое отцов (каждый желал сохранить свои права и еще больше их расширить) договорились: три юных особы, связанные со своими супругами лишь имуществом и именем, телом будут принадлежать одному не больше, чем другому и равным образом каждому из них под страхом строжайших наказаний, если вздумают нарушить условия договора.

Накануне его заключения епископ де***, уже связанный общностью наслаждений с друзьями брата, предложил ввести в альянс — если ему позволят участвовать — четвертую рабыню. Рабыня эта, вторая дочь герцога и, следовательно, его племянница, принадлежала ему с гораздо большим основанием, чем думают. У него была связь со свояченицей, и братья не сомневались: Алин — так зовут девушку — обязана епископу намного больше, чем герцогу; епископ с колыбели взял на себя попечение над Алин и — как легко можно вообразить — не прозевал прихода волшебного возраста.

В этом отношении он не уступал собратьям; предложение его имело ту же степень испорченности и было так же унизительно, а поскольку красота и юность возвышала Алин над тремя другими, сделку заключили без промедлений. Епископу суждено было пользоваться теми же правами.

Так что каждый оказался мужем четырех женщин.

Для удобства читателя резюмируем комбинацию: герцог, отец Жюли, стал мужем Констанс, дочери Дюрсе; Дюрсе, отец Констанс, стал мужем Аделаиды, дочери президента; президент, отец Аделаиды, стал мужем Жюли, старшей дочери герцога, а епископ, дядя и отец Алин, стал мужем трех других, уступив Алин своим друзьям, но сохраняя на нее и свои права.

Счастливые свадьбы отпраздновали на великолепной земле герцога в Бурбонне: я предоставляю самим читателям возможность вообразить происшедшие там оргии. Удовольствию рассказать о них препятствует необходимость описать иные.

По возвращении содружество четверых только окрепло. Поскольку предстоит с ними поближе познакомиться, один лишь фрагмент их сладострастных аранжировок прольет, как нам кажется, свет на характер этих дебошей, пока мы не займемся каждым в отдельности и расскажем еще подробнее.

Общество жило одной семьей; хозяйством управлял каждый по полгода; фонды семьи, служившие только наслаждениям, были бесчисленны. Громадное состояние позволяло весьма причудливые штучки. Вас не должно удивлять, что два миллиона в год уходило исключительно на удовольствие прекрасного стола и похоти.

Заботясь о том, чтобы добыть в столице и провинциях все, что способно утолить чувственность, четыре знаменитых сводни вынюхивали женщин и столько же меркуриев — мужчин. Закатывали по четыре ужина в неделю, в четырех различных загородных домах, расположенных в четырех предместьях Парижа.

На первом ужине, посвященном исключительно удовольствиям содомии, присутствовали одни мужчины. Там находилось шестнадцать молодых людей от двадцати до тридцати лет; благодаря их потрясающим талантам наши герои вкусили в качестве женщин самые острые удовольствия. Принимали только по размерам члена; требовалось, чтобы он обладал такой грандиозностью, что никогда не смог бы проникнуть ни в одну женщину. Это главное условие; поскольку с расходами не считались, оно было соблюдено.

Но, чтобы вкусить все удовольствия одновременно, к этим шестнадцати мужчинам присоединили столько же юношей от двенадцати до восемнадцати лет; они исполняли роль женщин. Они должны были обладать свежестью, хорошей фигурой, изяществом, благородством манер, невинностью, простодушием. Ни одну женщину не принимали на эти мужские оргии, где происходило все самое сладострастное, что способны были изобрести Содом и Гоморра.

Второй ужин посвящен рафинированным девицам; вынужденные отказаться от присущей им гордыни и надменности, они, получив деньги, покорились самым безумным капризам и порой даже унижениям, придуманным нашими распутниками. Обычно их насчитывалось двенадцать; так как Париж не смог бы предоставить подобный тип в надлежащем разнообразии, эти приемы смешали с другими, где присутствовало такое же количество благородных женщин среднего сословия. Таких в Париже насчитывалось не меньше пяти тысяч. Нужда или роскошь обязывает к подобным жертвам. Требуются лишь надежные люди, чтобы их раздобыть; у наших развратников они были, поэтому им частенько открывались истинные чудеса. Но недостаточно было обладать порядочностью — следовало подчиниться всему: распутник, не терпящий никаких ограничений, особенно распален, когда принуждает к мерзости, бесчестью тех, кого природа и правила хорошего тона должны были бы избавить от подобных испытаний. Пришедших обязывали проделывать все, а поскольку четверо наших злодеев имело склонность к самому гнусному, самому *неслыханному разврату, уступить их желаниям было не шуткой.*

Третий ужин посвящен наиболее презренным и грязным тварям, каких только можно повстречать. Знакомому с отклонениями дебоша эта тонкость покажется абсолютно естественной; очень сладостно погрязать в нечистотах с подобного рода созданьицами; в этом находишь полнейшее самозабвение, предаешься самому чудовищному разгулу, вкушаешь совершенное падение — подобные удовольствия, в контрасте с изыском предыдущих — острая приправа ко всевозможным излишествам. Дебош был разнузданнейшим; ничто не было забыто, дабы сделать его еще пикантнее. На протяжении шести часов являлось сто шлюх; порой все сто не выходили. Но не будем торопиться: изощренность эта касается деталей, о которых мы пока умолчим.

Четвертый ужин сохранен для девственниц. Брали только до пятнадцати лет, начиная с семи. Их положение было равным, речь шла лишь о фигуре: требовалась прелестная, и о первинках: требовались настоящие. Невероятная изощренность разврата! Не потому, что желали сорвать все розы, да и как это сделать, если девочек было двадцать, а из наших четверых распутников только двое способны к подобному деянию; что касается остальных, то откупщик не испытывал никакой эрекции, а епископ мог кончить лишь способом, который, признаться, может опозорить девственницу, оставляя ее однако нетронутой. Не важно! Требовалось присутствие двадцати первинок; те, кого не портили друзья, становились добычей слуг, столь же развратных.

Независимо от этих четырех ужинов, каждую пятницу организовывался один тайный и особый, куда менее многочисленный, но неизмеримо более дорогой. Принимали только четырех юных девушек знатного происхождения, похищенных у родителей хитростью или подкупом. Жены наших распутников почти всегда участвовали в этом разврате; их абсолютное подчинение, их предупредительность, их услуги придавали ситуации особую пряность.

Перевод с французского
Ивана КАРАБУТЕНКО.

ФРАГМЕНТАРНЫЙ КРОССВОРД

Ремарки после цитат:
А — автор; Нз — название произведения; П — персонаж.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
3. «Все поняли: скорей без крова
Старик в чужой земле умрет,
Чем сменит на другое слово
Свое любимое — вперед!» — А.
6. «Василий Иванович шел себе по Тверскому бульвару и довольно лукаво посмеивался при мысли о всех удовольствиях, которыми так достаточно изобилует Москва. В самом деле, как подумаешь, Английский клуб, Немецкий клуб, Коммерческий клуб...» — А.
7. «И ты, и ты, ночная тень,
Рассеешься, пройдут туманы, —
И расцветет мой ясный день,
День светлый, как душа Светланы». (лицо, которому посвящено).
8. «*Нам нужны люди, нужен момент истины — от тайника с рацией* его не получишь!» — А. **14.** «Напасть на мганнгу, снять с него одежды и украшения, облачиться в них самому... раскрасить себе тело, взяв за образец привязанного мганнгу, и разыграть роль заклинателя дождей — все это заняло лишь несколько часов...» — П. **15.** «Зная ваше отношение к Катерине Михайловне, — продолжал он, внимательно и прямо своими добрыми глазами глядя в лицо Нехлюдову, — считаю себя обязанным ... объявить вам мое отношение к ней». — П.
16. «Да, я причастен гордой силе
И в этом мире — богатырь
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь». — А.
19. «История ума представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их следствием. Чтение и письмо открывают человеку новый мир, — особенно в наше время, при нынешних успехах разума». — А (писатель и историк).
20. «И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был». — Нз.
23. «Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю... тот прочел его наедине и нимало не был тронут откровенностию своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почел нужным показать письмо будущему тестю». — П. **24.** «*Конечно, ему хотелось взять за себя хорошенький цветочек.* Он посмотрел кругом: цветочки сидели на своих стебельках тихо, скромно, как и подобает еще не просватанным барышням...» — А. **25.** «Этому высокому, сухощавому человеку могло быть лет сорок. Он напоминал длинный гвоздь с большой шляпкой. Голова у него была круглая и большая, лоб высокий, нос длинный, рот большой, подбородок острый. Глаза скрывались за огромными круглыми очками, и особенная неопределенность во взгляде говорила о никталопии». — П. **26.** «Целый вечер мы с Мишкой звонили друг другу и *выдумывали разные фокусы: пели, кричали, рычали, мычали, даже* шепотом разговаривали — все было слышно». – Нз.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин...» — Нз. **2.** «Глава *семейства, Владимир Михайлыч... еще смолоду был известен своим* безалаберным и озорным характером... Он вел жизнь праздную и бездельную, чаще всего запирался у себя в кабинете, подражал пению скворцов, петухов и т. д. и занимался сочинением так называемых «вольных стихов». — П. **4.** «То было последнее ее письмо, которое писала она и перечитывала по ночам. Что было в нем написано, знали только бог, да Сакс, да сама...» (имя по названию повести).
5. «Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу». — Нз.
9. «Летите, голуби, летите,
Для вас нигде преграды нет!
Несите, голуби, несите
Народам мира наш привет!». — А.
10. «Ночью на вахте стоял индеец... Он был ближайшим помощником капитана Педро Зуриты, владельца шхуны...» — П. **11.** «Катерина Львовна не родилась красавицей, но была по наружности женщина *очень приятная. Ей от роду шел всего двадцать четвертый год...*» – П. **12.** «Во всю дорогу был он молчалив, только похлестывал кнутом, и не обращал никакой поучительной речи к лошадям...» — П. **13.** «Напрасно я пытался отыскать Альфу Водолея, к которой улетал «Прометей». Эта область Галактики была мне совершенно неизвестна». — Нз. **17.** «Пишите: «А роза упала на лапу Азора». Написали? Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот». — П. **18.** Собралось столько пленительных женщин, что трудно было решить, кому отдать пальму первенства, но после недолгих колебаний царицей бала единодушно провозгласили княжну Ванину...» — А. **21.** «Осужденный на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, ее записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна». — А.
22. «*Играйте же, дети! Растите на воле!*
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно». — А

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12 ЗА 1988 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Кадрусс («Граф Монте-Кристо»). 7. Дадон («Сказка о золотом петушке»). 9. Мухин («Золотой теленок»). 11. Нилин («Испытательный срок»). 12. Скотт («Айвенго»). 14. Гашек («Похождения Швейка»). 15. «Жаворонок» (В. Жуковский) 16. Артур («Овод»). 18. Алеко («Цыган»). 23. Левин («Анна Каренина»). 24. Толстой А. К.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гаршин («Красный цветок»). 2. Эсборн («Брак Августа Эсборна», А. Грин). 4. «Сонет» (М. Лермонтов) 5. Дымба («Свадьба»). 6. «Телеграфист» (А. Куприн). 8. «Декамерон» (Дж. Боккаччо). 10. Хлестаков («Ревизор»). 13. «Театр» (С. Моэм). 14. «Гроза» (А. Островский). 17. «Узник» (А. Пушкин). 19. «Лолли» (А. Куприн). 20. Сурков («Песня защитников Москвы»). 21. «Трифон» (А. Чехов).

ФОНДА

Рабочая династия из Голливуда

Юрий КОМОВ

Эта книга вышла в свет 15 лет назад, название у нее — вполне американское: *«Легендарное семейство Фонда».* Полтора десятилетия — срок немалый, и много воды утекло. Основатель династии, Генри Фонда, скончался в 1982-м. Его дочь, знаменитая Джейн Фонда, которая в СССР больше известна, пожалуй, не как великолепная актриса (о фильмах с ее участием советские зрители слышали много, но видели их мало), а в качестве активного участника развернувшегося во второй половине 60-х — в 70-е годы движения против агрессии США во Вьетнаме, недавно перешагнула юбилейный рубеж, хотя находится в блестящей форме. Ее брат Питер, которого как актера и режиссера знают у нас только специалисты, давно остепенился и не похож, естественно, на представителя американской молодежи бунтовавших 60-х. Многое изменилось, многое в прошлом — и у людей, о которых пойдет рассказ, и у нас самих, и в мире, где живем. Но не перестали интересовать человека судьбы ему подобных, в каких бы частях света они ни обитали, чем бы на хлеб насущный себе ни зарабатывали, каких бы убеждений ни придерживались.

И наш рассказ все же не о рабочей династии из Голливуда, а о Генри, Джейн и Питере, американцах, людях, об одинаковой — на всем земном шаре — проблеме отцов и детей. Вот ведь крутится, как волчок, юла в пространстве, планета, на которой живем. И покрыта она — вся земля — трещинами, огромными разломами. Некоторые из них, возможно, бездонны, постоянны. Например, между теми, кто имеет все, теми, кто не имеет ничего, и теми, кто имеет что-то; или расовый, или национальный разломы, которые то сужаются, то расширяются по обе стороны океана. Складывающаяся при этом ситуация не может, вероятно, не влиять на все активнее протекающий процесс самоизоляции людей друг от друга и даже больше — оторванности от собственного внутреннего мира, от бессмертной души. Наверное, один из таких разломов разделяет теперь уже и два континента: прошлое и настоящее — не важно чье, наше ли, американское. Редко знаем мы хоть что-то о своих предках, родословную проследишь разве что в древней благородной фамилии. И жизнь бабушек-дедушек — уже загадка, да и о родителях — сведения самые общие и отрывочные. А ведь какие богатые биографии — весь век двадцатый. И чего только не было...

Прежде чем небольшой городок Гранд-айленд стал знаменит как место рождения актера Генри Фонда, он слыл занятной достопримечательностью в путеводителе по штату Небраска: в свое время родился и жил здесь «чемпион мира по жевательной резинке», одновременно засовывавший в рот 300 пластинок. Рекорд, достойный Книги Гиннесса. Генри Фонда рекордов не ставил, но жизнь прожил достойную и интересную, по сей день он считается в голливудском кинематографе классическим олицетворением героя честного, работящего, человека надежного, цельного, идеального среднего американца. И в жизни он стремился к тому, что проповедовали с экрана его персонажи. Хотя все было куда как сложней, чем по сценариям: всегда образец семьянина, он пять раз был женат; когда-то бедный инструктор по гимнастике, потом нищий актер — стал владельцем 5-этажного особняка на Манхэттене в центре Нью-Йорка и дома в Бель-Эре, райском уголке Калифорнии; до конца жизни не утратил желания браться за кисть, с детства рисовал отменно (картины его теперь в большой цене) — но с не меньшим удовольствием пополнял свою прекрасную коллекцию антиквариата, благо в 70-е, в зените славы, получал по четверть миллиона долларов лишь за то, что появлялся на несколько мгновений в рекламном ролике. Детей своих обожал,

но когда подросли — понимать отказывался. Чересчур стали самостоятельными — создавали себя сами, как он в свое время. Только время было другое. И как быстро оно пролетело...

Предки Фонда оказались в Америке еще в XVII веке, перебрались из Италии сначала в Голландию, а потом и в Новый Свет. А Генри Джейнс Фонда родился 16 мая 1905 года в семье владельца небольшой типографии. Среди своих сверстников выделялся разве что физическими способностями — спортсменом был разносторонним. После окончания школы в Омахе — учеба в университете штата Миннесота. Мечтал стать журналистом, писателем. Случайно предложили работать в театре, в 20 лет дали первую роль, включили в труппу, но профессиональным актером быть не собирался, считал это работой несерьезной и временной.

В 22 года — первый приезд в Нью-Йорк, на Бродвее в течение недели посмотрел девять спектаклей: глаза загорелись. В провинцию вернулся другим человеком: цель появилась. Решил искать серьезный актерский коллектив, так оказался в Массачусетсе. Денег, впрочем, на новом месте не платили — предоставляли жилье и кормили. Но поучиться было чему. Четыре лета работал в местной труппе и четыре зимы проводил в Нью-Йорке. Снимал комнатушку, приучил себя жить всего на несколько центов в неделю. Часто пробавлялся одной водой. Пакет риса растягивал надолго. В «диету» входили большие надежды.

Вокруг все были молоды, и все мечтали. На одной из репетиций познакомился с Пэгги Салливан, девицей из кордебалета. Она грезила актерской карьерой с 6 лет и любила повторять: «К 35 годам у меня будет миллион долларов, пять детей и весь Бродвей у ног». Шел 1929 год. Пожениться они все никак не могли — пугало нищенское, полуголодное существование.

На Рождество 1931 года все-таки зарегистрировались. Ему уже было 26, а перспектив никаких: конечно, переживал. Пэгги на жизнь смотрела проще, ее смазливенькое личико привлекало продюсеров. И карьера ее пошла в гору: сначала Бродвей, потом Голливуд. Разошлись они как-то само собой.

Генри перебивался случайными ролями. Мотался по разным провинциальным театрам. И только в 1934-м, когда было уже почти 30, подписал первый договор с голливудской компанией, снялся в фильме по пьесе «Фермер выбирает жену», в которой его заметили. И замелькал голливудский калейдоскоп. Соглашался играть, смело можно сказать, во всем подряд: четыре-пять картин в год как минимум. Появлялся в мелодрамах, комедиях, вестернах, фильмах приключенческих. И что ж с того — весь материал оказывался проходным: зарабатывал уже десятки тысяч долларов, а звездой не становился. Помогла встреча с великим режиссером — Джоном Фордом (1895—1973). Сыгранные в его трех фильмах («Юный мистер Линкольн», 1939, «Барабаны вдоль Могаука», 1939, и «Гроздья гнева», 1940) роли вывели Генри Фонда в когорту лучших мастеров Голливуда. Особенно удачной была экранизация знаменитого романа Стейнбека: образ Тома Джоуда, обездоленного фермера, решающего бороться за справедливость, удался как нельзя лучше. Сам Стейнбек, с которым до конца дней связывала дружба, был в восторге. Не раз потом признавался, что другим своего героя и не представлял.

В «Гроздьях гнева» Генри играл с упоением, он знал, что это его роль, он так хотел ее получить. И чтобы добиться желаемого, пришлось подписать со студией «20-й век — Фокс» контракт на 7 лет. Такова была в те годы голливудская практика, звезд старались эксплуатировать планово — у самых известных исполнителей были подобные контракты: Кларк Гейбл трудился на «Метро-Голдвин-Майер», Эррол Флинн — на «Уорнер бразерс», Фред Астер — на «РКО». А если на своих студиях работы не было, дабы избежать простоев, актеров «сдавали в аренду». Доля эта была незавидная, но статус звезды обязывал. Голливуд теперь стал частью жизни и не отпускал.

Но дома Генри старался бывать чаще — подрастали дети. В 1936-м Фонда женился второй раз. Фрэнсис Брокау тоже уже была замужем, за миллионером, растила ребенка. В 1937 году у них родилась дочь Джейн, через два года — сын Питер. Генри осуществил свою заветную мечту — купил ферму, где любил сам пахать на тракторе, ухаживать за фруктовым садом. Детям здесь было раздолье. Дом на Тайгертейлроуд любили посещать друзья, люди в Голливуде известные: Джон Уэйн, Джимми Стюарт, Джон Форд. Они не переставали удивляться фермерским пристрастиям Генри и относились к ним как к чудачеству. И сами любили поозорничать: часто приходили в гости, одетые как настоящие ковбои; не снимая широкополых шляп, садились вокруг большого стола, над которым, укрепленные на колесе от телеги, пылали свечи, вынимали и клали рядом с собой настоящие кольты и играли в карты, — в кино ходить было не надо. Джейн и Питер смотрели на эти сцены широко открытыми глазами.

Два года отца не было дома. В 1943-м ушел добровольцем, служил на флоте, был награжден «бронзовой звездой». Вернулся в 45-м, вновь снимался у того же Форда («Моя дорогая Клементина», 1946, «Беглец», 1947, «Форт Апач», 1948). Зритель привык к нему, в кино шли «на Фонда». Успех стал стабильным: слава, достаток. В пригороде Лос-Анджелеса владел кинотеатром, являлся обладателем акций различных крупных компаний. И кабальный контракт с «Фокс», слава богу, кончился. И созрело решение покинуть Голливуд, перебраться на восточное побережье. Сначала обосновались в Коннектикуте, потом переехали в Нью-Йорк. Вернулся в театр, играл на Бродвее — в том числе в популярнейшей пьесе «Мистер Робертс» (1950).

В том же 1950-м покончила жизнь самоубийством мать Джейн и Питера, вторая миссис Фонда. Ей было 42, долгое время болела, содержали в лечебнице (из окна которой как-то выбросила обручальное кольцо, узнав о связи мужа с молодой актрисой). Оставила записку: «Простите, но это самый лучший выход» — закрылась в ванной и перерезала бритвой горло. От детей все эти подробности скрыли, сказали, что у матери не выдержало сердце. Вскоре после самоубийства Фрэнсис Генри Фонда женился на Сюзан Бланшар: в 1953-м они удочерили девочку, Эми, но брак все равно был недолгим. В 1957 году — новая брачная церемония, с графиней Франчетти: познакомились они в Риме, где он участвовал в съемках «Войны и мира» (кто видел этот фильм режиссера Кинга Видора, вряд ли забудет его Пьера Безухова). На следующий год снялся у режиссера Сидни Люмета в «12 разгневанных мужчинах». Эти роли принесли еще большее признание зрителей и критики. Сам о себе говорил: «Я — актер, и этим, пожалуй, все сказано, я и хочу быть актером... Мне удается определенный типаж — честные глаза, открытое лицо — и вот вы уже готовы сказать, что всегда хотели походить на такого человека... Боже ж мой, скольких трудов это стоит, но главное, чтобы поверили, — вы не просто играете, вы живете этим... А когда твердят о голом актерском мастерстве — значит, что-то не получилось».

Но актерских неудач у Генри Фонда почти не было. И все вроде бы складывалось теперь гладко. Как и у большинства людей его круга. Даже неожиданное самоубийство первой жены, Пэгги Салливан, сделавшей-таки блестящую карьеру и сколотившей, как мечтала, миллион, не вывело из равновесия. Не успели еще озадачить и дети: хотя уже выбирались под свет голливудских юпитеров. Джейн поражала целеустремленностью. Сама пришла в мастерскую к Ли Страсбергу, которого в Нью-Йорке справедливо называли «проповедником метода Станиславского». Занималась истово. Но все карты смешал ее успех в роли манекенщицы — не на экране, а на страницах журнала «Вог» (июль 1959 г.). Закрутилось бешеное колесо рекламы. В первых интервью — легкомысленные ответы: замуж не хочет, но ребенка родить не прочь, деньги особенно не волнуют.

Питер учился в университете в Омахе. Играл в студенческом театре, но без особого энтузиазма. Пройдя через озорные кутежи юности, остепенился. Вскоре женился, вступил в члены местного клуба — образ жизни вел чинный и благородный.

Джейн «радовалась жизни», к тому же и ее стали приглашать сниматься в кино. Роли были небольшие, но заметные. Вскоре обратил на нее внимание и большой мастер — Джордж Кьюкор (1899—1983), известный «женский режиссер», делавший великолепные картины с Джуди Гарленд, Гретой Гарбо, Джоан Кроуфорд, Кэтрин Хепберн, Анной Маньяни, Одри Хепберн (советскому зрителю знакомы такие его работы, как «Газовый свет», 1944, «Моя прекрасная леди», 1964, «Синяя птица», 1975). На этот раз Кьюкор собирался экранизировать нашумевшую «сексуальную вещь» Ирвинга Уоллеса «Доклад Чэпмена», внешние данные Джейн подходили, согласие сниматься она дала.

Вскоре в Голливуде оказался и Питер. За свою первую

роль он получил 15 тысяч долларов и сразу дал интервью журналу «Плейбой»: заявил, что сначала очень хотел походить на двух элегантных джентльменов — своего отца и героя романов Иэна Флеминга, агента 007 Джеймса Бонда, но это прошло, после того как стал... потреблять наркотики...

Популярность актрисы Джейн Фонда ширилась, становилась, как сказали бы у нас, всенародной. И это несмотря на то, что роли были одноплановые, из сексуальной серии. Ее уже сравнивали с Сандрой Ди и Мэрилин Монро, голливудскими «кошечками». Роль в ковбойском бурлеске «Кэт Бэллу» (1965) упрочила эту репутацию. Коллега Ли Марвин получил за участие в этой картине знаменитый приз американской академии киноискусства «Оскар», а она... титул «секс-котенка с самой симпатичной в Голливуде попочкой». Мимо этого не мог пройти даже знаменитый Роже Вадим, французский режиссер, приехавший на время в Калифорнию: они встретились, он предложил ей принять участие в его проектах.

Роже Вадим Племянников (эту длинную русскую фамилию, доставшуюся от родителей, он опустил) был к тому времени автором уже 10 нашумевших фильмов. В прошлом остались три брака — со знаменитейшей Брижит Бардо («И Бог создал женщину», «Бабетта идет на войну») и очень похожей на нее Аннет Стройберг, и потрясающей Катрин Денёв («Шербургские зонтики», «Девушки из Рошфора»), и у каждой из них было от него по ребенку. Джейн этот «послужной список» не смущал, решила отправиться во Францию сниматься — в жизни она стала любовницей Вадима, в его кино — обнаженной натурой.

С Питером и отцом ее почти ничто не связывало. Виделись редко. Питер снимался время от времени в эпизодических ролях, голливудские агенты по продаже талантов в его звезду не верили. Он здорово выпивал, не отказался и от наркотиков — марихуана в доме была в ходу. Когда покончил с собой один его приятель-миллионер, без ЛСД не обходившийся, в последовавшем громком скандале часто называли и его имя. Отец сильно переживал: сам он в юности пробовал марихуану лишь однажды — в те далекие времена употребляли ее, понемногу, в основном музыканты: полагали, что играть смогут раскованнее. Генри Фонда считал, что его респектабельный имидж, образ почти непогрешимый (кстати, сам он только что женился в пятый раз — Ширли Адамс, бывшая стюардесса, была на 28 лет моложе него), возбуждал у детей «желание бунтовать». Себя винил, но и с них ответственности не снимал. Когда Джейн подала в суд на журнал «Плейбой», напечатавший ее фотографии, сделанные одним предприимчивым типом скрытой камерой во время съемок картины Вадима «Игра» (я помню, как бурно реагировали на отдельные эпизоды этой ленты темпераментные жители Ближнего Востока, где пришлось тогда работать), Генри только развел руками: процесс она, конечно, проиграла, но рекламу получила хорошую. Немного успокоился он только тогда, когда на третьем году связи с Вадимом она вышла за него замуж. Теперь опасаться за «мораль среднего американца» вроде не приходилось.

Джейн же на брак тогда смотрела легко, как на необходимость, от которой всегда можно отказаться. Свадебная церемония состоялась в «азартном» Лас-Вегасе (штат Невада), в этом игорном доме посреди пустыни, где все возможно — в том числе венчание без проволочек: пять минут — и дело в шляпе. Генри Фонда отсутствовал, не успела прибыть и мать жениха. Роже Вадим забыл купить невесте обручальное кольцо — выручил свидетель, одолжил свое. Потом отправились в игорный зал, затем на шоу-стриптиз... Когда уезжали из США, не оформили брачные документы, полученные в Лас-Вегасе, во французском консульстве, а это означало, что в Париже они — вовсе не муж и жена: пришлось года через два вновь регистрироваться.

Питер получил новую роль: всего за 10 тысяч долларов снялся в картине «Дикие ангелы», поставленной известным создателем так называемых лент второго сорта Роджером Корменом. Картина была четко ориентированным, направленным посланием, адресованным определенной части американской молодежи. Никто и не ожидал, что послание это станет таким своевременным, что так много юношей и девушек на него откликнется. Действительно, в 60-е в США молодые люди, бросая вызов «обществу равных возможностей», ведя поиск «новых рубежей», нередко исповедовали бросскую независимость, нигилизм, слепое разрушение. Но что это движение настолько широко и имеет стольких, если не прямых участников, то приверженцев, никто не ожидал. Молодчики, перепоясанные цепями, вооруженные дубинками, их подруги, рано познавшие вкус бродяжничества, вкус беспутной кочевой жизни, становились героями для тех многих, кто никак — мучительно — не мог определить свое отношение к происходящим на их глазах событиям, полным противоречий. (Мы в нашей стране только сейчас столкнулись с подобной ситуацией: и наши «рокеры» и «бомжи» — это перепевы американских «диких ангелов»). Фильм Кормена с этим названием собрал миллионы зрителей и долларов. А Питер Фонда в одночасье стал звездой, правда «подпольной», ибо официальный Голливуд на подобного рода продукцию смотрел свысока. Постеры с изображением новой «хиппи-звезды» расходились в огромном количестве. Молодые бунтари боготворили своего кумира, который, кстати, стал вести абсолютно асоциальный образ жизни и общался бог знает с кем, а полиция становилась все бдительнее, зная, что в подобного рода компаниях всегда ходят наркотики. В конце концов случилось то, что должно было случиться: Питера привлекли к уголовной ответственности. Когда он явился в суд, выглядел вызывающе (советы адвоката решил игнорировать): длинные патлы, темные очки, джинсы в заплатах и куртка со множеством заклепок и молний. Как ни странно, но, не боясь огласки, поддержать сына пришел и респектабельный Генри Фонда: некоторые его, правда, не узнали — для роли, которую он должен был играть в одном из вестернов, отрастил почти разбойничью бороду. В таком виде и предстали они перед правосудием. Это, впрочем, не помешало адвокату «отбить» Питера, по части наркотиков ничего тогда так и не доказали. Но буквально через два месяца «хиппи-звезду» подвергли аресту на бульваре Сансет в центре Лос-Анджелеса, где он снимал документальный фильм о «рассерженной молодежи». На Питера Фонда завели досье, на заметку тогда брали многих. Страна переживала бурное время: протесты, манифестации, марши. Выступления Мартина Лютера Кинга собирали сотни тысяч людей, о священниках, выступающих против агрессии во Вьетнаме, знал каждый, песни Джоан Баэз звучали набатом. Америка бурлила и, казалось, вот-вот выйдет из берегов.

А Джейн Фонда жила во Франции, далеко от всего этого. Роже Вадим политикой не интересовался. Они мирно проводили дни свои под Парижем в старом доме, построенном в прошлом веке. Дом и землю купила Джейн, все это напоминало ей ферму отца в Калифорнии, счастливое детство. Держали семь собак, восемь кошек, да еще кролики, пони, куры. Друзей всегда полон дом, и еще часто приезжали бывшие жены Вадима, оставляли погостить детей. Джейн почему-то побаивалась Брижит Бардо, почтительно говорила: «Явление она просто феноменальное, никогда не потеряется в компании сильных мира сего».

Смеялись, шутили, пили вино. Говорили, болтали без умолку. «Я принадлежу, пожалуй, к числу женщин-рабынь, — говорила Джейн, — я лучше себя чувствую, когда кто-то принимает решения за меня. А Вадим всегда знает, чего хочет». Джейн была абсолютно счастлива и ждала ребенка. Впрочем, заявила: «Как бы хорошо было рожать от всех мужчин, кого любишь и уважаешь. У Вадима есть несколько друзей, от которых я могла бы иметь детей, но беда в том, что ждать слишком долго... Если бы беременность продолжалась месяца два, а не девять — тогда другое дело»...

На экраны вышел знаменитый фильм Вадима «Барбарелла», третья его картина с участием Джейн. По задумке режиссера она появлялась обнаженной, когда еще только шли титры.

Она хотела, чтобы в «Барбарелле» снимался и отец, роль нашли бы, но Генри решительно отказался, съязвив, что «обнажаться не собирается». Однако вместе с Питером ей у Вадима сняться все-таки удалось: эпизод, но для нее он почему-то значил много — из сентиментальных соображений.

Когда рожала, ей было 30. Ходила трудно. Вадим, который часто уезжал, шутил, глядя на ее раздувшийся живот: «Держу пари, что там полно воды и плавают семь красных рыбок, как в аквариуме». 28 сентября 1968 года родилась девочка (точно как предсказывала Бардо — в ее собственный день рождения), Брижит прислала телеграмму: «Вот это действительно по-товарищески». Кормить ребенка Джейн решила сама,

не боясь испортить фигуру. Сказала, что хотела бы иметь много детей, что завидует всем беременным женщинам. Все было так мило. Назвали дочь в честь актрисы Ванессы Редгрейв, перед которой Джейн преклонялась.

63-летний Генри рождению внучки не мог не радоваться, хотя Питер и сделал его уже дважды дедушкой. Но во Францию не собирался. Он по-прежнему много работал и уже стал привыкать к тому, что то там, то здесь проходили вечера, посвященные его творчеству. В 1968-м на один из них, по его просьбе, приехал старый друг Джон Стейнбек, теперь уже Нобелевский лауреат. Совсем недавно Фонда с удовольствием делал для телевидения его «Путешествие с Чарли». В том же году Стейнбека не стало, на похоронах Генри читал из любимых авторов писателя — Роберта Стивенсона и Томаса Мэлори.

Питер снимался в новом фильме Роджера Кормена «Путешествие». Снимался назло всем, хотя не советовали — вся картина о наркотиках, ну что ему мало неприятностей? Гонорар был небольшой, но, помня о сумасшедшем успехе «Диких ангелов», выговорил себе на сей раз 5 процентов со всех будущих доходов от проката ленты. Работал вместе с друзьями — Деннисом Хоппером и Джеком Николсоном. Фильм вышел на экраны, но остался незамеченным — изменчив, неуловим американский кинорынок. «Упустил я видно свое мгновение», — бормотал Питер в полузабытьи, захлестывая тоску ЛСД и алкоголем.

Джейн стала заниматься балетом, входила в форму. Рождение ребенка, по собственному признанию, сделало ее менее эгоистичной, она стала «больше любить людей, чувствовать, что все они тесно связаны». Как раз в это время довольно много читала она о Вьетнаме, беседовала с французскими радикалами, встречалась с американскими дезертирами, даже с представителями Вьетконга, приезжавшими в Париж. Многое еще было не понятно, но она видела, как растет в ней интерес к событиям в мире.

Когда предложили сниматься в картине режиссера Сидни Поллака «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», не раздумывала ни минуты: от сценария была в восторге — теперь, как и отец в «Гроздьях гнева», могла рассказать о судьбах обездоленных в страшные 30-е, когда вся Америка, казалось, была вовлечена в сумасшедший марафон выживания. И ничего от прошлых сексуальных эскапад в картине не было, хотя договор с ней, учитывая скандально-громкое имя, заключали как с суперзвездой: гонорар составил 400 тысяч долларов плюс процент от проката.

С Вадимом Джейн, по собственной инициативе, собиралась расходиться. Дом начал раздражать ее, «рабой» быть уже не хотела. В фильме играла с новым чувством большой ответственности за первую серьезную роль. Нью-йоркские критики назвали ее лучшей актрисой 1969 года. Самой еще необходимо было разобраться в огромном количестве вопросов: хотелось побыть одной. Решила совершить путешествие в Индию. Первое время останавливалась в дорогих отелях. Потому, видя вокруг ужасающую нищету, чувствовала себя виноватой, хотела помочь несчастным. Начала встречаться с простыми людьми всех каст, посещать их дома. Потом отправилась в крошечный Сикким в Восточных Гималаях — о чем только не разговаривала с американскими хиппи. Более 10 тысяч их тогда, по вполне официальным данным, искало в Индии панацею от болезней западной цивилизации. Такие «исходы» пропагандировала четверка «Битлз» и коллега-актриса Миа Фэрроу. И все же пассивное созерцание мира, нирвана ее не устраивали. Возвратилась в Лос-Анджелес. Дома поразила вдруг нищета и бесправие американских индейцев, не где-то далеко, а здесь, в Америке, которую им пришлось уступить белым пришельцам. «Что я могу сделать для своих соотечественников?» — задавала себе вопрос. Мучилась. Вовсе странные, казалось бы, мысли приходили в голову «секс-котенку» (помните?). Но она понимала, что пока это только порыв — не хватает знаний. Она глотала политическую литературу, хотела наверстать упущенное время. Жаждала активной деятельности — не просто быть меценатом, жертвующим от больших доходов на либеральные мероприятия, но самой оказаться в гуще беспокойных людей, понять, чего они добиваются.

Приняла решение поездить по Америке, увидеть все своими глазами. Это было необычно — голливудских звезд (в дорогих мехах и бриллиантах) не увидишь на пыльных дорогах американской «глубинки». Она путешествовала в потертых джинсах, без косметики на лице, простоволосая, и не в лимузине, а автостопом. Сопровождала ее старая знакомая, Элизабет Вейланд, член французской компартии.

Перед тем, как отправиться в путь, случайно оказалась на вечеринке у Майка Николса (псевдоним Михаила Игоря Пешковского), уже известного тогда режиссера, автора фильмов «Кто боится Вирджинии Вулф», «Выпускник», «Уловка 22». Там встретила Антониони и Фреда Гарднера, работавшего вместе с ним над картиной «Забриски-пойнт» (о проблемах бунта молодого поколения), музыку для которой создал знаменитый потом ансамбль «Пинк Флойд». Узнав о намерениях Джейн, Гарднер, активист антивоенного движения, посоветовал посетить так называемые солдатские кафе. Первое подобное заведение появилось в Калифорнии осенью 1967 года. Полиция сразу взяла его под наблюдение: владельцев при первом удобном случае подвергли аресту, оштрафовали — в кафе велись далекие от лояльности стопроцентных американцев разговоры. Но вскоре открылись десятки новых «солдатских кафе», в том числе близ военных баз в ФРГ и Японии.

Первое общественное выступление Джейн состоялось именно перед солдатами, в Форте Льюис. Она предложила поговорить «о войне и других социальных вопросах, представляющих интерес для всех американцев: расовая несправедливость, права трудящихся». Не прошло и получаса с начала беседы — ее арестовали. Часа четыре одну держали взаперти, с адвокатом связаться не разрешали. Она тщетно требовала уважения своих гражданских прав: «Вы находитесь на территории военной базы, — хладнокровно объясняли ей, — здесь ваши права теряют силу». Но она была не из робкого десятка: растянулась на полу и сказала, что не двинется с места, пока не разрешат позвонить адвокату. Это был первый в ее жизни акт гражданского неповиновения — на дворе стоял март 1970-го. Джейн выставили за ворота базы, предупредив о нарушении армейского распорядка: коль появится здесь еще раз, по закону — полгода тюрьмы и крупный штраф. До конца мая подвергали аресту трижды. Так началась ее «личная война» против Соединенных Штатов Америки.

Колесила по всей стране. Радикализм ее выступлений нарастал: Невада, Айдахо, Колорадо, Юта — весь либерализм оставила в Лос-Анджелесе. В Нью-Йорк добралась, через континент, уже в ранге «отъявленного бунтаря». «Как революционерка готова поддержать любое радикальное движение», — такое сделала заявление и не испугалась. Открылась новая жизнь.

Стала распродавать роскошные наряды, недвижимость — таким это все теперь казалось пустым. Ходила в пикеты, на демонстрации, морально и материально поддерживала любое «святое дело». «Дошла до того», что установила связь с членами организации «Черные пантеры», — это было неслыханно: ведь по понятиям «честных американцев» и спецслужб именно они собирались развязать настоящую партизанскую войну, прибегнуть к террору. И вот голливудская звезда вместе с ними — мало ей индейцев и «вьетнамских пораженцев».

Она действительно встречалась с лидерами «черных пантер». Эти ребята ей нравились, а то, что они организовывали помощь беднякам (чернокожим и белым) в городских гетто, было просто благородно. Она должна быть с ними. Часто видели ее теперь с Хьюи Ньютоном, недавно выпущенным из тюрьмы, пошли слухи, что она стала любовницей этого лидера «пантер». Джейн даже не пыталась оправдываться или опровергать. Положение ее становилось опасным: заявление — «Пантеры — вовсе не расисты, расисты — те, кто их убивает» — могло стоить ей жизни.

Роже Вадим «весь этот бред» понимать отказывался.

Питер, как ему казалось, понимал ее больше, чем другие. «Джейн и я, — говорил он, — становимся легкой добычей людей, которые бы хотели вовлечь нас в свои авантюры». «Пантер» он действительно считал опасными преступниками, а ко всему остальному относился скептически. Теперь мог себе это позволить. Картина «Беспечный ездок», идею которой вынашивал долго, сделала его миллионером. Он все обговорил с друзьями. Деннис Хоппер написал сценарий по его истории и поставил фильм. Вместе с Джеком Николсоном Питер исполнял главные роли, а компания «Коламбиа пик-

черз» выделила не такие уж значительные средства для финансирования проекта. Ничего экстраординарного в идее картины деловые люди не увидели и с легким сердцем включили в договор пункт, по которому Питер Фонда получал 22 процента от всех возможных (скромных, как они считали) будущих доходов от проката ленты. И как это эти умные люди не заметили стопроцентности идеи, почти беспроигрышной, думал он: в стране — такие дела, все идет кувырком, американцы в форме национальных гвардейцев убивают американских студентов, а здесь — чуть-чуть наркотиков, немного мотоциклов, самую малость — протеста, небольшой полубессмысленный вояж по сумасшедшей стране, иногда — секс, но все это показано так честно! Билеты в кинотеатры на «Беспечного ездока» достать было невозможно. На международных фестивалях маститые критики аплодировали фильму стоя.

А у Питера рождались новые планы — сделать документальный фильм о загрязнении окружающей среды и выхолащивании души, о ядовитых помойках цивилизации и о моральном падении человечества, погрязшего в ненависти, живущего в мире, отравленном непониманием.

Параллельно с этими планами он хотел купить ферму, приобрести землю, он хотел стать владельцем большой яхты и совершить кругосветное путешествие, бросив все, растворившись в океане. Друзья по бесшабашным годам юности (ЛСД и прочее) исчезали один за другим из круга его знакомых, осуждали Питера, говорили, что деньги портят.

Джейн купалась в блицах внимания. Куда бы она ни ехала, повсюду за ней следовали: только теперь она знала, что среди «почетного эскорта» — не одни репортеры, но и агенты спецслужб. Она не перестала быть звездой и хорошей натурой, но, кроме того, превратилась и в объект наблюдения. Кто только не принимал участия в операциях, где ей отводилась главная роль, — и ФБР и ЦРУ, и даже таможенная служба. В аэропортах ее багаж перерывали особенно усердно. Один раз забрали телефонную книжку и вернули, лишь пересняв каждую страничку, другой — отобрали витамины и отправили на анализ на предмет выяснения количества содержащихся в них наркотических веществ. У нее не раз конфисковывали и прослушивали магнитофонные записи бесед с американскими солдатами. Выручал адвокат — Марк Лейн (кстати, один из первых юристов, кто посмел заявить, что президент Джон Кеннеди погиб в результате заговора, а не действий убийцы-одиночки), хлопот у него с ней было предостаточно.

Генри Фонда устал осуждать дочь, сам всегда придерживался «традиционных» взглядов. Ему симпатичны были политические деятели либерального толка, но когда предпринималась эскалация военных действий США в Юго-Восточной Азии, без колебаний давал согласие посетить военные базы и принять участие в «патриотических» шоу (верно, что и Стейнбек поступал так, за что в свое время навлек на себя в нашей стране гнев идеологического начальства — издавать его произведения на какое-то время перестали). Генри Фонда всегда был против участия Питера в маршах мира на Вашингтон, постоянно внушал ему, что есть вещи более неотложные, и вот сумел повлиять: мальчик образумился. Он надеялся, что и с Джейн рано-поздно так будет. Впрочем, кто знает, в этом странном мире не ведаешь, что случится завтра. Стоило ему самому в одной из передач по телевидению почитать отрывки из речей Авраама Линкольна, как получил поток писем, где его называли «коммунистом» и обещали «шлепнуть». Он пришел в ужас.

А Джейн к подобному привыкла. И знала, как себя вести. Терялась в других обстоятельствах: когда обвиняли в том, что пользуется привилегиями, в которых другим отказано, когда упрекали богатством. Что отвечать — не знала: ужесточала режим, вела аскетический образ жизни. И вдруг, появившись для выступления в районе, где обитали люди со средним достатком, получала «фе» и «фу» от тех, кто пришел не на агитатора, а на звезду.

Да — звезда, и сниматься продолжала. В картине «Клют» великолепно сыграла проститутку высокого полета — была удостоена «Оскара», первая в их актерской семье. Критики писали: «Даже те, кто осуждает Джейн Фонда за то, что не вписывается в стандартный образ кинозвезды, не могут отказать ей в таланте». А она продолжала оказывать поддержку молодым американцам, отказавшимся воевать во Вьетнаме, вела разъяснительную работу, чтобы знали о рассказах ветеранов, обо всех этих ужасных вещах: как сбрасывали пленных с вертолетов, как упражнялись на них в штыковых приемах, как убивали младенцев. Эти ужасы, кстати, — далеко не полный набор, с помощью которого уже в 80-е Голливуд станет формировать у молодежи представления о Вьетнаме. Все, однако, поставят с ног на голову. Садистами и мучителями станут «красные», а Рэмбо и ему подобные победным маршем, под звуки патриотических мелодий и крики «ура», пройдут по их трупам.

Говорит Шон Келли, молодой преподаватель университета в Огайо: «Мне исполнилось 24, был я чуть старше своих студентов. Они называли меня профессором Келли. Между нами шесть — семь лет разницы, но когда я говорил об ансамбле «Роллинг Стоунз», это для них было пустым звуком. Разрыв чудовищный. Они родились в 67—68-м, они из того «темного поколения», когда о Вьетнаме молчали. Они понятия не имеют, кто такой Никсон. Все их знания о Вьетнаме — из телесериалов и кинофильмов на патриотические сюжеты: раз американцы отправлялись туда — значит на выручку пленных соотечественников. Рэмбо для них — идеальный пример, войну на экране им как бы прокатывали заново, ее историю переписывали в жанре шоу. Были среди моих студентов и такие, что говорили о нашей победе во Вьетнаме. По голливудской версии мы всегда знали, что делали, и всегда были правы. Невинного никогда не обижали, а смерть на поле боя — вообще дело славное.

Я спросил их, если завтра мы объявим войну Никарагуа, готов ли кто из них отправиться туда без промедления. Все, кроме двоих, ответили утвердительно. «А за что вы будете драться? — продолжал я. — Кого мы поддерживаем? Правительство Никарагуа?» Двое знали, о чем идет речь, 26 других вообще понятия не имели, на чьей мы стороне... Их абсолютно ничто не колышет, пусть даже убьют их или они начнут убивать бог знает кого и за что-то, о чем они и не слышали, не то что понимали».

Я привел это интервью с американцем, чтобы, прервав разговор о Генри, Джейн и Питере, вспомнить о трещинах-разломах, пролегших между поколениями, между прошлым и настоящим. Прежде чем продолжить рассказ — еще только один штрих из сегодняшней жизни Америки: учителя упрекают учеников в невежестве — и часто правы. Корят они их в бессердечии, хотя тому есть объяснение: уверена часть молодежи, что еще при жизни их поколения наступит «страшный суд», а потому — все трын-трава. Ведь люди, родившиеся через четверть века после Хиросимы и Нагасаки, — уже не дети, а внуки атомного века, они и представить себе не могут то время, когда не было ядерного оружия. Поневоле ожесточишься. И вот уже проклинают молодые люди жертв СПИДа («Смерть им!») и призывают изолировать их как прокаженных. Но почему же, вдруг с изумлением констатируют американские социологи, эти жестокие юноши и девушки тихо и растерянно плачут в темноте кинозала, где на экране проходят перед ними документальные кадры, повествующие об их соотечественниках, умирающих от чумы XX века? Почему перемежают они проклятия плачем? Может быть, появляется у этих молодых людей что-то, чего не рассмотрели пока дальновидные футурологи?

Слушая дочь, рассказывающую о зверствах американцев во Вьетнаме, Генри упрямо твердил, что его сограждане такого делать не могут (разве они фашисты?). Представь мне реальные доказательства этого, говорил он Джейн, и я отправлюсь к президенту США, чтобы заявить протест. Она привела вьетнамских ветеранов в его дом, и он, выслушав их, сказал: «Не знаю, что еще могу сделать, я ведь уже стал поддерживать все мирные инициативы».

После совместной работы над картиной «Клют» Джейн часто общалась с актером Дональдом Сазерлендом. Было у них желание создать комедийную труппу, подготовить шоу с антивоенной тематикой и организовать выступления в армии. Идею поддержали многие — Майк Николс, актеры Эллиот Гулд и Дик Грегори, несколько рок-групп. Мечтали покончить с монополией Боба Хоупа, известного комика, исправно веселящего военных в одном и том же ключе не один десяток лет. Его шоу стали образцом патриотического профессионализма, работы в своем амплуа на благо отечества. Пусть зазвучат, говорила Джейн, и другие голоса, и будут они адресованы тем солдатам, кто устал от фанфар и пушек, бомб и

конфетти. Хорошая была задумка. Но чтобы выступать, нужно официальное приглашение от любого командующего крупным подразделением — такого в Пентагоне не нашлось. Поизучав сценарий, ознакомившись с текстами («армия — мать ее в душу»), генералы приходили к выводу, что «подобные шутки вредно скажутся на морали личного состава».

Но Джейн Фонда неутомима. Она осуществляет другой свой план — отправляется во «враждебный» Вьетнам, к противнику: она беседует с пленными соотечественниками, она видит результаты варварских американских бомбардировок, она выступает по ханойскому радио. Такого ей простить не могли: значительная часть зрителей и даже бывших поклонников, сперва просто подуставших от «левых закидонов озорной звезды», теперь шлют тысячи писем в газеты, в госдеп, в спецслужбы. В конгрессе раздаются голоса с требованием ее немедленного ареста по обвинению в государственной измене. Воистину стала она «первой дамой новых левых», уступая разве что Анджеле Дэвис...

Джейн крики ярости сносила стоически. Отец этих криков боялся и каждый раз вздрагивал. Питер их не слышал — он все-таки купил за четверть миллиона шикарную яхту и отправился на Гавайи. Вскоре после этого путешествия, правда, разошелся с женой (а Генри всегда считал их брак незыблемым). В январе 1973-го и Джейн, наконец, официально развелась с Вадимом. И ровно через три дня вышла замуж за 33-летнего Тома Хейдена, товарища по антивоенным выступлениям. Отцу она также сообщила, что ждет ребенка. Генри ответствовал, что его давно ничем не удивишь — в конце концов у детей своя жизнь: «И пусть все происходит как бы само собой. И надо продолжать жить и радоваться, и не позволять времени подтачивать себя. Надо обязательно выжить».

Во второй половине 70-х Джейн Фонда играет в целом ряде фильмов, где проявляет себя как актриса яркого гражданского темперамента, одна за другой выходят на экраны картины «Джулия» (дуэт Джейн Фонда — Ванесса Редгрейв оставлял необыкновенное впечатление), «Китайский синдром», «Электрический наездник». Интересно отметить, что хотя Джейн не простили «вьетнамской эпопеи», времена изменились. В конце 70-х Голливуд сам стал делать картины на ранее почти запрещенную вьетнамскую тему: в их ряду, конечно, фильмы разной художественной ценности, среди лучших — «Возвращение домой», антивоенная лента, за исполнение главной женской роли в которой Джейн в 1979 году получила второго своего «Оскара», высшую награду коллег по киноискусству. И в том же году, едва она решительно осудила клеветническую кампанию, развязанную в США в связи с «проблемой вьетнамских беженцев», карательные действия не замедлили последовать. «Вон эту красную из Голливуда!» — вопили, как и раньше. Джейн вновь обвинили в «предательстве национальных интересов США», а законодательная ассамблея штата Калифорния даже вывела актрису («Джейн-Ханой» — называли и так) из состава своей комиссии по делам искусств.

В начале 80-х голос Джейн звучит так же твердо: «В этой стране столько серьезных проблем, как и в мире вообще. И как мать — особенно как мать — я хочу сделать все возможное, чтобы у детей было будущее и надежда». Не боится ли она осиротить своих детей — злой вопрос репортера. «Да, я знаю, что за мной следят, что разговоры подслушивают. ФБР заставляет администрации банков сообщать обо всех моих финансовых операциях — якобы в интересах национальной безопасности. Недавно собирались похитить мужа, увезти его в Мексику и кастрировать. Нет, паранойей я не страдаю, все это вещи реальные». «Кстати, это правда, что Том Хейден собирается выставлять свою кандидатуру на выборах в сенат Калифорнии?» Да, и она ему помогает вести избирательную кампанию. На вопрос, довольна ли собой, понимает ли, кто она — активистка, актриса: «Я вхожу в число наиболее влиятельных женщин этой страны». Не слишком ли? А что: разве не осуждала она последовательно и неуклонно вьетнамскую агрессию — и разве не стала эта авантюра стыдом и горем Америки? Разве не клеймила она Никсона, члены администрации которого преследовали ее, — и разве не оказались они сами, во главе с президентом, замешанными в позорном «уотергейтском» деле? И разве не грозным предупреждением и американцам, и нам прозвучала картина «Китайский синдром», поставленная принадлежащей ей компанией, хотя подкалывали ее и подшучивали над «чрезмерной мнительностью» новоявленного защитника окружающей среды, хотя был одно время популярен в США ехидный лозунг: «Атомные электростанции — в лучшей форме, чем Джейн Фонда»?

И уж чего-чего, а умения держать себя в форме ей действительно не занимать. Она обрела огромную известность и на новом поприще, стала горячим энтузиастом и популяризатором аэробики. В начале 80-х именно ей удалось заразить своей неуемностью миллионы людей, раньше и не слышавших о танцевальной гимнастике. Она стала организатором и владельцем целой сети оздоровительных центров, а ее книга «Сборник упражнений Джейн Фонда» («Тренировка») долгое время не покидала список бестселлеров.

И когда только все успевала. Как бы не надорвалась — злословили по углам. В 1983-м пронесся даже слух, что заработала инфаркт. Пришлось выступить по телевидению в передаче «Доброе утро, Америка» (канал Эй-Би-Си): «Чувствую себя прекрасно, — заявила Джейн, — говоря словами Марка Твена, слухи о моей смерти явно преувеличены. Видно, кто-то очень хочет, чтобы я слегла, мало ли правых фанатиков».

Послушал бы ее сейчас отец: «Ну вот, опять, — возможно сказал он, — не может удержаться». Генри Фонда скончался в августе 1982-го, ему было 77. Но они многое успели до его кончины — эти члены рабочей династии из Голливуда. С Питером отношения вновь установились самые теплые, они простили друг другу взаимные обиды и недомолвки; сын первый позвонил ему и пробормотал, краснея: «Я люблю тебя, па». И Генри сказал, что начинает даже понимать этого безумного «беспечного ездока», и ведь он сам читал со сцены не только Шекспира, но и Боба Дилана. И Джейн простила грубость отца, когда он бросил ей после выдвижения актрисы на первого «Оскара»: «Надеюсь, приз получать не придется, а то еще вытащить на сцену одного из своих вьетнамских ветеранов подержать в зубах статуэтку». И ведь в конце концов он и сам в стороне от социальных битв не оставался: еще в 1938-м вместе с другими подписал призыв к президенту Рузвельту прекратить торговые отношения с гитлеровской Германией. И впоследствии поддерживал деятелей либерального толка — Эдлая Стивенсона, Дж. Макговерна или Юджина Маккарти (поставившего, кстати, во главу угла своей предвыборной — 1968 год — кампании за место в Белом доме лозунг прекращения войны во Вьетнаме). Джейн так хотела теперь, чтобы снялись все втроем в одном фильме. Служащие ее компании искали подходящий сценарий. И удалось сыграть, правда лишь с отцом, — но какой это был фильм, «У Золотого озера»! Фильм, достойный последнего года жизни Генри Фонда. Фактически, он сыграл самого себя: старого человека, сползающего к смерти, страшащегося неизбежного. И Кэтрин Хепберн в роли его жены, поддерживающей в нем последние силы, хотя и ее закат близок, была так же точна и безукоризненна, потому что чувствовала то, что играет: «Старость тянется так долго. И не противно ли гнить заживо! Ну кому это не наскучит? Но нельзя бояться, нужно бросить вызов!» Два великих актера, проживших долгую голливудскую жизнь (95 экранных лет на двоих и 129 работ в кино, не считая театра и телевидения), они понимали друг друга без слов. И Джейн, наконец обретшая отца и понимающая, что он уходит туда, откуда не возвращаются, была сама собой в этой роли. «Мы оба отдавали себе отчет, — рассказывал Генри, — что в каком-то смысле это история и наших отношений, это та боль, которую мы чувствовали как отец и дочь в реальной жизни. Джейн иногда не могла сдержаться. Была сцена, когда она пытается установить с отцом утраченный контакт, а я играю так, как будто не понимаю, чего она хочет. И она плакала, играла и плакала. И вся съемочная группа рыдала. И Джейн говорила мне шепотом: «Вот видишь, у всех проблемы с отцами»... Генри делал паузу и заканчивал очень нежно: «Я так люблю Джейн».

Единодушным было решение членов киноакадемии: Генри Фонда и Кэтрин Хепберн были названы лучшими актерами года (а Джейн получила «Оскара» за лучшее исполнение вспомогательной роли). Генри, выдвигавшийся на «Оскара» еще за «Гроздья гнева» (но лишь в старости удостоенный «почетного приза за большие заслуги перед кинопромышленностью»), своего первого рабочего «Оскара» принять на торжественной церемонии не мог — не хватало сил: сердце уже несколько лет билось с помощью искусственного стимулятора. На сцену вышла Джейн и благодарила от имени отца и смахивала набегавшие слезы, а он сидел в кресле перед телевизором (прямую

трансляцию «оскаровского» шоу смотрят сотни миллионов телезрителей в доброй сотне стран) и плакал, не таясь...

Исполняя последнюю волю отца, дети кремировали тело, официальных похорон не было: «Терпеть не могу подобных церемоний», — сказал Генри Говарду Тейчманну, помогавшему ему писать автобиографию, которая, по стечению обстоятельств, в том же последнем для него 1982-м увидела свет.

Простая история, случившаяся «у Золотого озера», где провели свое последнее лето вместе герои картины, тронула сердца огромного числа людей. И роль в этом фильме стала вершиной творчества старого актера, так хотевшего, чтобы поняли его и собственные дети и многие вовсе не знакомые ему люди.

В 1986-м появятся на видеорынке новые кассеты Джейн с уроками аэробики, а в картине «На следующее утро» известного режиссера Сидни Люмета (30 лет назад снимавшего ее отца в «12 разгневанных мужчинах») она сыграет, к удивлению многих, алкоголичку. «Но послушайте, я же актриса. Если бы только демонстрировала свою фигуру — уснула от скуки, и зрители тоже. Это, если хотите, вызов. После 27 лет (и 36 фильмов) в кинопромышленности нелегко найти роль, которую раньше не играла и которой слегка побаиваешься. К тому же это почти фильм ужасов, трупы тут как тут, стоит лишь приоткрыть любую дверь, — аудитория попискивает». Ее 13-летнему сыну Трою очень понравилось — и что им теперь по вкусу, этим молодым людям! Говорит это, словно оправдываясь, тут же информирует, что скоро собирается начать съемки «фильма очень серьезного», под названием «Старый гринго», по мотивам произведений Карлоса Фуэнтеса. «Я вступаю в период не такой богатый, как прежде, — продолжает она, — но если начну ждать, пока кто-то поднесет мне роль, вряд ли дождусь чего-то. Вот почему я сама стала продюсером. Мне это новое амплуа по душе — а сколько захватывающих деловых, технических и творческих моментов!» У мужа, Тома Хейдена, свои успехи — как член законодательного собрания Калифорнии он многое делает для охраны окружающей среды в штате. Что думает о скандале с тайными операциями по продаже оружия Ирану? Нельзя ли пропустить этот вопрос, да, не хотелось бы затрагивать политические темы, хотя, конечно, ее этот обман не может не возмущать. «Мне иногда кажется, что я перестала себя насиловать, чуть успокоилась и понимаю, чего хочу. Впрочем, что говорю? В жизни столько раз начинала сначала. Но мечтаю уже и о том, чтобы стать бабушкой».

«Ну нет, нас ей не провести», — восклицает мэр небольшого городка Уотербери (штат Коннектикут), где в декабре 1987 года прошли марши жителей, решивших не пускать «красную» на свою территорию: что ж с того, что город может прилично заработать на проводимых в его черте съемках нового фильма режиссера Мартина Ритта. Даже сумма в 5 миллионов не прельщает: «Да вы в своем уме, она ж — предательница»,— говорит отставной генерал. «Пусть забирает свои тридцать серебреников», — вторит генералу мэр.

Многое ли меняется сегодня в Америке? И все-таки меняется — и многое! Уже сейчас футурологи в замешательстве, долговременные прогнозы делать боятся. Выявляются новые неожиданные тенденции. В учебных заведениях, на удивление, растет число студентов, проявивших интерес к истории участия американцев в войне во Вьетнаме (на фоне того невежества в этом вопросе, о котором я говорил выше), к фактам яростных столкновений, имевших место в то время между отцами и детьми, к проблеме разрыва поколений. Параллельно с этим все больше молодежи хочет узнать хоть кое-что о Советском Союзе, об истории России. Как ни странно, меньше теперь задают вопросов о том, «сколько кто зашибает, сколько стоит сегодня», хотя у молодых американцев традиционно хорошо развита деловая смекалка, нацеленность на конкретный результат. Вот еще одно интервью — Марк Бекер, 17 лет, учится в частной школе в Нью-Йорке, капитан бейсбольной команды; отец — владелец фирмы на Уолл-стрите: «У нас в школе тоже свой деловой клуб, играем на бирже — и успешно: совокупный капитал вырос почти в пять раз. Решения принимаем самостоятельно, отцов не спрашиваем. Биржевые сводки просматриваем каждый день. Спортивным увлечениям это не мешает... Телевизор смотрю регулярно. Любимая передача — сериал «Даллас». Мне нравится главный герой, он делает все, что хочет. Я просто влюблен в него, он всеми вертит. В спорте также нужно быть сильным». Ну что ж — под одну гребенку Америку не подстрижешь: такая она противоречивая — консервативная, реакционная, либеральная, прогрессивная, р а з н а я: и принимать и понимать, и изучать ее надо именно такой. Стремление к индивидуальному успеху, желание выбиться, доказать, сделать свой миллион (само собой) — у них в крови. И просто поносить их за это вряд ли целесообразно. «Американская мечта» — феномен сложный, и обставлена она со всей пышностью, с применением умной рекламы, подана с патриотическим и патриархальным «яблочным пирогом» и рассчитана буквально на каждого. Ежегодно, по-прежнему, проводят традиционный статистический «парад звезд» и подсчитывают их доходы: список 40 богатейших представителей индустрии развлечений начинается рок-звездой Майклом Джексоном и заканчивается почти бессмертным Фрэнком Синатрой. Среди самых удачливых миллионеров прошедшего 1988 года — пять женщин: ведущая телекомпании Эй-Би-Си, три певицы и киноактриса Джейн Фонда.

И, тем не менее, согласно опросам, анализам, информации, не столь меркантильны сегодня юные граждане США. И может быть, все-таки грядет новый «средний американец», вовсе не похожий ни на идеальных героев Генри Фонда, ни на бунтующих молодчиков Питера, ни на такую разную в разные периоды своей жизни Джейн. И что главное — здорово отличаться, говорят пророки и ученые, станет новое поколение от «роботиков» 80-х, выращенных в «тепличных» условиях ожидания ядерной катастрофы. Есть робкая надежда, что молодежь 90-х будет молодежью думающей и неравнодушной — и от того другой. Говорят перестанут ее волновать бесконечные похождения супермена Рэмбо, сокрушающего на своем пути все не только враждебное, чуждое, но и незнакомое, странное, неведомое, непонятное, — может быть зародится в «новом американце» (и вообще в новом землянине) интерес, любопытство, а потом и сострадание — и вместе с этим появится надежда.

Желание вновь обрести утраченную веру в идеалы заставляет приоткрывать, хотя еще вовсе не распахивать душу. Отцы и дети, нередко яростно сшибающиеся, когда полны сил (одни в расцвете здоровой зрелости, другие в пору все низвергающей юности), не стыдятся говорить друг другу нежные слова, когда промелькнет это время и придет к отцам мудрость, а к детям — опыт. И сколь горько жалеть потом о словах, которые не сказал, позабыл в суете, или, наоборот, произнес, обидные, в запальчивости, в ослеплении будней.

Но засыпешь ли великие разломы словами? Каждый день, как приклеенные, сидим мы у телевизора, получаем информацию — гигантскими порциями: сегодня случилось то-то и то-то (съезд, выборы, визит, подписание), но неделю назад происходили не менее важные события — а голос диктора так же ровен, хорошо поставлен, почти не изменился. И год назад ситуация была примерно такой же: но те, ушедшие в прошлое факты и голоса, продолжают для нас существовать. Как же здорово научились мы раздувать вещи маловажные, помнить детали и забывать главное! С течением времени, почти незаметно, но неумолимо, овладели нашим сознанием, проникли в сердце и поселились там такие понятия, как «холодная война», «неприкосновенность военных», их возведенная в культ «боевая готовность», а главное — какая-то обреченность, бессилие перед происходящим, философия катящегося под откос колеса: и куда кривая выведет — хоть и не ясно, но никого вроде бы не волнует. Да нет, вовсе не так! И Генри Фонда думал об этом, хоть и осуждал «революционные порывы» своей дочери, и все сыгранные им персонажи не могли не рассуждать о таком, ибо были людьми честными и порядочными. И Джейн не скрывала своей озабоченности ни в период «вьетнамских схваток», ни потом, когда плакала вместе с отцом «у Золотого озера» и верила в доброе и светлое в каждом из нас. И Питер рвался к тому же на своих страшных мотоциклах и беспечно погибал в пути, веря, что день братства наступит, и даже на яхте плыл он к этому будущему под алыми и голубыми парусами. Но куда же кривая выведет то колесо истории? Ведь скорость, набранная им, рано-поздно выдохнется, покрутится колесо на месте и уляжется на землю — то ли в траву, то ли в пепел. И как много зависит от нашей простой осведомленности друг о друге, от информации на человеческом уровне (кто есть кто, что есть что — позвольте сказать, разрешите выслушать), от сознания важности прожитых и будущих жизней, своих и чужих, от рабочих династий из Америки и России, от их потомков.

МИФ НА ПЕСКЕ

«Более полутора веков назад в маленьком датском городке Оденсе жил башмачник Ханс Андерсен со своей женой Анной Марией. Было ему тогда лет двадцать пять, жене немного больше. Домик их состоял всего из одной комнаты. Всю мебель молодой супруг смастерил своими руками... Однажды весной на самодельную кровать супругов положили веселого мальчугана, болтавшего ручками и ножками. Это был сынок, которого родила Андерсену его жена».

Прочитав начало книги немецкого писателя Франца Михнера, как, впрочем, и строки многих других, писавших о детстве сказочника Ханса Кристиана Андерсена, его соотечественник датчанин Енс Ёргенсен непременно бы поморщился и поставил бы жирный вопросительный знак.

Впрочем, частица «бы» предполагает, а Ёргенсен уже поставил такой знак на каждой из 191 страницы вышедшей недавно своей книги «Х. К. Андерсен — миф на песке». И если этот автор, директор гимназии из Слагельсе, хотел привлечь к своей персоне внимание прессы, то он своего добился. Практически все крупные датские газеты опубликовали пространные рецензии на книгу Енса Ёргенсена. Почему возник такой шум — понятно: Ёргенсен совершил покушение, и весьма умелое, на биографию, пожалуй, одного из самых знаменитых датчан — Ханса Кристиана Андерсена, утверждая, что его истинными родителями были кронпринц Кристиан Фредерик (впоследствии король Кристиан VIII) и знатная дама Элиза Ахлефельдт-Лаурвиг.

В чем не откажешь Ёргенсену, так это в недюжинном терпении. Доказывая свою версию, он проделал титанический труд, исследовав кучи документов и... к сожалению, ни одного стопроцентного факта не обнаружив. Зато он подверг сомнению те, которые таковыми считались до сих пор. К примеру — когда родился великий сказочник. Любой энциклопедический словарь уверенно ответит: 2 апреля 1805 года. Бесспорно? Отнюдь, считает Ёргенсен. Ведь это никоим образом не укладывается в его версию. Именно 2 апреля подозреваемая в материнстве Элиза Ахлефельдт-Лаурвиг весьма успешно (и это подтверждено документально) радовала своих поклонников вокальным концертом в Оденсе. Понимая, что два таких нелегких дела — концерт и рождение ребенка — довольно трудно совершить в один день, Ёргенсен предлагает считать, что Ханс Кристиан появился на свет на 14 дней раньше на острове Фюн. А 2-го был зарегистрирован в церковных книгах Оденсе и передан на воспитание в семью башмачника. Подобная хитрость, по мнению Ёргенсена, помогала Элизе запастись попутно алиби.

Что, как не родство с королевской фамилией, заставило весьма влиятельных людей оказывать покровительство 14-летнему Хансу Кристиану, прибывшему искать образования и удачи в стольный Копенгаген? Почему король Кристиан VIII не раз имел со сказочником длительные приватные беседы, а однажды даже предложил составить компанию на отдыхе на острове Фёр? Ёргенсен не сомневается в правильности своих ответов. А остальные?

Подобная теория имеет право на существование. В целом мнения рецензентов сошлись. Однако, что характерно, чем правее издание — тем больше было восторгов. Чем левее, тем чаще появлялись напоминания о том, что Кристиан VIII был отнюдь не единственной коронованной особой, с которой великий сказочник беседовал на равных. Кроме того, ни одна из двух автобиографий Андерсена — «Сказка моей жизни» (1855) и «Книга жизни» (1832) — не дает повода сомневаться по поводу того, кем были родители сказочника.

Время и дальнейшие исследования покажут, насколько правильна версия директора гимназии из Слагельсе. Возможно, она станет одним из тех недоказанных, но живучих печатных и непечатных слухов, которые существуют и поныне вокруг гениев прошлого. Как, скажем, не вспомнить, что во многих новозаветных евангелиях содержится родословная Иосифа, мужа Марии, которая призвана «неопровержимо» доказывать родство Иисуса Христа с царем Давидом. И для того лишь, чтобы еще раз подтвердить верования — отпрыск рода Давидова должен стать мессией. Похожая версия? А многолетний спор вокруг того, «кто написал произведения Шекспира»? А как насчет Ломоносова? Не побочный ли он сын Петра I?

Эти истории словно вылеплены из одного теста. И трудно сказать, чего в них больше: неутоленного стремления к абсолютной исторической достоверности, страсти порыться в исподнем знаменитостей или извечного самоуспокоения бездарей — мол, посмотрели бы мы, каким бы ты стал гением, если бы не родился, как говорят англичане, с серебряной ложкой во рту.

Да так ли уж важно, подтвердится ли версия Енса Ёргенсена? Главное-то останется неизменным. А главное — это сказки писателя.

Впрочем, кое-какие изменения с ними все же произойдут. Несколько американских газет собираются ознакомить читателей с творчеством Андерсена. Правда, чисто на американский манер — в виде комиксов. Жаль малышей, да и взрослых, которые, думается, с удовольствием посмотрят картинки, но, увы, не прочтут все это: «Кто-то сказал однажды, глядя на чернильницу, стоявшую на письменном столе в кабинете поэта: «Удивительно, чего-чего только не выходит из этой чернильницы! А что-то выйдет из нее на этот раз?.. Да, поистине удивительно!»

А. КЛЕНОВ

ДОВЕСТИ ДО СОВЕРШЕНСТВА

За сорок лет работы в литературе впервые пришлось увидеть, чтобы издательство рассылало стандартные редзаключения всем без разбора авторам. Такую форму ответа изобрели в Воениздате, впечатывая в ксерокопированный текст лишь фамилию, имя и отчество адресата. Этот уникальный документ прилагаю.

«Уважаемый......... Рукопись Вашего произведения редакция рассмотрела. Если говорить о нашем выводе, то он однозначен: книга, к сожалению, пока не сложилась. Вдаваться же в обстоятельный анализ рукописи на этом этапе нашей совместной работы, видимо, нецелесообразно, тем более, что рукопись читал наш рецензент. К его советам и пожеланиям следует прислушаться, ибо они проникнуты одной-единственной заботой: помочь автору довести произведение до совершенства.

Рукопись вместе с рецензией высылаем.

Всего Вам доброго!»

Особенно трогает в этом произведении печати пожелание «довести произведение до совершенства». Всегда считалось, что пределов совершенства нет. Однако в Воениздате запросто разделываются с этой тонкой категорией, с десятками, а может быть, и сотнями авторов (ведь тираж «редзаключения» мне неизвестен), решив всем сразу и на годы вперед определить, что издательство о каждом из них думает.

В. РОСИН,
писатель, ветеран ВОВ
Киев

ПРЕДЛАГАЮ МЕТОД

Всякий раз, когда просматриваю газету «Книжное обозрение», задаюсь вопросом: где же можно купить все эти прекрасные и разные книги, которые выпускают наши издательства? В магазин ходить, считай, бесполезно, да и в библиотеках на каждую интересную книгу десятки желающих.

У меня есть предложение. Пусть читатели по тому же «Книжному обозрению» выбирают нужную книгу и заказывают ее издательству (конечно, не бесплатно). Вот это и будет действительно демократический метод планирования тиражей — самых необходимых, популярных книг будет издано столько, сколько требуется. А полки магазинов освободятся от продукции, интересоваться которой мало кому приходит в голову.

Е. ЧУГУНОВА
Куйбышев

Записки императрицы

Продолжение, начало в №№ 8—12, 1988 г.; в № 1, 1989 г.

Екатерины Второй

На другой день к часу обеда мы отправились в палатку императрицы; мы нашли стол накрытым; несколько минут спустя она появилась и все присутствующие по косому взгляду исподлобья, какой она бросала, когда бывала рассержена, поняли, что она была не в духе. Поцеловав, как всегда, великого князя и меня, она начала говорить о скуке вчерашней охоты и, увидав человека, которому поручено было управлять этим имением, сказала ему по-русски: «Если бы ты не был мошенником, я бы лучше развлеклась вчера; очевидно, соседние дворяне дают тебе деньги, чтобы ты не мешал им охотиться на моей земле; тут нет ни одного зайца, а если бы тут не охотились, их было бы множество». Сей несчастный, весь дрожа, стал горячо божиться всеми возможными клятвами, чтобы ее убедить, что никто не охотился в окрестностях; но она продолжала его бранить и угрожать ему; потом она повернула разговор на доброе старое время и стала говорить, как она охотилась с Петром Вторым и какое множество зайцев они брали в день. Она принялась на чем свет стоит бранить князей Долгоруких, окружавших этого государя, и рассказывать, как они старались ее отдалить от него. Это заставило вспомнить о доброте и дружбе к ней этого государя и о неприязни, которую выказывала к ней императрица Анна; отсюда она перескочила на бедность, в которой жила во времена этой императрицы. Она нам перечислила все свои тогдашние доходы и сказала: «Хотя у меня было тогда не более тридцати тысяч дохода, на которые я содержала весь свой дом, тем не менее у меня не было долгов». При этом она бросила взгляд на меня. «У меня их не было», продолжала она: «потому что я боялась Бога и не хотела, чтобы моя душа пошла в ад, если бы я умерла, а долги мои остались бы не уплаченными». Тут вторично был брошен на меня взгляд. Императрица продолжала: «Правда, дома я одевалась очень просто; обыкновенно я носила юбку из черного гризета и кофту из белой тафты; в деревне я также не одевалась в дорогие материи». Тут она метнула на меня весьма гневными глазами — в этот день на мне была богатая кофта; я прекрасно поняла, что императрица страшно на меня злилась; я хранила молчание, по примеру всех присутствующих, и слушала почтительно и не смущаясь. Ее Величество еще долго продолжала в том же духе, переходя с одного предмета на другой, задирая то одних, то других, и возвращаясь почти постоянно к тому же припеву, который я должна была глотать. После того, как она одна в течение трех четвертей часа угощала нас разговором, за который платились мы, остальные присутствующие, в палатку вошел своего рода шут, очень мало забавный, по имени Аксаков, которого императрица взяла ко двору; он держал в своей шапке ежа; она его спросила, откуда он пришел; он ей ответил, что был на охоте и поймал редкостного зверя. Она захотела узнать, что это такое было, и подошла к нему, чтобы посмотреть, что он держал в шапке; в эту самую минуту еж поднял голову; Ее Величество страшно боялась мышей, а тут ей показалось, что голова ежа была похожа на голову мыши; она пронзительно вскрикнула и бросилась бежать со всех ног

к палатке, которая служила ей спальной. Минуту спустя она прислала приказание убрать накрытый к обеду стол; все разошлись; мы обедали у себя, но после обеда нам велели вернуться в Москву. Возвратясь в мою палатку, Чоглокова мне сказала: «Вот вы и получили нагоняй; поняли ли вы это»? Я ответила, что поняла, но что не знала, что именно раздражило Ее Величество против меня; она сказала мне, что также не знала. Могу поклясться, что не знаю этого и до сего дня.

В продолжении этого лета приехала ко двору из Ярославля принцесса Курляндская, дочь герцога Эрнста-Иоганна, который с тех пор, как императрица вернула его из Сибири, куда услала его принцесса Анна Брауншвейгская[55], избрал себе местом жительства Ярославль. Принцесса Курляндская не была любима ни отцом, ни матерью, она повседневно испытывала с их стороны очень дурное к себе отношение; утомленная наконец жизнью, которую она вела, она обратилась к жене местного воеводы, по имени Пушкиной; та предложила ей принять православную веру и взялась под этим прикрытием перемены религии доставить принцессу прямо ко двору; принцесса, которая была очень умна, ни минуты не колебалась, но, напротив того, ответила ей, что уже давно имела к этому влечение. Пушкина написала об этом Шуваловой и, с согласия императрицы, похитила принцессу у ее родителей и доставила ее в Москву к императрице, которая поместила ее при дворе и была крестной матерью, когда несколько недель спустя она приняла православие.

Около 5 сентября, именин императрицы, последняя отправилась в Воскресенский монастырь. Мы получили приказание следовать за нею. Там-то Ее Величество в день своего ангела объявила Ивана Ивановича Шувалова камер-юнкером; благодаря этому его случай перестал быть тайной, которую все передавали друг другу на ухо, как в известной комедии. Меня очень обрадовало его возвышение, так как я желала ему в то время всех благ; семья его это знала. По возвращении в Москву Шуваловы устроили так, что императрица отправилась с нами ужинать в Раево к Чоглоковым; эта вечеринка была очень весела и оживленна, танцевали до поздней ночи, после чего возвратились в Москву. Осень этого года была необыкновенно хороша. Мы снова отправились жить в Раево, а императрица в Тайнинское. За обедом Ее Величество сидела на конце длинного стола, накрытого в палатке. Великий князь сидел от нее направо, я налево, против великого князя рядом со мной сидела Шувалова, а рядом с великим князем фельдмаршал Бутурлин, направо от которого сидел духовник Ее Величества. Фельдмаршал, который любил выпивать, напоил обоих своих соседей, то есть отца-духовника и великого князя. У последнего вино вызывало всякого рода судороги, гримасы и кривляния, столь же смешные, как и неприятные. Я видела, что это не нравилось императрице, и так как я тогда принимала искреннее участие во всем, что касалось моего мужа, слезы выступили у меня на глаза от неприличия, с которым он себя вел в этот день за столом; Шувалова это заметила и была мне за это благодарна; она обратила на это внимание императрицы, которая поспешила встать из-за стола. Великий князь, несмотря на свою нетрезвость, отправился на охоту с графом Разумовским, а я вернулась в Раево. Только что я туда приехала, как у меня началась сильнейшая зубная боль; я не знала, какому угоднику молиться, и ужасно страдала. Бывший тут брат Чоглоковой, граф Иван Гендриков, предложил мне вылечить меня; я приняла его предложение; он вышел и через несколько минут вернулся с крошечной бумажной трубочкой, которую он просил меня положить на больной зуб; я так и сделала; но только что по его совету я сжала зубы, как почувствовала столь страшный приступ боли, что была вынуждена лечь в постель; ночью у меня начался сильнейший жар с перемежающимися приливами крови к мозгу. Чоглокова была сильно встревожена этим случаем, происшедшим в ее доме и вызванным ее братом; она набросилась на него и сильно его выругала. Она не отходила во всю ночь от моей кровати и казалась очень встревоженной; можно было бы даже сказать, что чем больше времени она со мной проводила, тем более она ко мне привязывалась, конечно, вполне бессознательно и невольно, причем это не проявлялось последовательно, но порою известные случаи обнаруживали в Чоглоковой эти чувства. На следующий день меня, совсем больную, закутали, уложили в карету и привезли обратно в Москву, где эта зубная боль продолжалась еще более двух недель, после чего она понемногу прошла. В течение этой болезни Владиславава старалась меня забавлять, и вот как она этого достигала: эта женщина была живым архивом; она знала скандальную хронику всех русских фамилий с Петра Великого и даже раньше. Она садилась возле моей кровати и, не переставая, рассказывала. Рассказывала она хорошо и с умом; от нее я и узнала связи всех семейств между собой, их родство до второго и третьего колена, множество анекдотов, которые часто при случае оказывают услуги тому, кто умеет ими пользоваться. Кроме того, так как я не могла читать из-за боли, которую испытывала, то ничего не могло быть для меня поучительнее разговора Владиславовой, чтобы познакомиться с тем обществом, среди которого я жила; и я вошла во вкус этих бесед. Иной раз она мне также рассказывала о текущих событиях; между прочим я узнала от нее, что в то время предполагался брак между сыном графа Бестужева и дочерью княгини Долгорукой, рожденной Аргамаковой, с которой хорошо была знакома Владиславова и у которой в характере было много странного. Часто она по ночам вставала и подходила к кровати своей спящей дочери, чтобы посмотреть, как она уверяла, не умерла ли эта дочь, которую она обожала; очень часто она даже будила ее, чтоб убедиться, что ее сон не был обмороком; кроме того, она всегда боялась, что ее дочь, богатая, остроумная, красивая и любезная, останется в девках, и поэтому всегда была готова выдать ее за первого встречного. В эту минуту явилось трое соискателей: молодой граф Андрей Бестужев, который, будучи еще сумасброднее своей матери, а это много значит, был таким же пьяницей, как его отец, впрочем, не обладая при этом ни одним из достоинств этого последнего; вторым, выставившим свою кандидатуру, был племянник императрицы Екатерины I, граф Скавронский[56], безобразная наружность которого равнялась его глупости; третьим наконец был князь Георгий Грузинский[57], который и женился на этой княжне; менее безобразный, чем граф Скавронский, он был зато круглый дурак; в особенности подчеркивало в нем этот недостаток то, что он никогда порядком не выучился говорить ни на одном языке, кроме своего родного, которого никто в России не понимал, кроме его грузин. Несчастная княжна, которой так не везло по части женихов и которую постоянно теснила ее мать, согласилась наконец выйти за последнего. Признаюсь, я постаралась при помощи Владиславовой отговорить мать от согласия на брак с графом Бестужевым, к чему мать была более всего склонна, ибо он был сыном великого канцлера, игравшего тогда очень значительную роль.

Княгиня Мария Яковлевна была всегда бесконечно благодарна мне за то, что я помогла отговорить ее мать

выдать ее за графа Бестужева, который и по характеру, и по своим порокам был извергом; хотя она и не была счастлива, но с этим последним она была бы гораздо несчастнее. А между тем никогда женщина не заслуживала большего счастия, чем она; это была одна из редких личностей по ее замечательной кротости, чистоте ее нравов и доброте сердца; труднее сказать, какого качества ей недоставало, чем перечислить все ее добродетели: никогда женщина не была так уважаема всеми без исключения, как она; она пользовалась высоким личным уважением со стороны всех ее знавших или даже только слыхавших о ней; это уважение к ней со временем только возросло бы, если б она не умерла в цвете лет 25-го декабря 1761 г., в самый день кончины императрицы Елисаветы. Я ее искренно оплакивала, ибо не было такого знака дружбы и привязанности, которого бы эта достойная женщина не выказывала мне в течение всей своей жизни, и, если б она дожила до моего восшествия на престол, которого она ожидала с таким нетерпением, она, конечно, заняла бы выдающееся место при мне; это был друг верный, разумный, твердый, мудрый и осторожный. Я никогда не знала женщины, которая соединяла бы в себе такое количество различных достоинств, и если б она была мужчиной, о ней говорили бы восторженно. Приблизительно в это же время императрица взяла ко двору двух старших дочерей графа Романа Воронцова[58]: старшая — Мария Романовна, лет тринадцати-четырнадцати, была назначена фрейлиной императрицы, а младшая — Елисавета Романовна, которой могло быть лет одиннадцать-двенадцать, была приставлена ко мне в той же должности. Старшая обещала быть хорошенькой, но вторая не имела и следов красоты; напротив, она и тогда уже была очень некрасива; оспа, которую она перенесла впоследствии, обезобразила ее еще больше, как мы это видели; обе сестры имели оливковый цвет лица, который их не красил; впоследствии они прибегли ко всякого рода искусственным краскам, чтоб избавиться от этого. В начале октября я схватила сильную лихорадку с насморком; я была принуждена пролежать в постели несколько дней; едва я встала, как Чоглокова пришла мне сказать, что императрица назначила на следующий день свадьбу камергера великого князя Александра Александровича Нарышкина с девицей Анной Никитичной Румянцовой. Я сказала Чоглоковой, что вследствие бывшей у меня лихорадки и оставшейся после нее слабости не буду в состоянии на ней присутствовать; Чоглокова согласилась со мной, что это могло бы вызвать возвращение болезни, и ушла. Несколько часов спустя она вернулась и передала мне от имени Ее Величества, чтоб я на следующий день вышла на эту свадьбу, ибо я должна была убрать невесту, и что с этой целью ее ко мне приведут. Я нашла это приказание довольно суровым, тем более что императрица за несколько дней до того приходила ко мне, своими глазами видела, какая у меня была сильная лихорадка, и нашла меня в таком жару, что боялись, [как бы не было] у меня тифа. Но приказание было определенное и, так как Ее Величество могла его дать не иначе, как зная, в чем дело, я не смела возражать, хотя, может быть, я и рисковала жизнью. Владиславова нашла это приказание суровым и даже жестоким и в этом духе о нем мне отозвалась. Наконец, на следующий день я, хоть и была очень слаба, оделась, насколько могла лучше. Невесту привели ко мне, и я ее убрала; однако меня освободили от необходимости итти в церковь, но зато меня заставили сесть в карету и проехать всю Москву от Анненгофа до дома Нарышкиных по ту сторону Кремля; мою свиту составляли три кареты и около двадцати верховых; было чрезвычайно скользко, потому что после сильного дождя наступил страшный мороз. Лошадей не успели подковать на шипы, мы ехали шагом и все-таки на эти семь верст, которые мы должны были проехать, не было ни одной лошади, которая не упала бы по нескольку раз; в довершение всех бед мы встретили между Казанской церковью и Курятными воротами свадебный поезд сестры Ивана Ивановича Шувалова, которая ехала в Казанскую церковь венчаться с князем Николаем Федоровичем Голицыным. Лошади этого поезда также скользили на каждом шагу. Одним словом, я думаю, что мы употребили по крайней мере два с половиной часа на эту поездку и столько же на обратный путь; ни раньше, ни позже я никогда не видела ничего похожего на эту прогулку, и этот день мог по справедливости получить название дня кувырканья; впрочем, сколько мне известно, никто себе ничего не повредил. Я приехала первая в дом новобрачных, а час спустя ввалилась вся свадьба. Императрица также приехала; после ужина и бала нас с великим князем послали отвести новобрачных в их комнаты; вследствие этого мы были вынуждены проходить коридоры, подниматься и спускаться по нескольким лестницам в этом огромном доме; после того мы уехали. Этот брак имел не более последствий, чем наш; это сходство в положении Нарышкиной и моем много способствовало дружеской связи, которая долго нас соединяла: мое состояние изменилось по прошествии девяти лет, считая со дня моей свадьбы, но она и поныне находится в том же положении, а уже двадцать четыре года, как замужем. На следующий день после этого празднества мы снова ездили к молодым; в этот день я почувствовала небольшую лихорадку, но она прошла без всяких последствий. Несколько дней спустя великий князь вошел в мою комнату с очень смущенной миной; я увидела, что у него было нечто на сердце, что его огорчало, но так как я вовсе не догадывалась, что бы это могло быть такое, то я некоторое время притворялась, что ничего не замечаю. Наконец он сам захотел облегчить свою душу от бремени, которое его давило; он сказал мне, что его егеря, которых он так любил, были арестованы и отправлены в Преображенское, где находилась Тайная канцелярия во время пребывания двора в Москве. Это меня мало тронуло; я даже никогда с этими людьми и не разговаривала; но он мне при этом сказал, что он боялся, как бы это не имело и для него последствий. Тогда я спросила, откуда пришла ему в голову эта мысль; тут он мне признался, что эти люди говорили ему о преданности к нему того поручика Батурина, о котором я выше упомянула, что этот последний разговаривал с ним на охоте и уверил его в преданности своей и всего Бутырского полка к нему, и что этот человек прибавил, что он не признает другого государя, кроме него. После того было еще несколько свиданий и переговоров между егерями, великим князем и этим офицером; великий князь знал, что и он был арестован. Мне показалось, что великий князь признавался мне только наполовину и боялся сказать мне все из страха, чтоб я не осудила его неосторожности. Мне стало жаль его за страдание, которое он испытывал; я старалась его утешить, но это дело в продолжение двух-трех недель его все-таки очень мучило; когда же он увидел, что ему об этом вовсе не говорили и что дело это не имело для него никаких дурных последствий, он незаметно его позабыл. Несколько лет спустя после моего восшествия на престол это дело попалось мне в руки; я его нашла среди бумаг императрицы Елисаветы; оно было ей передано для того, чтобы Ее Величество постановила о нем свое решение. Оно было

очень объемисто, и вследствие этого до своей смерти императрица не имела о нем правильного представления; она наверно его не прочла. Дело это было, может быть, одним из самых серьезных в ее царствование, хотя оно было затеяно безрассудно и неосторожно и, говоря без обиняков, это был заговор по всей форме; Батурин убедил сотню солдат своего полка присягнуть великому князю; он уверял, что получил на охоте согласие этого князя на возведение его на престол. На пытке он признался в своих сношениях с этим князем через посредство его егерей; на него донес гренадер, которого он старался привлечь на свою сторону; егеря были уличены в том, что они дали великому князю возможность с ним познакомиться, но, впрочем, допрошены они были только слегка. Когда я сопоставляю процесс с теми страхами, которые на моих глазах испытывал великий князь, и с тем, что он при мне говорил, я не сомневаюсь, что он узнал обо всем и что его егеря не захотели или не посмели оговорить его настолько, насколько этого требовала истина. Хотя я не думаю, чтобы императрица когда-либо узнала все, тем не менее она была достаточно осведомлена, чтоб утратить тот остаток доверия к нему, который она еще имела. После этого происшествия она перестала целовать ему руку, когда он подходил целовать ее руку, а в следующем году дала почувствовать свой гнев, хотя и косвенным образом, как я об этом расскажу в своем месте. Граф Александр Шувалов велел заключить Батурина в Шлиссельбургскую крепость в ожидании решения императрицы, которого однако никогда не последовало; оттуда я его сослала в 1770 г. в Камчатку за глупости, которые он писал и хотел распространять при помощи карауливших его солдат; из Камчатки он бежал вместе с Бениовским и многими другими после убийства большерецкого воеводы; они пробрались через Тихий океан в Макао; я не отчаиваюсь в том, что оттуда некоторые из этих несчастных вернутся в Европу; Бениовский уже там; ни один из них не избавлен по крайней мере от виселицы. Я обязана соблюдать во всем правду и рассказывать вещи, как они происходили на самом деле. С этого времени я стала замечать, как в уме великого князя росла жажда царствовать; ему этого до смерти хотелось, но он ничего не делал для того, чтобы стать достойным этого.

В ноябре 1749 г. моя зубная боль возобновилась; я была вынуждена лежать в постели, у меня была сильная лихорадка из-за продолжительности боли; так как я не знала покою в моей спальной, примыкавшей к апартаментам великого князя, из-за его скрипки и собак, — а это были удовольствия, от которых он ни за что не отказался бы, даже если бы он мог предположить, что я от них умру, — то я употребила все средства, чтобы склонить Чоглокову распорядиться перенести мою кровать в третью комнату, куда не доходили звуки того шума и гама, который великий князь постоянно производил у себя. Избранная мною комната была не очень-то удобна для человека, страдавшего флюсами, ибо три стены ее были в окнах; я приютилась с моей кроватью у четвертой стены возле печки, но все-таки между дверьми. После долгих страданий я наконец получила возможность выходить. В декабре мы уехали из Москвы. По дороге моя зубная боль возобновилась; мы с великим князем ехали в одних санях, а он при какой бы то ни было погоде не выносил, чтобы сани были закрыты; он с трудом соглашался даже на то, чтобы я опускала перед собой маленькую занавеску из очень тонкой зеленой тафты, которая предохраняла меня только от порывов ветра; на последней станции императрица прислала нам сказать, чтобы мы повернули в Царское Село. Я и приехала туда с невыносимой болью, которая вывела меня из терпения; я послала за Бургавом и попросила его, чтоб он велел вырвать мне зуб, который заставлял меня так страдать. Он хотел отложить это до следующего дня, но я так умоляла его, что он наконец согласился; позвали Гюйона, моего хирурга, и приготовили все для этой операции. Меня посадили на пол, Бургав сел против меня по правую руку, а Чоглокова в том же направлении по левую, они меня держали за руки, а Гюйон подошел сзади и схватил мой больной зуб своим инструментом; повернув зуб, он почувствовал, что ломает мне челюстную кость, но продолжал рвать и вырвал кусок этой кости вместе с зубом. Во всю жизнь я не испытывала боли, подобной той, какую почувствовала в эту минуту; она была так сильна, что, когда зуб был извлечен, у меня из глаз и из носу текли слезы в таком изобилии, как будто бы лили воду из чайника, не капля по капле, а целым ручьем, который лился безостановочно; это продолжалось, может быть, две-три минуты; кроме того, я плевала кровью, но не потеряла при этом сознания. В эту минуту императрица вошла в мою комнату, из которой всех удалили; она не могла удержаться от слез при виде моих ужасных страданий; ей рассказали, в чем было дело; когда я могла снова заговорить, я сказала Бургаву, что половина зуба осталась на месте; Гюйон захотел в этом удостовериться и собрался ощупать пальцем место, которое я указывала, но я ни за что не захотела этого ему позволить. Я тогда убедилась на собственном опыте, что претерпеваемое страдание часто вызывает чувство озлобления против того, кто его причинил. Бургав, который, по-видимому, это знал, засмеялся и попросил меня позволить ему осмотреть это место; он убедился, ощупав его, что один из корней зуба остался у меня во рту, тогда как вместе с самим зубом был вырван кусок челюстной кости величиной с десятикопеечную серебряную монету. Как только зуб был извлечен, я почувствовала облегчение; я хорошо проспала ночь, и на следующий день я уже была в состоянии переехать в город; но при этом великий князь и не подумал даже закрыть сани, хотя было очень холодно. Тотчас по приезде в город я удалилась в свою комнату и в течение четырех недель была не в состоянии из нее выйти, ибо правая челюсть и подбородок внизу совершенно посинели, как будто я упала на это место или ударилась им. Итак, я дошла до начала 1750 года.

После Нового года императрица уехала в Царское Село, а мы остались в городе. В это время очень немногие придворные приехали из Москвы; вообще все дворянство тогда еще более, чем теперь, с величайшим трудом покидало Москву, это излюбленное ими всеми место, где главным их занятием является безделие и праздность и где они охотно проводили бы всю жизнь в том, чтобы таскаться целый день в карете шестериком, раззолоченной не в меру и очень непрочно сработанной, этой эмблеме плохо понимаемой роскоши, которая там царит и скрывает от глаз толпы нечистоплотность хозяина, беспорядок его дома вообще и особенно его хозяйства. Нередко можно видеть, как из огромного двора, покрытого грязью и всякими нечистотами и прилегающего к плохой лачуге из прогнивших бревен, выезжает осыпанная драгоценностями и роскошно одетая дама в великолепном экипаже, который тащат шесть скверных кляч в грязной упряжи, с нечесанными лакеями в очень красивой ливрее, которую они безобразят своей неуклюжею внешностью. Вообще и мужчины и женщины изнеживаются в этом большом городе; они там видят [только пустяки] и занимаются лишь пустяками, которые могут опошлить и самого выдающегося

и гениального человека. Повинуясь, так сказать, только своим капризам и фантазиям, они обходят все законы или плохо их исполняют, обрекая тем самым на то, чтобы никогда не выучиться повелевать или [на то,] чтобы стать деспотами. Предрасположение к деспотизму выращивается там лучше, чем в каком-либо другом обитаемом месте на земле; оно прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами; ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления. Едва посмеешь сказать, что они такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать каменьями; чего я только не выстрадаю от такого безрассудного и жестокого общества, когда в комиссии для составления нового Уложения* стали обсуждать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету, и когда невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать, ибо слишком высоко оценила тех, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могут привести к некоторому улучшению в настоящем положении земледельцев, разве мы не видели, как даже граф Александр Сергеевич Строганов, человек самый мягкий и в сущности самый гуманный, у которого доброта сердца граничит со слабостью, как даже этот человек с негодованием и страстью защищал делю рабства, которое бы должен был изобличать весь склад его души. Не мне, впрочем, решать, была ли ему эта роль внушена, или она вытекала из низости, но я привожу этот пример, как один из тех, которые показались мне наиболее поразительными. Все, что можно сказать, это то, что если он грешил, то по крайней мере с полным сознанием, а сколько было таких, которыми руководил предрассудок или плохо понимаемая выгода! Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди. А в 1750 г. их, конечно, было еще меньше и, я думаю, мало людей в России даже подозревали, чтобы для слуг существовало другое состояние, кроме рабства. Впрочем, время возвратиться к этому году, начало которого заставило меня сделать отступление, столь далекое от предмета моего повествования.

В то время, как Ее Величество была в Царском Селе и город был еще пуст, в первые дни, не зная, что делать, мы с великим князем вздумали ходить после обеда к Чоглоковым, занимавшим все то же помещение, о котором я уже говорила. Там собиралась та маленькая свита, которая сопровождала нас в путешествии, и те из свиты императрицы, которые не последовали за нею в деревню. Мы там встречали также принцессу Курляндскую; игра в триссет была нашим главным занятием. Великий князь играл с принцессой Курляндской, эта игра сблизила его с нею. Главное достоинство, какое она имела в его глазах, состояло в том, что она была дочерью не русских родителей; уже тогда великий князь выказывал очень сильное пристрастие ко всем иностранцам и начало отвращения ко всему, что было русским или тянуло к России. Это отвращение впоследствии все росло, но в то время Его Императорское Высочество имело еще достаточно здравого смысла, чтобы не выставлять эти чувства напоказ, хотя часто у него вырывались уже очень многозначительные проблески такого настроения. Принцесса, кроме того достоинства, что она была иностранкой, имела в глазах великого князя еще ту неоцененную прелесть, что она охотно говорила по-немецки; и вот мой великий князь влюблен по уши. Настоящее достоинство принцессы Курляндской менее поразило его; нужно ей отдать справедливость, что она была очень умна; у нее были чудесные глаза, но лицом она была далеко не хороша, за исключением волос, которые были очень красивого каштанового цвета. Кроме того, она была маленького роста и не только кривобока, но даже горбата; впрочем, это не могло быть недостатком в глазах одного из принцев Голштинского дома, которых в большинстве случаев никакое телесное уродство не отталкивало; между прочим покойный король Шведский, мой дядя по матери, не имел ни одной любовницы, которая не была бы либо горбата, либо крива, либо хрома. Великий князь не совсем скрывал от меня эту склонность, но все-таки сказал мне, что это была только прекрасная дружба; я охотно этому поверила; впрочем, я знала, что это дальше перемигиваний не пойдет в виду особенностей названного господина, которые были все те же, хотя прошло уже около пяти лет, как мы были женаты. Визиты к Чоглоковым сделались ежедневными; они на это не жаловались, потому что это давало некоторый блеск их квартире и они были очень рады видеть у себя достаточно большое общество, чтоб иметь возможность проводить весь день за карточным столом. Принцесса Курляндская вела себя очень хорошо по отношению ко мне и не забылась ни на минуту, хотя эта привязанность длилась некоторое время. Императрица, проведя несколько недель в деревне, вернулась в город в последние недели мясоеда*. Я в это время отдалась более чем когда-либо нарядам и всяким модам. Княжна Гагарина поощряла во мне этот вкус; у нее всегда был наготове какой-нибудь совет по поводу моего наряда, и это придавало ей известное значение в моих глазах. В это время начали проникать к нам вырезки на платьях; я заказала себе два платья, одно из белого атласа, другое из розового, сплошь покрытые оборками; как только императрица вернулась в город, я поспешила на первый же куртаг надеть мое белое атласное платье с такой отделкой; это было первое платье такого рода, которое видела Ее Величество; кроме того, я надела на себя много изумрудов и причесала всю голову в буклях. Ее Величество не очень жаловала новые моды, еще менее те, которые шли молодым женщинам, в особенности же она не любила то, что было мне к лицу. Она на меня много смотрела в этот вечер, более обыкновенного косилась исподлобья, что было всегда дурным признаком, а в галерее отвела в сторону Чоглокову, с которой долго говорила, и, когда прощалась с нами перед уходом, показалась нам очень красной. Мы также удалились; едва я успела раздеться, как вошла Чоглокова и сказала, что Ее Величество нашла мое платье некрасивым и велела мне передать, чтобы я никогда больше не являлась перед ней в таком платье и с такой прической, что, кроме того, она гневалась на меня за то, что, будучи замужем четыре года, не имела детей, что вина в этом была исключительно на мне, что, очевидно, у меня в телосложении был скрытый недостаток, о котором никто не знал, и что поэтому она пришлет мне повивальную бабку, чтобы меня осмотреть. Великий князь, случайно находившийся в моей комнате, был свидетелем всего этого разговора. Я ответила по поводу туалета, что последую в точности приказаниям Ее Величества; что же касается второго пункта, то я сказала, что так как Ее Величество была во всем госпожа, а я в

* В подлиннике — la commission des loix.

* В подлиннике — Vers les dernieres semaines du carnaval.

ее власти, то я ничего не могла противопоставить ее воле. Великий князь на этот раз стал на мою сторону; чувствовал ли он, что вина была не моя, или со своей стороны он счел себя обиженным, но он резко ответил Чоглоковой по поводу детей и осмотра, и разговор между ними принял очень бурный характер; они высказали друг другу всевозможные горькие истины; я тем временем плакала и дала им наговориться. Чоглокова вышла очень рассерженная и сказала, что все передаст Ее Величеству; но было не так легко увидеть императрицу, и Чоглоковой не так-то скоро представился этот случай. Владиславова, видя мои слезы, захотела узнать их причину; я рассказала ей обо всем, что произошло, и об оскорблении, которое мне угрожало. Владиславова нашла, что [этот] поступок императрицы по отношению ко мне был несправедлив и прибавила: «Как же можете вы быть виноваты в том, что у вас нет детей, тогда как вы еще девица; императрица не может этого не знать и Чоглокова большая дура, что передает вам такие разговоры; Ее Величество должна бы обвинять своего племянника и самое себя, женив его слишком молодым». Между тем я долго спустя узнала, что граф Лесток советовал императрице только тогда женить великого князя, когда ему будет 25 лет, но имератрица не последовала его совету. Владиславова меня утешала и дала мне понять, что она доведет до сведения императрицы об истинном положении вещей, как она его понимала. Не знаю, что она сделала, но она не переставая ворчала сквозь зубы, что красивая прическа и фалбалы, по-видимому, вызвали дурное расположение духа Ее Величества и что в сущности я заслуживала сожаления, имея мужа, характер которого совсем не подходил к моему, и тетку, которая заменяла мне свекровь с очень тяжелым характером, которую, кроме того, раздражала одна злая женщина; под этой злой женщиной она разумела Чоглокову, которую бранила на чем свет стоит, с тех пор как муж ее поссорился с графом Бестужевым, другом и покровителем зятя Владиславовой. Мое положение, конечно, было не из очень веселых; я была как бы одинока среди всей этой толпы; однако я к этому привыкла; благодаря чтению хороших книг и веселости, лежавшей в основе моего характера, я легко заглушала в себе сознание этого положения; прибавьте к тому врожденное предчувствие моего будущего положения — оно постоянно давало мне мужество переносить все, что я должна была претерпевать, и выносить ежедневно и с разных сторон неприятности. Уже тогда я гораздо меньше плакала, когда была одна, чем в первые годы. Я всегда особенно старалась скрывать эти слезы, в которых я себя упрекала, как в слабости; скрывала я их также потому, что я всегда считала недостойным вызывать жалость других, и если бы кто-нибудь проявил это чувство по отношению ко мне, то этого было бы достаточно, чтобы повергнуть меня в отчаяние; я слишком уважала себя, чтобы считать заслуженной такую участь. Во время масленицы этого года в одной из зал дворца построили по приказанию императрицы театр, на котором кадеты стали представлять русские трагедии Сумарокова. Среди этих кадетов был один, который отличился столько же своей игрой, сколько своей красивой наружностью: его голубые глаза навыкате бросали взгляды, способные вскружить головы не малого числа придворных дам. Сама императрица, по-видимому, занялась этой труппой и красивым Трувором — роль в трагедии «Синав». Ей вовсе не надоедало смотреть на представление этих трагедий, она сама заботилась о костюмах актеров; мы увидели, как на красивом Труворе появлялись один за другим все любимые ее цвета и все наряды, которые ей нравились. Она собственноручно их румянила, и можно было видеть, как эта труппа, вся разодетая, выходила из внутренних покоев Ее Величества, где они костюмировались, и выходила сейчас же на сцену. За последнюю неделю масленицы нас заставили прослушать девять трагедий. Признаюсь, Мельпомена меня одолевала скукой и я очень часто зевала; однако я захотела узнать фамилию актеров, которые надоедали мне до смерти; из уст Ее Величества я узнала, что красивый Трувор назывался Бекетовым. Он сильно понравился княжне Гагариной, которая с ним свела знакомство; случай к тому представился очень легко, ибо во время поста, под предлогом, что через реку опасно переходить, императрица велела поместить всю труппу кадетов, игравших на ее театре, во дворцовых покоях; эти покои находились на пути, которым ходила княжна Гагарина наверх ко мне, и вот моя княжна вся поглощена кокетничаньем с этим Бекетовым и во второй раз соперница Ее Императорского Величества. Это была опасная игра, так как она хорошо знала, что не одна фрейлина за одно подозрение в том, что она обратила внимание кого-нибудь из тех, которые владели минутным расположением императрицы, была с позором выгнана. Кроме того, княжна Гагарина знала, что как бы она ни была некрасива, императрица не любила видеть ее разодетой, что ее часто бранили за ее наряд, и что Ее Величество питала против нее сильное неудовольствие за то, что Шувалов до своего случая чувствовал к ней настолько сильную привязанность, что даже хотел на ней жениться.

В первую неделю Великого поста мы с великим князем стали говеть. Я послала Чоглокову испросить у Ее Величества позволение пойти в баню в дом Чоглоковых; замечу здесь между прочим, что ни великий князь, ни я, мы не смели выходить из дому даже на прогулку без позволения императрицы, и мы бы не посмели нарушить этот установившийся обычай, не рискуя навлечь на себя гнев Ее Величества. Другой обычай, за нарушение которого я подвергла бы себя обвинению по крайней мере в нечестии, состоял в том, чтобы сходить в баню на той неделе, когда я собиралась говеть. Во вторник вечером Чоглокова вошла в мою комнату и сказала мне в присутствии великого князя, что Ее Величество дозволяла мне пойти в баню; потом она повернулась в сторону великого князя и сказала ему, что и он хорошо бы сделал, если бы туда пошел. Он с неудовольствием выслушал это предложение и ответил, что он и не подумает это делать, что он никогда раньше в бане не был и считал посещение ее одним предрассудком, которому он не придавал никакого значения; Чоглокова возразила ему, что он, пойдя туда, доставит этим удовольствие императрице; он ей ответил, что это неправда и что он ничего подобного не сделает; Чоглокова разгорячилась и сказала ему, что она удивляется недостатку уважения, которое он высказывал по отношению к желаниям Ее Величества. Великий князь со своей стороны утверждал, что пойти в баню или не пойти ни в чем не нарушало уважения, которым он был обязан по отношению к императрице; он удивился, что она, Чоглокова, осмеливалась обращаться к нему с такими речами, и если бы она была мужчиной, он сумел бы ей ответить и не стал бы выслушивать два раза такие слова — он разумел под этим обвинение в недостатке уважения к Ее Величеству. Чоглокова, которая не была терпелива и вообразила, что в этих последних фразах заключалась угроза по адресу ее мужа, страшно рассердилась и спросила великого князя, знает ли он, что императрица могла бы его заключить в С.-Петербургскую крепость за такие речи и за выка-

занное им ослушание ее воле. Я уже сказала выше, что эта крепость служила тюрьмой преступникам, обвиняемым в оскорблении величества и подвергавшимся суду Тайной канцелярии, которая там имела свои заседания. Великий князь при этих словах задрожал и в свою очередь спросил ее, говорит ли она ему от своего имени, или от имени императрицы. Чоглокова возразила ему, что она его предупреждает о последствиях, которые могло иметь его безрассудное поведение, и что если он желает, императрица сама повторит ему то, что она, Чоглокова, только что ему сказала; ведь Ее Величество не раз уже угрожала ему крепостью, имея на то, по-видимому, свои основания, а ему следовало помнить о том, что случилось с сыном Петра Великого по причине его неповиновения. Тут великий князь стал сбавлять тон и сказал ей, что он никогда бы не поверил, что он, герцог Голштинский и в свою очередь владетельный князь, которого заставили приехать в Россию вопреки его воле, мог здесь подвергаться опасности такого постыдного с ним обращения, и что если императрица не была им довольна, то ей оставалось только отослать его обратно на родину. После того он задумался, стал большими шагами ходить по комнате и потом начал плакать, после чего он вышел; при этом оба, он с одной стороны, а Чоглокова с другой, послали друг другу еще несколько ругательств, которые могло подсказать им дурное расположение их духа, но это уже было ничто в сравнении с тем, что они только что друг другу сказали. Я оставалась спокойным зрителем этой сцены и, когда они обращались ко мне, старалась, насколько от меня зависело, умиротворить обоих спорящих, которые с обеих сторон с жаром рассуждали по поводу недоразумений и вместо того, чтобы объясниться, все более и более запутывали дело вследствие раздражения. Когда оба ушли, я стала размышлять над словами Чоглоковой, при чем говорила себе: такие-то слова — ее собственное изобретение, а такие-то исходят от императрицы. Я пришла к заключению, что те, в которых содержалась угроза крепостью, исходили именно от государыни; я видела в них доказательство сильного раздражения против великого князя; дело с его егерями лишь слабо мелькнуло в голове, потому что в то время я в точности не знала его завязки, но когда я разузнала о деле Асафа Батурина и когда сопоставляю время разбирательства этого дела с тем моментом, когда Чоглокова имела с нами этот разговор, и, кроме того, добавляю к этому то соображение, что после этого разговора Чоглоковой с великим князем императрица перестала целовать его руку, когда он подходил целовать руку этой государыни, я заключаю из предыдущего, что разговор этот произошел в связи с тем делом и заключавшиеся в нем намеки были с расчетом направлены на то, чтобы дать почувствовать великому князю все неразумие его поведения. На следующий день Чоглокова вернулась и сказала великому князю, что она передала императрице о сцене вчерашнего вечера и что он упорно отказывался сходить в баню, на что Ее Величество сказала: «Ну, так если он столь непослушен мне, то я больше не буду целовать его проклятую руку». Великий князь на это возразил: «это в ее воле, но в баню я не пойду; я не могу выносить ее жары». С тех пор несколько раз пытались убедить его сходить в баню, но все попытки были безуспешны, и он постоянно упорствовал в своем нежелании ходить туда. Но при каждой такой попытке он неизменно вспоминал, что по случаю бани ему угрожали крепостью; других причин он тут вовсе не подозревал, а потому и не дали ему об этом догадаться, а он и не подумал отгадать их сам; но если действительно таково было намерение, то, мне кажется, его привели в исполнение как нельзя более удачно.

Около 17 марта императрица поехала в Гостилицы, имение графа Разумовского, чтобы там праздновать именины графа, а мы получили приказ ехать в Царское Село с нашим двором и фрейлинами императрицы, во главе которых была принцесса Курляндская. Этот приказ пришелся по вкусу великого князя; что было особенно замечательно в этой поездке, это то, что мы уже нигде не видали снега и выехали из города и вернулись туда с пылью. В Царском Селе старались как можно больше веселиться; днем гуляли или ездили на охоту; качели играли также не малую роль; на этих качелях девица Балк, фрейлина императрицы, пленила Сергея Салтыкова, камергера великого князя. На другой же день он ей сделал предложение, которое она приняла, и в скором времени он на ней женился. Вечером играли в карты, и затем следовал ужин. Однажды вечером я почувствовала сильнейшую головную боль; я была принуждена встать из-за стола и лечь в постель, и так как великий князь ухаживал более обыкновенного в этот вечер за принцессой Курляндской, что Владиславова заметила через какую-нибудь щель или замочную скважину, ибо она имела похвальную привычку в большинстве случаев удовлетворять этим путем свое любопытство, то она, как только я пришла в свою комнату, чтобы раздеться, не преминула приписать мое недомогание ревности, которую я возымела против этой принцессы. Она принялась говорить про нее все, что могла придумать самого дурного, понося также на все лады Его Императорское Высочество за его дурной вкус и за его поступки со мной, которым она давала всякого рода названия. Речи Владиславовой, хотя и говорились в мою пользу, заставили меня плакать; я не могла выносить мысли, что я в ком-нибудь возбуждаю жалость, а она мне выказала жалость по отношению к моему положению. Я легла и заснула; великий князь, очень пьяный, пришел и лег, ибо в первые девять лет нашего брака он никогда не спал нигде, кроме моей постели, после чего он спал на ней лишь очень редко, особенность, по-моему, одна не из очень-то ничтожных, в виду положения вещей, о которых я уже упоминала.

Как только он в этот вечер лег, хотя он знал, что я была нездорова, он меня разбудил, чтобы поговорить со мной о принцессе Курляндской, об ее прелестях и о приятности ее беседы. С воображением, разгоряченным намеками Владиславовой, с головой, отяжелевшей от испытываемой мною боли, и раздраженная недостатком внимательности, которую этот человек, действительно пьяный, выказывал ко мне, разбудив меня, чтобы занимать меня столь мало приятным для меня разговором, я ему ответила несколько слов, в которых чувствовалось раздражение, и притворилась, что засыпаю. И то, и другое его обидело; он несколько раз ударил меня очень сильно локтем в бок и повернулся ко мне спиной, после чего заснул; я проплакала всю ночь, но не подумала кому-либо об этом сказать слово. Не вспомнил ли великий князь об этом вовсе, или ему стало стыдно, но он ни слова не упоминал мне об этом никогда. Пробыв еще несколько дней в Царском Селе, мы вернулись в город. В Великую субботу к вечеру великому князю принесли очень свежие голштинские устрицы; на первой и на последней неделе Великого поста нам позволяли есть только грибы, а остальные пять недель — только рыбу; великий князь, обладавший всегда хорошим аппетитом и очень проголодавшийся как раз в эту минуту — хотя он и ел тайком в течение всего поста мясо при помощи своих камердинеров, но порция мяса могла быть только очень маленькой, потому что ее приносили

ему в этих случаях не иначе, как в кармане, и люди его сильно рисковали при этой проделке, — великий князь, подпрыгивая, прибежал в мою комнату, где нашел меня в постели и уже заснувшею; я не спала ночь с пятницы на субботу и должна была еще бодрствовать с субботы на воскресенье. Я принуждена была встать и итти есть с ним устрицы. Они были очень вкусны; я их съела штук двадцать, после чего пошла снова лечь и проспала до того времени, когда нужно было одеваться к пасхальной заутрене. Пока я одевалась, я уже почувствовала некоторые боли в желудке, но так как я всегда относилась с пренебрежением к такого рода болям, то продолжала одеваться и пошла в церковь. Во время заутрени мое нездоровье усилилось; я все-таки прослушала половину обедни, но после Евангелия была вынуждена выйти из церкви; за мной пошла княжна Гагарина; Чоглокова лежала в то время в родах. Дойдя до моей комнаты, я там не нашла моих женщин, потому что они в этот день пошли с Владиславовой причащаться в малую комнатную церковь императрицы. Княжна Гагарина должна была меня раздеть; мое нездоровье усиливалось, у меня были постоянные и очень сильные боли в животе; она послала за Бургавом; но он ушел причащаться в свою церковь; наконец мои боли перешли в понос, что меня облегчило. Княжна Гагарина, трусливая по природе и находясь со мной одна, ежеминутно спрашивала меня: «Не хотите ли, чтоб я послала за вашим духовником?» Несмотря на ужасные страдания, которые я испытывала, я не могла удержаться от смеха при виде страха, который она выказывала. А то она мне говорила: «Я умираю от страха, как бы вы не умерли, пока я с вами одна». Наконец пришли мои люди, а также доктора, что положило конец тревогам княжны, которая ушла, оставив меня с ними. Меня заставили принять дозу ревеню, и моя болезнь прошла; тем не менее я должна была пролежать в постели весь первый день Пасхи. Мои женщины, придя немного в себя, рассказали мне, что они были свидетельницами другого рода сцены. Императрица вышла за несколько минут до меня из большой церкви во время обедни, что она часто проделывала, хотя была очень набожна; во время богослужения она обыкновенно не подолгу стояла на одном и том же месте, а переходила по церкви с одного места на другое; не было церкви, где бы для нее не было отведено двух или трех мест. В этот день она прямо прошла из большой в свою малую комнатную церковь; там она показалась до такой степени раздраженной, что заставила дрожать от страха всех присутствующих; это происшествие сильно смутило благочестивое настроение моих женщин. Императрица выбранила всех своих горничных, как старых, так и молодых, число которых было не малое и доходило, пожалуй, приблизительно до сорока; певчие и даже священник — все получили нагоняй. Много шептались потом о причинах этого гнева; из глухих намеков обнаруживалось, что это гневное настроение императрицы вызвано было затруднительным положением, в котором находилась Ее Величество между троими или четверыми своими фаворитами, а именно — графом Разумовским, Шуваловым, одним певчим, по фамилии Каченовский, и Бекетовым, которого она только что назначила адъютантом к графу Разумовскому. Нужно сознаться, что всякая другая на месте Ее Величества была бы поставлена в тупик и при менее затруднительных условиях. Не всякому дано умение щадить и примирять самолюбие четверых фаворитов одновременнно.

В начале весны нас отправили жить в маленький Летний дворец Петра Великого, что доставило нам удовольствие, потому что комнаты, которые мы должны были занимать, выходили прямо в сад. В то время в большом деревянном Летнем дворце строили со стороны церкви флигель, где мы должны были жить. Это означало, что императрица больше не хотела, чтобы мы находились так же близко от ее апартаментов, как раньше. Мы со своей стороны вовсе не сожалели о наших прежних комнатах в Летнем дворце, потому что они были очень неудобны. Это был двойной ряд комнат с двумя выходами, один на лестницу, по которой все приходившие к нам должны были проходить; другой выход примыкал к парадным покоям императрицы, так что для внутренней службы наших комнат и для всех наших нужд наши люди должны были пользоваться одним из этих двух выходов; случилось однажды, что в ту минуту, как не помню уже какой иностранный посланник входил к нам для аудиенции, первая вещь, которая ему попалась навстречу, было судно, которое выносили, чтобы его опорожнить. Из Летнего дворца нас заставили переехать в Петергоф и отвели нам помещение среди тех деревянных построек, которые были воздвигнуты в конце Монплезирской аллеи; помещение наше занимало нижний этаж и имело только один ряд комнат с окнами по обе стороны; оно было довольно приятно.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ:

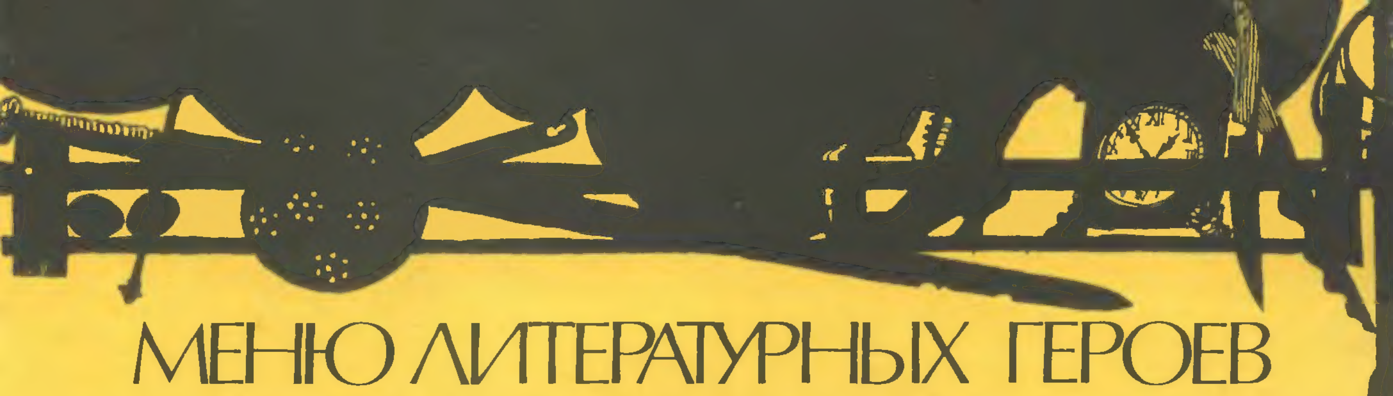
55. Анна Леопольдовна (1718—1746). Урожденная принцесса Елизавета Мекленбургская. Внучка царя Иоанна Пятого Алексеевича, внучатая племянница Петра Первого. С 1722 г. жила и воспитывалась в России. В 1733 г. крещена в православие, наречена Анной в честь восприемницы-императрицы. С 1739 г. замужем за Антоном-Ульрихом, принцем Брауншвейг-беверн-люнебургским. В 1740 г. родила сына, будущего императора Иоанна Шестого Антоновича, при котором была регентшей. Переворот в пользу Елизаветы Петровны превратил регентшу в пленницу. Она отказалась отречься за своих детей от прав на российский престол и умерла в ссылке, в Холмогорах, от родильной горячки.

56. Скавронский, Мартын Карлович (1714—1776). Генерал-аншеф и обер-гофмейстер. Происходил из рода, к которому принадлежала императрица Екатерина Первая, сын ее родного брата, Карла Самойловича С.

57. Фамилию Грузинских носили потомки грузинских царей: Бакара Вахтанговича (ум. 1750), выехавшего в Россию в 1724 г., и последнего царя Грузии, Георгие Ираклиевича.

58. Воронцов, Роман Илларионович (1707—1783). Генерал-поручик и сенатор при Елизавете Петровне, генерал-аншеф при Петре Федоровиче, при Екатерине Второй наместник Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний. Был женат на богатой купеческой дочери, деньгами которой помогал Елизавете Петровне в годы ее бедной и тяжелой жизни при Анне Иоанновне. В бытность губернатором довел вверенные ему губернии до разорения, чрезвычайно обогатившись сам. Екатерина Вторая, прознав об этом, прислала ему ко дню именин двусмысленный подарок: кошелек. Необыкновенно этим пораженный, В. вскоре умер. Из его дочерей известность приобрели две: Елизавета, бывшая ряд лет главной любовницей Петра Федоровича, и Екатерина (Дашкова), президент Академии наук и Российской академии. Сын, Семен Романович — посланник в Лондоне, внук, Михаил Семенович, новороссийский генерал-губернатор.

Примечания Александра НИКИТИЧА

МЕНЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Среди книг издательств социалистических стран, которые советский читатель может найти в специализированных книжных магазинах, большой популярностью пользуются книги венгерского издательства «Корвина».

Передо мной одна из книг этого издательства — «44 венгерских рассказа». Уже в предисловии к этой антологии Ю. Гусев, анализируя художественные мотивы, наиболее характерные для венгерского рассказа, выделяет мотив «гастрономический»: «Уважение к пище, к еде, может быть, где-то в своих истоках связано с веселым обжорством, которым была заполнена беззаботная жизнь венгерских джентри. Но посмотрите, какие метаморфозы претерпевает от рассказа к рассказу осмысление той роли, какую пища играет в жизни человека. У Круди она — эстетизированная субстанция, символизирующая самое жизнь... У Косталани же в рассказе «Омлет повобурнски» банальная яичница-глазунья... становится средством унижения человеческой личности... А вот у Калмана Шандора пища принимает участие в классовой борьбе, безжалостно наказывая повара, который верой и правдой служит господским желудкам».

А теперь перейдем от теории к практике и посмотрим, что же едят герои упомянутых и других рассказов, бедные и богатые, сытые и голодные, грустные и веселые.

«...он молча развернул перед собой кулек со шкварками и прохладной паприкой, с наслаждением отрезал кусок серого хлеба и уже готов был приступить к трапезе...»

«Вижу, здесь знают толк в приготовлении пёркёлта, я про то, что в соусе помидоры чувствуются, а ведь их не везде в пёркёлт кладут. Зеленая паприка и картошка, так вот прижаренные, тоже сказываются» (Дюла Круди. «Последняя сигара в «Арабском сером»).

Пёркёлт — превосходное блюдо венгерской кухни, готовится из сочных частей мясной туши. Мясо нарезается мелкими кусочками. В готовом пёркёлте сока остается не слишком много, он должен быть концентрированным, но не слишком густым. Добавлять в него муку не следует.

Мясо нарезать кубиками (2—3 см), костистую часть — кусками по 40—50 г. Лук мелко нарезать и потушить в жире, уменьшить огонь и добавить паприку, быстро размешать, тотчас же положить мясо, посолить и тушить под крышкой. Когда сок выпарится, подлить немного воды или мясного бульона и, изредка помешивая, тушить на умеренном огне. Когда мясо будет почти готово, положить в него нарезанные кубиками зеленый перец и помидоры, чеснок и тушить до готовности. На гарнир подать молодой картофель, посыпанный зеленью, и какое-нибудь пикантное соленье.

Для приготовления пёркёлта вам понадобится 1—1,5 кг говядины, 120 г жира (лучше смальца), 250 г репчатого лука, 20 г паприки, 2—3 зубчика чеснока, 200 г зеленого перца, 100 г помидоров.

Пёркёлт можно готовить из телятины, свинины (меньше жира), курицы (меньше лука).

«...затем был подан холодный бульон, начиненные ветчиной теплые пончики с грибной подливкой, розовая вырезка по-английски, к ней картофельное пюре, морковь, брюссельская капуста».

«Салат профессор приготовил собственноручно, прямо за столом: налил в стеклянную миску уксуса и подсоленного масла, примешал горчицу и яичный желток, посолил, поперчил и в этот пастельно-желтый соус опустил бледно-зеленые листья салата». (Ференц Каринти. «День рождения Эмила Духича»).

Профессор приготовил традиционную заправку для зеленого салата. Количество перечисленных ингредиентов я бы посоветовал подбирать по вкусу. Как вариант можно заменить сырой желток на тщательно размятый желток яйца, сваренного вкрутую, и добавить по вкусу сахарный песок.

Ужин повара из рассказа Калмана Шандора «Бунт еды» был не менее калорийным, чем трапеза в профессорском доме. «Он начинал его поджаренными кусочками хлеба с черной икрой, затем следовал студень, а за ним обычно поджаренный до хрустящей корочки окорок поросенка с тушеной капустой, потом немного птицы, и заключали эту мистерию еды пирожные, сыр и черный кофе». Думаю, что повар-гурман не отказывал себе и в свинине под кислым соусом.

Возьмите 1 кг свинины без костей, 80 г жира, 60 г лука, соль, молотый перец, лавровый лист, 30 г муки, 200 г сметаны, 20 г горчицы, 10 г сахара, 5 г лимонного сока, лимонную цедру.

Мясо нарезать небольшими кусочками (20—30 г), мелконарезанный лук слегка подрумянить на жире, положить в него мясо, приправить солью, черным молотым перцем, лавровым листом, долить немного бульона или воды и тушить под крышкой на среднем огне. Когда мясо почти готово, заправить его сметаной, смешанной с мукой, горчицей, сахаром, лимонным соком и щепоткой тертой лимонной цедры. Подавать с отварным рисом.

А вот как выглядело рабочее место героя этого рассказа:

«Бульоны в кастрюльках, раскаленные вертела, горячие духовки... здесь с немой страстью варили, жарили и тушили жирно-розовые тушки бывших каплунов, округлых поросят с лимоном в пасти, великолепных фазанов, уложенных посреди трюфелей, красных раков в сливочном масле с лавровым листом, темную говядину и куски надменно синеватого кабаньего мяса».

Наверное, почти так же выглядело рабочее место патриарха венгерского кулинарного искусства Кароя Гунделя. Его «Малая венгерская поваренная книга» вышла на русском языке в том же издательстве «Корвина» в 1985 году. А всего на разных языках она выдержала более 40 изданий.

На десерт Карой Гундель предлагает песочный пирог со сливами.

Для теста 100 г сахара, 200 г масла, 300 г муки, 1 желток, 10 г ванильного сахара, тертая лимонная цедра, щепотка соды; для начинки: 80 г молотых грецких орехов, 1 кг слив без косточек, 120 г миндаля, молотая корица, 80 г сахара.

Замесить песочное тесто на двух столовых ложках воды, раскатать его толщиной 4 мм и испечь в духовке до полуготовности. Когда тесто начнет подниматься и подрумяниваться, вынуть его из духовки, посыпать грецкими орехами и плотно разложить половинки слив кожицей вниз. Очищенный миндаль ошпарить, снять кожицу, нарезать тонкими пластинками и посыпать им сливы. Сверху присыпать молотой корицей с сахаром. Поставить в духовку и печь на верхнем огне (140° С) примерно 20 минут.

С. СМЕЛЯНСКИЙ

МАРШАЛ ЖУКОВ:

полководец и человек.
Рассказ о книге под таким названием, вышедшей в издательстве АПН, читайте на с. 2.

Комкор Г. К. Жуков на Халхин-Голе.

Цена 90 коп.

«В МИРЕ КНИГ»
1989, № 2, 1 – 88
«КНИЖНАЯ ПАЛАТА»
Индекс 70110

